

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Псковский государственный университет»

На правах рукописи

Владыкин Богдан Алексеевич

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ
ТИТУЛЬНЫХ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Специальность: 1.6.13 – экономическая, социальная, политическая и
рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:
доктор географических наук,
профессор А.Г. Манаков

Псков, 2026

Оглавление

Введение.....	6
Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения этнодемографических процессов в географической науке.....	12
1.1 Географические аспекты этнодемографических исследований.....	12
1.1.1 Геоэтнодемография как исследовательское направление на стыке геодемографии и этнодемографии.....	12
1.1.2 Связи геоэтнодемографии с этнической, конфессиональной и культурной географией.....	16
1.1.3 Связь геоэтнодемографических исследований с этнологией и этносоциологией.....	18
1.2 Геоэтнодемографическое исследование ассимиляционных процессов.....	21
1.2.1 Изучение языковой ассимиляции.....	21
1.2.2 Исследование межэтнической брачности и смешанных семей.....	23
1.2.3 Анализ этнодемографических процессов в контексте смены этнической идентичности.....	26
1.3 Методика изучения геоэтнодемографических процессов.....	29
1.3.1 Показатели для изучения территориальных сдвигов в расселении этносов.....	29
1.3.2 Оценка ассимиляционных процессов как результат геоэтнодемографического анализа.....	34
Глава 2. Динамика численности титульных финно-угорских народов и их удельного веса в населении государства и своих республик.....	38
2.1 Динамика численности титульных финно-угорских народов в Российской империи, СССР, России и своих республиках.....	38
2.1.1 Динамика численности титульных финно-угорских народов в своих республиках с 1926 по 2021 годы.....	38

2.1.2	Динамика численности титульных финно-угорских народов в пределах России в современных границах с 1926 по 2021 годы.....	43
2.1.3	Динамика численности титульных финно-угорских народов в пределах Российской империи, СССР и постсоветского пространства с середины XVIII века по 2020-е годы.....	48
2.2	Изменение удельного веса титульных финно-угорских народов в населении Российской империи, СССР, России и своих республик.....	53
2.2.1	Изменение удельного веса титульных финно-угорских народов в населении своих республик с 1926 по 2021 годы.....	53
2.2.2	Изменение удельного веса титульных финно-угорских народов в населении России в современных границах с 1926 по 2021 годы.....	56
2.2.3	Изменение удельного веса титульных финно-угорских народов в населении Российской империи, СССР и постсоветского пространства с середины XVIII века по 2020-е годы.....	59
2.3	Изменение соотношения концентрации титульных финно-угорских народов в пределах своих республик и других регионах страны.....	62
2.3.1	Опыт применения коэффициента этнической концентрации в геоэтнодемографических исследованиях.....	62
2.3.2	Динамика коэффициента концентрации титульных финно-угорских народов в своих национально-государственных образованиях с 1926 по 2021 годы.....	66
2.3.3	Сопоставление динамики численности и концентрации титульных финно-угорских народов в своих национально-государственных образованиях и за их пределами с 1926 по 2021 годы.....	69
Глава 3.	Сдвиги в расселении титульных финно-угорских народов по регионам страны как отражение миграционных и ассимиляционных процессов.....	73

3.1 Сдвиги в расселении титульных финно-угорских народов в XVIII–XIX веках по материалам ревизий и переписи населения 1897 года.....	73
3.1.1 Изменение численности и концентрации финно-угорских народов в крупных регионах страны по итогам ревизий населения с 1762 по 1857 годы.....	73
3.1.2 Концентрации финно-угорских народов на уровне губерний по итогам переписи населения 1897 года и ее динамика на уездном уровне в XIX веке.....	77
3.2 Сдвиги в расселении титульных финно-угорских народов по регионам России между переписями населения 1926 и 1939 годов.....	83
3.3 Сдвиги в расселении титульных финно-угорских народов по регионам России в межпереписные интервалы с 1959 по 1989 годы.....	92
3.4 Сдвиги в расселении титульных финно-угорских народов по регионам России в межпереписные интервалы с 1989 по 2021 годы.....	105
Глава 4. Оценка ассимиляционных процессов среди титульных финно-угорских народов России во второй половине XX в. — начале XXI в.....	120
4.1 Критерии оценки интенсивности ассимиляционных процессов.....	120
4.1.1 Родной язык титульных финно-угорских народов: динамика с 1970 по 2021 годы.....	120
4.1.2 Связь между изменением межэтнической брачности и концентрацией титульных финно-угорских народов в регионах России в начале XXI века.....	124
4.1.3 Возрастно-половые пирамиды титульных финно-угорских народов в своих республиках и за их пределами в 2021 году.....	132
4.2 Количественная оценка ассимиляционных процессов среди титульных финно-угорских народов в советский и постсоветский периоды.....	135
4.2.1 Суммарный коэффициент рождаемости титульных финно-угорских народов во второй половине XX в. — начале XXI в.....	135

4.2.2 Суммарный коэффициент рождаемости и динамика численности в постсоветский период: сравнение титульных финно-угорских и тюркских народов Поволжья.....	139
4.2.3 Оценка ассимиляции титульных финно-угорских народов с 1959 по 1989 годы и с 1989 по 2021 годы.....	142
4.3 Динамика финно-угорского населения на Севере Европейской России на уровне муниципальных образований с 2010 по 2021 годы.....	146
4.3.1 Доля финно-угорского населения на уровне муниципальных образований по итогам переписи 2021 года.....	146
4.3.2 Динамика численности финно-угорского населения на уровне муниципальных образований в 2010-е годы.....	149
4.3.3 Динамика доли финно-угорского населения на уровне муниципальных образований в 2010-е годы.....	152
Заключение.....	157
Литература.....	161
Информационные источники.....	195

Введение

Актуальность темы исследования. В постсоветский период титульные народы финно-угорских республик России испытывают значительное сокращение численности. Так, между переписями населения 1989 и 2021 гг. численность удмуртов и марийцев уменьшилась примерно в полтора раза, коми и мордвы — более, чем в два раза, а карелов — в три с половиной раза. И это происходит несмотря на то, что суммарный коэффициент рождаемости финно-угорских народов заметно выше, чем средний по стране. В связи с этим возрастает значимость исследований, где изучаются причины данной динамики, в первую очередь, процессы этнической ассимиляции.

Объектом диссертационного исследования являются пять титульных народов финно-угорских республик России — карелы, коми, удмурты, марийцы и мордва.

Предмет диссертационного исследования — территориальные различия в динамике титульных финно-угорских народов России.

Целью диссертационного исследования является выявление географических особенностей динамики титульных народов финно-угорских республик в границах России с середины XVIII в. по настоящее время.

Для достижения цели потребовалось решить следующие **задачи**:

- проследить динамику численности и удельного веса титульных финно-угорских народов в границах Российского государства и своих республик;
- определить основные территории расселения рассматриваемых финно-угорских народов, сложившиеся к началу XX в.;
- раскрыть причины изменений концентрации титульных финно-угорских народов в регионах России по межпереписным интервалам с 1926 по 2021 гг.;
- дать количественную оценку ассимиляции титульных финно-угорских народов между переписями населения 1959, 1989 и 2021 гг.;
- выявить и объяснить территориальные различия в динамике финно-угорского населения на севере европейской части России в 2010-е гг.

Теоретическую и методологическую основу диссертационного исследования составили труды отечественных ученых и специалистов в области геодемографии (Г.М. Федоров, М.А. Клупт, Н.А. Слука и др.), этнической географии (А.Г. Дружинин, В.Н. Стрелецкий, Т.И. Герасименко, С.Г. Сафронов, Д.В. Житин, К.Б. Клоков, Ж.Ф. Дегтева и др.) и изучении этнических миграций (В.С. Белозеров, В.В. Чихичин, А.А. Черкасов и др.), этнодемографии (Д.Д. Богоявленский, А.Г. Волков, О.Е. Казьмина, В.И. Козлов, А.А. Сусоколов, Е.Л. Сороко и др.), этнологии и этносоциологии (В.А. Тишков, Л.М. Дробижева, Ю.В. Арутюнян и др.), а также работы зарубежных и отечественных финно-угроведов (С. Лаллука (S. Lallukka), В.К. Абрамов, Н.Н. Логинова, Ф.Г. Сафин, С.Н. Уваров, В.В. Фаузер, А.И. Ажигулова, Н.В. Чернышева и др.).

В исследовании нашли применение как отечественные разработки по анализу геодемографической динамики этносов на уровне регионов страны (З.А. Трифонова, С.Я. Суций и др.), изучению динамики этноконтактных зон (Н.К. Теренина, А.Г. Манаков и др.) и оценке процессов этнической ассимиляции (А.Ю. Орлов, С.Н. Уваров, Е.Л. Сороко и др.), так и зарубежные разработки по анализу и прогнозу этнодемографических процессов, представленные в трудах таких ученых, как Р. Альба (R. Alba), Б. Андерсон (B. Anderson), М. Гордон (M. Gordon), Б. Сильвер (B. Silver), Т. Уилсон (T. Wilson) и др.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– определены основные черты и факторы динамики численности титульных народов финно-угорских республик России в дореволюционный (XVIII-XIX вв.), советский и постсоветский периоды;

– выявлена специфика в изменении концентрации в регионах России каждого из пяти титульных финно-угорских этносов по всем межпереписным интервалам с 1926 по 2021 гг.;

– дана количественная оценка ассимиляции титульных финно-угорских этносов во временные интервалы между 1959 и 1989 гг. и между 1989 и 2021 гг.;

– определены ключевые факторы динамики финно-угорского населения на уровне муниципальных образований в северной части Европейской России во втором десятилетии XXI в.

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании геоэтнодемографии как междисциплинарной исследовательской области на стыке геодемографии, этнической географии и этнодемографии, а рамках которой рассматриваются региональные (территориальные) аспекты этнической динамики, включая естественное движение этносов, этнические миграции и процессы этнической ассимиляции.

Практическая значимость работы. Результаты проведенного исследования могут быть востребованы при уточнении целей, принципов и приоритетных направлений государственной национальной политики Российской Федерации применительно к специфике этнодемографических процессов, наблюдаемых в настоящее время у финно-угорских народов страны. Материалы диссертационного исследования внедрены в учебный процесс в Псковском государственном университете, где используются в преподавании дисциплин «Этническая география» и «География населения с основами демографии и этнографии».

Информационную базу исследования составляют: 1) данные о национальном составе населения по итогам Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 (2021) гг., размещенные на сайтах Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации; 2) статистика по национальному составу населения по результатам Всесоюзных переписей населения с 1926 по 1989 гг. и по распределению населения по родному языку по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., размещенные на сайтах Демоскоп Weekly и Population statistics of Eastern Europe & former USSR; 3) данные о численности финно-угорских народов по итогам проведенных в XVIII и XIX веках ревизий населения Российской империи, представленные в книгах В.М. Кабузана.

Методы и методология исследования. В работе применяются историко-географический, сравнительно-географический, статистический, графический, картографический методы исследования, корреляционный и регрессионный анализ. Используются методики, оперирующие коэффициентом этнической концентрации, отражающим удельный вес регионов в общей численности народов, проживающих в России, и коэффициентом Сороко, рассчитанным по частоте межэтнической брачности в парах основных народов, представленных в регионах страны. В работе применены картографические приемы по отображению изменений этнических показателей на уровне муниципальных образований и регионов страны, что облегчает задачу выявления пространственных закономерностей и особенностей этнической динамики в интервалы между переписями населения.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В геодемографической динамике титульных народов финно-угорских республик России с XVIII в. по настоящее время можно выделить три основных периода: дореволюционный, характеризующийся демографическим взрывом и определением ядер расселения народов; советский — с сохранением относительно высокого естественного прироста и миграционным растеканием по территории страны; постсоветский — со значительным сокращением численности народов из-за перехода к естественной убыли и ускорения ассимиляционных процессов.

2. В дореволюционный период окончательно оформились ядра расселения рассматриваемых финно-угорских народов, что позволило в раннесоветское время (в 1920-1930 гг.) определить границы их национальных автономий. Однако, вместе с тем, наблюдались миграции представителей финно-угорских народов в соседние регионы, но пока без широкого расселения по территории страны.

3. В советский период, характеризующийся сохранением достаточно высокого естественного прироста финно-угорских народов, наблюдалось их миграционное растекание по территории страны, что вело к снижению

концентрации народов в своих республиках. При этом особый тип динамики сложился у карелов и мордвы, у которых происходила ускоренная ассимиляция за пределами территории республик, и их численность в стране начала уменьшаться уже с конца 1930-х гг.

4. Постсоветский период характеризуется ростом концентрации титульных финно-угорских народов в своих республиках, но не за счет миграционного «стягивания» в них, а по причине ускорения ассимиляции представителей этносов, проживающих за пределами республик. При этом, наибольшую устойчивость к ассимиляционным процессам проявили не только представители финно-угорских народов, проживающие в своих республиках, но также и в Татарстане и Башкортостане, где в меньшей степени подвергаются ассимиляции в условиях многонациональной среды этих республик.

5. Лидерами по сокращению численности, вызванной преимущественно ассимиляционными процессами, в советский и постсоветский периоды являются карелы и мордва. В обоих случаях сказалось проживание до недавнего времени значительной части представителей этих народов за пределами своих республик — карелов в Верхневолжье (Тверской области), мордвы — в большом количестве регионов России и зарубежья. В настоящее время наибольшей устойчивостью к ассимиляции характеризуются марийцы, удмурты и коми, но и их диаспоры в других регионах страны и зарубежья быстро уменьшаются.

6. Наличие интенсивных ассимиляционных процессов среди финно-угорского населения подтверждается картографированием этнической динамики в 2010-е гг. на уровне муниципальных образований севера европейской части России. Так, выявлено, что на территориях, где финно-угорское население испытывает наибольшее сокращение, в частности, в Карелии, Верхневолжье, южной части Коми и Удмуртии, фактически наблюдается замена финно-угорского населения русским, т. е. падение удельного веса финно-угорских народов сопровождается аналогичным ростом доли русских.

Степень достоверности результатов исследования обосновывается переработкой большого объема фактического материала и значительного

массива статистических данных по итогам всех ревизий и переписей населения, проведенных начиная с XVIII в. на территории России, с построением графиков, диаграмм и картосхем, позволяющих проанализировать динамику используемых показателей по всем межпереписным интервалам.

Личный вклад автора заключается в обработке и последующем анализе статистики по численности рассматриваемых финно-угорских народов, расчете относительных показателей, построении графиков, диаграмм и картосхем по итогам всех ревизий и переписей населения, проведенных на территории России, начиная с XVIII в. по настоящее время. Всего в ходе исследования было составлено 33 рисунка с картосхемами (в общей сложности включают 62 картосхемы), 10 графиков и 13 диаграмм. Автором проведен анализ данного графического и картографического материала, на основе которого сделаны выводы о специфике динамики численности и особенностях расселения по регионам России финно-угорских народов на протяжении всего периода исследования.

Апробация работы и публикации. Основные положения и результаты исследования были изложены и обсуждались на трех Международных научно-практических конференциях в рамках работы III, IV и V Большого Картографического Форума (г. Псков, 2024, 2025, 2026 гг.), XIII научно-практической конференции с международным участием, посвященной К.И. Арсеньеву «Вопросы экономической географии и статистики пространственного развития» (г. Петрозаводск, 2024 г.), Шестых политико-географических чтений имени О.В. Витковского «Исследование границ» (г. Москва, Институт географии РАН, 2025 г.).

Структура работы. Диссертация включает введение, четыре главы, заключение и список литературы, состоящий из 262 основных источников (в т.ч. 35 из них — на иностранных языках), а также 11 информационных ресурсов. Основное содержание диссертации изложено на 160 страницах, общий объем работы — 196 страниц. В диссертации представлено 56 рисунков, включая 33 рисунка с картосхемами и 23 рисунка с графиками и диаграммами.

Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения этнодемографических процессов в географической науке

1.1 Географические аспекты этнодемографических исследований

1.1.1 Геоэтнодемография как исследовательское направление на стыке геодемографии и этнодемографии

Геоэтнодемографию можно рассматривать как междисциплинарное исследовательское поле, в формировании которого участвует целый ряд научных направлений. В первую очередь, рассмотрим связь геоэтнодемографии с геодемографией и этнодемографией. А.И. Алексеев, М.С. Савоскул и С.Г. Сафронов [7] считают, что первой собственно геодемографической работой в отечественной науке была кандидатская диссертация С.В. Захарова, защищенная в 1990 г. [65], где были выявлены «основные географические закономерности демографического перехода на территории России: его продвижение с северо-запада на юго-восток» [7, с. 56]. Аналогичный анализ на уровне стран и крупных регионов мира провел в 2008 г. М.А. Клуфт в монографии «Демография регионов Земли» [79]. Э.Л. Файбусович и С.Ю. Корнекова в своей статье [204] заметили, что в последующем к работе М.А. Клуфта ближе всего оказалось исследование Н.А. Слуки «Геодемографические феномены глобальных городов» [158]. Но все обозначенные авторы статей сошлись на том, что реально развитие геодемографии как отдельного направления географии населения началось благодаря Г.М. Федорову [210; 213], который, начиная с 1980-х гг., опубликовал несколько известных работ по геодемографии и сформулировал основные положения концепции геодемографической обстановки [210-212].

Согласно Г.М. Федорову [211], «геодемография является научной дисциплиной, развивающейся на стыке ряда общественных наук, прежде всего демографии, экономики и социально-экономической географии. Она обеспечивает комплексное изучение региональных особенностей

демографических процессов в их обусловленности как внутренними (демографическими), так и внешними (экономическими, расселенческими, социальными, этническими, экологическими, политическими) факторами» [211, с. 13].

В предложенном Г.М. Федоровым [210-213] понятии геодемографической обстановки, понимаемой как «совокупность отношений между демографическими и всеми прочими компонентами региона» [213, с. 10], в числе наиболее общих категорий присутствует также этнодемографическая составляющая, включающая, в частности, «этнический состав населения с его демографическими различиями» [213, с. 10]. Геодемографическую обстановку создают сменяющие друг друга геодемографические ситуации, меняющиеся под воздействием внешних и внутренних факторов. Безусловно, что одним из данных факторов является и этнодемографический.

Что же касается этнодемографии, то она рассматривается как «пограничная область исследования, сложившаяся на стыке этнологии и демографии» [73], т.е. этнодемография входит одновременно в систему этнологических и демографических наук. Как отмечает О.Е. Казьмина в своей статье на научно-образовательном портале «Большая российская энциклопедия», «этнодемографию можно определить как научную дисциплину, изучающую этнический состав населения различных регионов, динамику численности народов и факторы, на нее влияющие... Этнический состав населения отдельных стран, регионов и всего мира изучается не только в статике, но и в динамике... Среди причин, которые ведут к изменениям этнического состава населения того или иного региона, рассматриваются различия в показателях естественного прироста..., миграционная активность народов, ассимиляционные процессы, приводящие к изменению этнического самосознания» [73].

В зарубежной науке этнодемографические процессы среди восточно-финских народов России изучал финский ученый-этнограф С. Лаллукка [94; 247], опиравшийся на методики, разработанные в работе Б. Андерсона и Б. Сильвера [230]. Кроме того, среди зарубежных этнодемографов нужно особо

отметить Т. Уилсона [260; 261], который занимается прогнозированием этнодемографических процессов среди коренного населения Австралии, причем разрабатываемые им модели прогнозирования включают данные о создании этнически смешанных семей и изменения этнической принадлежности населения.

В США к настоящему времени проведено много исследований по изучению процессов ассимиляции иммигрантов. Это, например, работы Р. Альбы [228; 229], М. Гордона [240], М. Холла [242], К. Кроненберга [246] и др. Также, с точки зрения задач, поставленных в диссертационном исследовании, вызывает интерес работа группы авторов [248], которые на основе двух переписей США (2000 и 2010 гг.) проанализировали, кто в ходе обеих переписей одинаково отвечал на вопрос о своей расовой и этнической принадлежности, а у кого ответ изменился ко времени проведения второй переписи. Так, например, в ходе анализа было выявлено, что свыше 6 % населения изменили свой ответ по расовой и этнической принадлежности между переписями 2000 и 2010 гг.

В советское время этнодемографическое направление исследований в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (ныне Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН) развивал В.И. Козлов [82; 84], который внес значительный вклад в изучение этнической структуры населения СССР по данным переписей населения [80; 243-245], а также, вместе с В.В. Покшишевским обозначил направления взаимодействия между этнографической и географической науками [83]. В постсоветский период этнодемографической проблематикой занимались сотрудники Института демографии им. А.Г. Вишневого Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ИДЕМ). К последним относятся Е.Л. Сороко, изучавший этнически смешанные семьи в России на основе микроданных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. [161; 254], его ученики П.Э. Суворков и И.В. Еромолин, осветившие спорные вопросы прогнозирования этнодемографических процессов [59; 160; 164], и Д.Д. Богоявленский, рассмотревший демографические проблемы коренных

народов Севера [18; 233] и проанализировавший качество проведения последних Всероссийских переписей населения [19].

И, наконец, нужно отметить исследователей (преимущественно демографов), которые внесли заметный вклад в изучение динамики численности, расселения, естественного движения, миграций и ассимиляции финно-угорских народов России. Сравнительный анализ этнодемографических процессов среди финно-угорских народов России представлен в работах Н.Н. Логиновой [95; 98; 101 и др.], В.В. Фаузер [208; 209]. Но чаще этнодемографическое развитие финно-угорских народов рассматривается по отдельности. Учеными, изучающими этнодемографические процессы у определенных финно-угорских народов, являются: коми — В.В. Фаузер [206; 207 и др.], удмуртов — С.Н. Уваров [194; 196; 200; 202 и др.], Г.А. Никитина [129], Н.В. Чернышева [219], мордвы — В.И. Козлов [81], Н.Ф. Мокшин [124], В.К. Абрамов [1; 2] и О.В. Абрамова [3], Н.Н. Логинова и О.У. Переточенкова [96], финно-угорских народов, проживающих в Татарстане и Башкортостане — М.В. Мурзабулатов [125], Р.Р. Садиков [146], Е.А. Кондрашкина [86], Ф.Г. Сафин [149; 150 и др.]. Также к обозначенным финно-угроведам нужно добавить А.Ю. Орлова, который провел геодемографическое исследование этноассимиляционных процессов на примере разных народов (включая финно-угорских) Приволжского федерального округа [131].

В силу специфики региональных демографических школ России наибольшее внимание к изучению этнических миграций, в т.ч. и титульных финно-угорских народов, в разные временные интервалы уделяется учеными Удмуртской Республики (С.Н. Уваров и Н.В. Чернышева [197; 199; 201]), а также Республики Коми (В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина [104; 205]). При этом разными авторами исследовались миграции мордовского этноса [68; 144; 221; 222], который до недавнего времени был самым широко расселенным финно-угорским народом России.

1.1.2 Связи геоэтнодемографии с этнической, конфессиональной и культурной географией

С опорой на этнодемографический анализ строятся многие исследования российских этногеографов, в частности, Ж.Ф. Дегтевой [44], К.Б. Клокова и С.А. Хрущева [77; 78; 217; 218], занимающихся коренными народами Севера России. Большой вклад в геоэтнодемографическое изучение юга европейской России внесли общественно-географы А.Г. Дружинин [54; 56; 57], В.С. Белозеров, А.А. Черкасов и В.В. Чичихин [15; 16; 183; 224; 236; 258]. Изучением этнической динамики регионов России в постсоветский период занимались В.Н. Стрелецкий [256; 257], А.Г. Манаков и Н.К. Теренина [118; 172]. Исследованию геодемографии русского населения стран ближнего зарубежья посвящена серия публикаций С.Я. Сущего [166; 168; 169 и др.].

Появление в постсоветский период в открытом доступе этнической статистики на уровне муниципальных образований предоставило возможность общественно-географам осуществлять этнодемографический анализ, подключая к нему иные социальные и экономические показатели по итогам последних переписей населения [55; 137; 182; 227], в частности, используя для этого картографический метод исследования. Географы, вместе с этнологами и картографами, участвовали в подготовке серии этнических атласов, среди которых следует назвать «Этноатлас Республики Дагестан» [91], «Этноатлас Красноярского края» [226], «Этнический атлас Ставропольского края» [225], «Народы России: Атлас культур и религий» [128], «Атлас расселения народов в России» [76] и др.

На этноконфессиональную статистику опираются исследования в рамках географии религий, выполненные, например, в рамках концепции конфессионального геопространства и религиозных циклов (С.А. Горохов, И.А. Захаров и др. [39-41; 64]). Собственно этническая статистика в конфессиональной географии востребуется при применении методики определения потенциального религиозного состава населения на основе

традиционной религиозной принадлежности этносов, проживающих на определенных территориях [45; 90; 153].

Также этнодемографический анализ присутствует в работах, выполненных в рамках нескольких концепций отечественной культурной географии. Так, например, этническая статистика (по доле представителей разных народов в населении территориальных единиц) используется при определении элементов территориальной структуры геоэтнокультурных систем в рамках соответствующей концепции, разработанной С.Я. Сущим и А.Г. Дружининым [167]. В концепции геокультурного пространства ([49; 50; 74; 105; 114; 115; 127] и др.) элементы территориальной структуры определяются с опорой на целый ряд показателей, рассчитанных по этнодемографической статистике.

Еще в большей степени этнодемографический характер имеют разработки в рамках концепции этноконтактных зон [35-38; 106; 109]. Большинство исследований, выполненных в соответствии с этой концепцией, можно в полной мере считать геоэтнодемографическими, т.к. для отображения внешних границ этноконтактных зон и их территориальной структуры, определенных на основе этнической статистики на уровне муниципальных образований, применяется картографический метод исследования ([9-12; 47; 138; 173; 174; 178; 179] и др.). Для этого используется целый ряд количественных показателей, которые позволяют не только оценить степень сложности этнической структуры населения территориальных ячеек (индекс этнической мозаичности, индекс поляризации, индекс этнической контактности и др.), но и степень разнородности этнической структуры (коэффициент этнической контрастности, или коэффициент Сороко).

1.1.3 Связь геоэтнодемографических исследований с этнологией и этносоциологией

Еще в середине второго десятилетия XXI в., в соответствии с итогами Всероссийской переписи населения 2010 г., С.Г. Сафронов [154] обратил внимание на значительный рост лиц, по разным причинам оказавшихся без указанной национальности. «В целом по России они составили около 5,6 млн чел., в сумме опередив татар, второй по численности народ России... Это относительно новый элемент этнической структуры России, природа которого лучше трактуется в рамках конструктивистской концепции этничности» [154, с. 143]. В итоге С.Г. Сафронов сделал вывод о начавшейся в стране трансформации этнической идентичности. «Наряду с классическими этнодемографическими процессами постепенно важную роль начинают играть вопросы формирования этнической идентичности и ее устойчивости» [154, с. 150].

В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев [188] выделяют три основных теоретических подхода к изучению этничности, представленные в постсоветской этнологии и этносоциологии: примордиализм, конструктивизм и инструментализм. Советская этнография, в т.ч. созданная в то время теория Ю.В. Бромлея [20] базировалась на примордиалистском подходе, согласно которому этнос является центральной научной категорией и рассматривается как объективная данность, возникшая исторически под влиянием природных и др. факторов [120]. В 1990-х гг., под влиянием западных концепций, стал наблюдаться отход от примордиализма, и переход к конструктивизму и инструментализму.

Сторонниками конструктивистского подхода в российской науке являются, например, В.А. Тишков [187], А.П. Садохин и Ю.П. Шабаев [147]. К ученым, придерживающимся умеренного конструктивизма, относится Э.А. Паин [133], который «рассматривает этничность как социокультурный феномен, основанный на воображаемом и мифологизированном представлении об общем происхождении и истории, где ключевую роль играет групповое самосознание

(идентичность), фиксируемое в самоназвании (этнониме)» [133, с. 11]. Но и сам В.А. Тишков в своей монографии «Очерки теории этничности» [186] дает широкую трактовку этничности, предлагая синтетический подход, охватывающий разные научные школы и направления, а также учитывающий современные политические и информационные трансформации. Он же предложил примирительную позицию со сторонниками примордиализма [185].

Инструменталистский подход рассматривает этничность как ресурс политической мобилизации, и обычно связан с анализом этнополитических конфликтов. В российской науке конструктивизм и инструментализм стали разрабатываться в рамках этносоциологии, которая «изучает этнические аспекты развития социальных общностей» [8, с. 85]. Этносоциологи Б.Е. Винер и К.С. Дивисенко [29], а также Л.М. Дробижева [53], описывая ситуацию, сложившуюся в отечественной этносоциологии в постсоветский период, пришли к выводу, что «российская этносоциология с момента своего создания постепенно совершает дрейф от междисциплинарной области на пограничье этнологии и социологии к субдисциплине в составе социологии, приближаясь по своему статусу к социологии расовых и этнических отношений, как в американской науке» [29, с. 192].

При этом Л.М. Дробижева в конце второго десятилетия XXI в. высказала точку зрения, что «необходима интеграция примордиалистского подхода с конструктивистским и инструменталистским» [53, с. 21]. Нужно отметить, что результаты двух последних переписей населения (2010 и 2021 гг.), в т.ч. и в финно-угорских республиках России, отечественными этнологами и этносоциологами (В.А. Тишковым, О.А. Богатовой, В.В. Бубликовым и др.), обсуждаются, в первую очередь, с позиции конструктивистского подхода [13; 17; 21-23; 184]. Особое внимание обращено на итоги переписей населения 2010 и 2021 гг. в Мордовии [13; 17], которые зафиксировали не соответствующий основной линии тренда рост численности титульного этноса республики, объясняемый резкой сменой этнической самоидентификации части населения Мордовии.

Проблематика этнической идентичности связана с ростом категории населения, которая оказалась в ходе переписей населения 2010 и 2021 гг. среди лиц «без указанной национальности». Однако, как отмечают С.И. Евдокимов и А.Г. Манаков [58], наиболее многочисленной группой среди категории лиц «без указанной национальности» (11,6 % от всего населения страны) «стали те, по которым сведения были получены из административных источников (9,5 млн чел., или 7,3 %), во-вторых, это те, кто отказался отвечать на вопрос о национальной принадлежности (7 млн чел., или 4,7 %), ещё 542,2 тыс. чел. (0,3 %) оказались в категории с отметкой «нет национальной принадлежности», хотя формально они вошли в число тех, кто дал ответ на вопрос об этнической принадлежности» [58, с. 99]. Таким образом, категория не ответивших на вопрос о национальной составила только 5 % населения страны, и еще примерно 7 % оказались «без национальности» по независящим от них причинам. Хотя и 5 % — это большая величина, но все-таки основная часть лиц «без указанной национальности» могла бы дать ответ о своей этнической принадлежности в случае, если бы такой вопрос был задан им переписчиками.

Данный недостаток проведения переписи сказался на занижении реальной численности почти всех народов страны, в особенности, русского населения. Но и в финно-угорских республиках России была достаточно высока доля лиц «без указанной национальности», что вероятно отразилось и на занижении численности титульных финно-угорских народов. Так, в ходе переписи 2021 г. в данной категории оказалось 22,5 % населения Коми, 14,5 % — Удмуртии, 11,5 % — Карелии, 9,2 % — Марий Эл и 4,2 % — Мордовии. С.И. Евдокимов и А.Г. Манаков в своей статье [58] пытались ответить на вопрос о «потенциальной этнической структуре» категории лиц «без указанной национальности», но точную количественную оценку этого дать достаточно сложно, поэтому далее в диссертации используется методический прием, примененный в коллективной монографии под редакцией А.Г. Дружинина «Этносы в пространстве современной России (муниципальное измерение)» [227, с. 70], а именно,

разложение категории лиц «без указанной национальности» пропорционально той части населения, которая указала свою этническую принадлежность.

1.2 Геоэтнодемографическое исследование ассимиляционных процессов

1.2.1 Изучение языковой ассимиляции

Большинство этнологов вполне справедливо полагает, что «этнокультурная ассимиляция начинается с ассимиляции языковой» [131, с. 130]. По этой причине большое внимание уделяется изучению этноязыковых процессов среди финно-угорских народов России и их связи с этнической самоидентификацией, в чем принимают активное участие и финские ученые [239]. Наибольший вклад в изучение данной проблематики среди российских исследователей внесли В.В. Фаузер [209], Н.Н. Логинова [100] и группа сотрудников института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, возглавляемая Ф.Г. Сафиним [151; 152]. Изучением языковой и этнической ассимиляции коми в советский период занималась Н.П. Безносова [14].

В первую очередь, российские финно-угроведы обращают внимание на низкий удельный вес представителей титульных финно-угорских народов (по сравнению, например, с проживающими в соседних республиках тюркскими народами), называющих родным язык своей национальности, а также на тенденцию постепенного сокращения данного показателя в последние десятилетия, особенно в постсоветский период. При этом исследователями отмечается, что, «несмотря на владение родным языком своей национальности, использование финно-угорских языков в повседневной жизни представляется ограниченным и существенно уступает функциям русского языка, причем число владеющих родным языком существенно меньше, чем признавших родным данный язык» [152]. То есть существует определенный разрыв не только между этнической и языковой самоидентификацией (по родному языку), но и между

языковой идентичностью и реальной степенью владения родными языками, а также их использованием в повседневной жизни.

В частности, Н.Н. Логинова [100] при результатов Всероссийской переписи населения 2010 г. по владению финно-угорскими народами родными языками и итогов предыдущих переписей, пришла к следующим важным выводам. «Во-первых, между языком и этничностью нет жесткой связи. Во-вторых, большое число представителей финно-угорских народов, не отказываясь от отождествления себя с этническими сообществами, к которым принадлежали их предки, меняют языковую идентичность и называют русский язык своим родным. В-третьих, меняя родной язык, люди не меняют характер этнической идентификации» [100, с. 436].

В числе основного фактора языковой ассимиляции финно-угорских народов большинство исследователей называет рост урбанизированности этих народов. Объясняется это тем, что в городских поселениях, в т.ч. и в финно-угорских республиках, в бытовом общении доминирует русский язык [151; 152]. Поэтому неудивительно, что по признанию своего языка в качестве родного существует значительный разрыв между представителями финно-угорских народов, проживающих в городских поселениях и сельской местности. Данный разрыв почти у всех титульных финно-угорских народов составляет от 20 до 30 % (более точная статистика представлена в практической части диссертационного исследования). А значит, при изучении ассимиляционных процессов среди финно-угорских народов следует обращать внимание на соотношение в их общей численности городского и сельского населения. Очевидно, что данное соотношение должно учитываться и при осуществлении этнодемографического прогнозирования. Так, чем более урбанизированным является титульный финно-угорский народ, тем следует ожидать более быстрые темпы ассимиляции в ближайшей перспективе. Хотя такой фактор едва ли следует преувеличивать при осуществлении долгосрочного этнодемографического прогнозирования, т.к. в перспективе обозначенное соотношение может быстро измениться.

В целом же можно сделать вывод, что степень владения родным языком и языком доминирующей национальности входят в число наиболее значимых показателей, которые используются для оценки ассимиляционных процессов, как это осуществлено, например, в исследованиях А.Ю. Орлова [131] и О.Б. Дашинамжилова [42]. Однако, хотя данные показатели и входят в общий набор характеристик, позволяющих сопоставить ход процессов ассимиляции среди разных народов, они, тем не менее, не являются в этом плане ключевыми, т.к., как отмечено выше, языковая и этническая самоидентификация не всегда связаны напрямую. Например, А.Ю. Орлов [131] вообще относит эти показатели к дополнительным, а в качестве основных показателей, которые в большей степени отражают ход ассимиляционных процессов, называет межэтническую брачность, т.е. создание этнически смешанных семей, что и будет рассмотрено ниже.

1.2.2 Исследование межэтнической брачности и смешанных семей

Наибольший вклад в изучение межэтнической брачности и этнически смешанных семей в отечественной науке в советское время внесли А.А. Сусоколов [165] и А.Г. Волков [34], а в постсоветский период — Е.Л. Сороко [72; 159; 161; 254; 255]. В своей работе, опубликованной в 2014 г. в журнале «Демографическое обозрение» [161], Е.Л. Сороко на основе микроданных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. представил результаты анализа распространенности этнически смешанных семей для 11 народов, имеющих свои республики в составе Российской Федерации, в зависимости от пола, образования и места рождения, а также оценил изменения, произошедшие в данных характеристиках между переписями населения 2002 и 2010 гг.

Е.Л. Сороко в своих расчетах исходил из предположения, что «особенности формирования смешанных браков в условиях компактного проживания в своей республике и дисперсного расселения на территории

остальной России разнятся столь существенно, что их необходимо рассматривать порознь» [161, с. 106]. И действительно, было выявлено, что на территории республик, где народы являются титульными, доля мужчин, состоящих в этнически смешанных браках, примерно вдвое ниже, чем в среднем по России. Еще больше данный разрыв у состоящих в этнически смешанном браке женщин [161, с. 107]. Данный вывод очень важен с точки зрения геоэтнодемографии, т.к. уже это фактически свидетельствует о наличии разного уровня ассимиляционных процессов у представителей народов, проживающих в своих республиках и в других регионах страны.

Также Е.Л. Сороко дал оценку влияния уровня образованности на распространенность этнически смешанных браков как для мужчин, так и для женщин среди рассмотренных им 11 народов России. Так, более высокий уровень образования, как у мужчин, так и женщин, сказывается положительно на создании этнически смешанных семей, особенно за пределами соответствующих национальных республик [161, с. 109].

Далее Е.Л. Сороко в своей статье [161] представил по итогам переписи 2010 г. таблицы с матрицей этнических комбинаций, где дается оценка склонности к межэтнической брачности в зависимости от различных этнических комбинаций мужчин и женщин [161, с. 110-111]. И, наконец, в заключительной части работы Е.Л. Сороко дает оценку «межэтнических расстояний» как фактора, обратно пропорционального выявленным предпочтениям. Им была предложена безразмерная единица измерения «межэтнических расстояний», но при этом значение «1» означает полное отсутствие каких-либо предпочтений при заключении межэтнических браков. Случай, когда показатель больше единицы, означает, что в создании этнически смешанных семей существуют значительные барьеры, имеющих обычно культурный характер. Соответственно, случай, если показатель меньше единицы, свидетельствует о наличии этнической близости между супругами, создающими этнически смешанные семьи [161, с. 112-114].

В итоге Е.Л. Сороко, опираясь на микроданные переписи населения 2010 г., рассчитал «межэтнические расстояния» для пар этносов, образуемых

русскими и представителями рассмотренных им народов Российской Федерации (и еще рядом титульных народов стран ближнего зарубежья), а также в парах между самими этими народами (для примера были взяты татары, украинцы, башкиры, армяне и азербайджанцы). Так, можно привести значения показателей, наиболее значимых для диссертационного исследования, а именно, в парах русских с двумя титульными народами финно-угорских республик России: с мордвой — 0,68 и с удмуртами — 0,71. А, к примеру, «межэтнические расстояния» русских с украинцами составили 0,66; с армянами — 0,74; с татарами — 0,84; с азербайджанцами — 1,03; с бурятами — 1,10; с абхазами — 1,42; с башкирами — 1,55; с чеченцами — 2,03; с ингушами — 2,37; с черкесами — 3,85 и т. д. [161, с. 113-114]. Рассчитанные Е.Л. Сороко «межэтнические расстояния» позволяют сделать вывод о большей склонности титульных финно-угорских народов к этнической ассимиляции со стороны русского населения по сравнению со многими другими титульными народами республик России и государств ближнего зарубежья.

В ходе разработки концепции этноконтактных зон рассчитанные Е.Л. Сороко «межэтнические расстояния» были использованы для оценки степени выраженности двухкомпонентных этноконтактных зон. При этом, разработчиками концепции этноконтактных зон рассчитанный Е.Л. Сороко показатель был назван «коэффициентом этнической контрастности», или же «коэффициентом Сороко». Данный показатель был апробирован Н.К. Терениной на уровне республик Урало-Поволжья по итогам переписи населения 2021 г. [181], после чего была рассчитана динамика коэффициента этнической контрастности этих же республик по итогам переписей населения с 1926 по 2021 гг. [171].

Вместе с тем, рассчитанный Е.Л. Сороко показатель нашел применение в методике оценки степени выраженности локальных этноконтактных зон (границы которых определялись на уровне муниципальных образований) по итогам переписи населения 2021 г. на территории Крыма [178] и Республики Башкортостан [179]. Также с помощью коэффициента Сороко была оценена

этническая контрастность границ республик Урало-Поволжья [175] и государственной границы между Российской Федерацией и Казахстаном [113].

В силу специфики научных школ по демографии в регионах России наибольшее внимание изучению межэтнических семей, брачной структуры финно-угорского населения и брачно-семейных отношений сложились в Удмуртии [4; 139 и др.]. Причем данные исследования носят преимущественно историко-демографический характер, т.к. благодаря группе исследователей, возглавляемой С.Н. Уваровым, здесь хорошо изучено брачное поведение удмуртов с середины XX в. по настоящее время [6; 192; 193]. Исследования, проведенные данным научным коллективом, позволили сделать вывод о большой крепости института брака у удмуртов, благодаря чему у них меньше доля разведенных, чем среди представителей других этносов в республике, и во многом благодаря этому у удмуртов на протяжении всего рассматриваемого периода была сравнительно более высокая рождаемость.

1.2.3 Анализ этнодемографических процессов в контексте смены этнической идентичности

Изучение этнической идентичности населения является не только одной из наиболее дискуссионных тем современной этнологической науки, но и важно с точки зрения оценки хода этнодемографических процессов, а точнее, процессов этнической ассимиляции. Как отмечает О.Б. Дашинамжилов [42], ассимиляция является одним из видов этнических процессов, и ее изучение входит в предметную область этнодемографии. При этом, ассимиляция играет весомую роль в изменении численности многих народов. С одной стороны, ассимиляция отражается на изменении этнической структуры населения, с другой стороны, косвенно влияет на естественное движение всего населения. Для оценки ассимиляционных процессов О.Б. Дашинамжилов [42] предложил использовать четыре статистических показателя, которые будут рассмотрены ниже.

Этническая идентичность финно-угорских народов России рассматривалась в достаточно большом количестве исследований. Так, можно отметить монографию Е.Л. Ефименко [60], где выявлялись особенности самоопределения финно-угорских народов Волго-Уральского региона в постсоветский период. Этот же автор проанализировал особенности этнической самоидентификации титульных финно-угорских народов за пределами своих республик [61]. В целом же нужно отметить, что больше внимания уделяется исследованию этнической идентичности тех представителей финно-угорских народов, которые проживают за пределами национально-государственных образований. Так, можно отметить работы, где представлены результаты исследования современной этнической идентичности карелов в Верхневолжье [89], коми-ижемцев за пределами Республики Коми [88; 216], марийцев в Кировской области [92; 191], а также в г. Москве [93] и в Башкортостане [156], удмуртов в Башкортостане [145; 150] и разных финно-угорских народов в Башкортостане [149] и Татарстане [86].

Изучение этнической идентичности, для чего используется социологический метод, дает возможность проследить значительные различия в самоопределении представителей финно-угорских народов, проживающих в разных регионах России, однако не может дать количественной оценки ассимиляции в результате смены этнической самоидентификации. В этом плане большой интерес вызывают исследования, проведенные А.Ю. Орловым [131], где представлены результаты оценки хода ассимиляционных процессов у разных народов Приволжского федерального округа, а также несколько работ С.Н. Уварова [194; 196; 202], в которых автор дал количественную оценку этнической ассимиляции удмуртов в период между 1959 и 1989 гг.

В частности, А.Ю. Орлов, основываясь на трех основных индикаторах (межэтническая брачность, распределение представителей этносов по возрасту и родному языку), осуществил «типологию основных этносов Приволжского федерального округа по интенсивности процессов смены этнической идентичности» [131, с. 135]. Всего им было выделено пять типов, при этом

титульные народы финно-угорских республик попали в два из них. Мордва, удмурты и коми-пермяки были отнесены ко второму типу, в который вошли «значительно ассимилируемые народы с высоким уровнем межэтнической брачности (более 1/4), низкой долей лиц молодых возрастов и высокой долей перешедших на русский язык, а марийцы — к третьему типу, включающему незначительно ассимилируемые народы, мало сократившие свою численность, со средним уровнем межэтнической брачности (около 1/5), имеющие возрастную структуру, близкую к среднеокружной, и с относительно невысокой долей лиц, не владеющих языком своей национальности» [131, с. 135]. Вероятнее всего, если бы в исследование были включены карелы и коми, которые проживают преимущественно в Северо-Западном федеральном округе, то коми были бы отнесены к третьему типу (вместе с марийцами), а карелы — к первому типу, а именно, к максимально ассимилируемым народам, со всеми сопутствующими этому типу характеристиками.

Но даже предложенная А.Ю. Орловым типология финно-угорских народов по их предрасположенности к смене этнической идентичности не дает количественной оценки этнической ассимиляции. Тем не менее, имеется и такой опыт, который осуществил С.Н. Уваров [196] на примере удмуртов за временной интервал между переписями населения 1959 и 1989 гг. Данный исследователь разработал собственную методику, исходя из того, что «прирост численности народа складывается из его естественного прироста, сальдо миграции и размеров ассимиляции» [196, с. 149]. Чтобы дать количественную оценку последствий этнической ассимиляции удмуртов за обозначенное тридцатилетие, С.Н. Уваров использовал статистику по естественному приросту и миграционному сальдо удмуртов в своей республике и в других регионах страны (в диаспоре удмуртов) за все годы в интервале с 1959 по 1989 гг. В итоге он рассчитал сальдо ассимиляции удмуртов в своей республике и за ее пределами за этот период, которые составили 84,3 тыс. чел. и 38,1 тыс. чел. соответственно [196, с. 149], т.е. в сумме 122,4 тыс. чел. Следует отметить, что численность удмуртов в СССР в этот период выросла также на 122 тыс. чел. Последнее означает, что прирост

численности удмуртов без ассимиляции с 1959 по 1989 гг. мог бы составить 244 тыс. чел., но ровно половину этого прироста «съела» ассимиляция.

Также нужно отметить результаты оценки ассимиляционных процессов среди восточно-финских народов России в период с 1959 по 1970 гг., которая была дана финским ученым-этнографом С. Лаллукки [94] на основе когортного метода, разработанного Б. Андерсоном и Б. Сильвером [230]. Так, С. Лаллукка вычислил, что «за период 1959-1970 гг. было ассимилировано 121,9 тыс. мордвы, 40,3 тыс. удмуртов, 27,5 тыс. марийцев, 14,1 тыс. представителей коми» [94, с. 285]. Но сам автор признал, что эти расчеты являются приблизительными, т.к. метод когортного анализа строится на основе большого количества допущений. Поэтому и такую методику нельзя считать совершенной, а значит, ее применение имеет значительные ограничения.

1.3 Методика изучения геоэтнодемографических процессов

1.3.1 Показатели для изучения территориальных сдвигов в расселении этносов

Для изучения особенностей расселения народов, в т.ч. их локализации или концентрации в разных частях городов, регионов и государств, в мировой науке используется много показателей. К таковым относятся, например, интегральные показатели, оценивающие степень сложности этнической структуры населения территориальных единиц, в частности, индекс этнической фракционализации. Аналогичный показатель в отечественной науке принято называть индексом этнической мозаичности, или же индексом Эккеля (в соответствии с фамилией ученого, предложившего в 1970-е гг. использование индекса в советской этнодемографии) [223]. В зарубежной науке использование такого показателя, первоначально называемого индексом лингвистической фракционализации, началось с 1950-х гг. [241]. В последующем данный показатель, опирающийся не на языковую, а на этническую статистику, стал называться индексом этнической

фракционализации [235], а в случае его расчета за длительный временной интервал — историческим индексом этнической фракционализации [238].

В настоящее время в отечественной науке индекс этнической мозаичности нашел применение в концепции этноконтактных зон, где позволяет определить внешние границы этноконтактных зон и оценить степень их выраженности, а также способствует выделению элементов территориальной структуры этноконтактных зон [178; 179 и др.]. Также данный показатель, под названием «индекс конфессиональной мозаичности», используется в работах по конфессиональной географии [90; 176]. Кроме того, опираясь на динамику индекса мозаичности, С.А. Горохов предложил отслеживать циклы развития глобального конфессионального пространства [39; 40]. Однако для изучения особенностей расселения отдельных этносов, что и осуществляется в данном диссертационном исследовании, этот показатель не может быть основополагающим, т.к. предполагает анализ, сопряженный с расселением других народов. Поэтому существует потребность в подборе иного показателя, в большей мере отвечающего задачам диссертационного исследования.

В зарубежной науке показатели, которые в большей мере соответствуют задачам диссертационного исследования, применяются при осуществлении анализа расселения различных этнических групп, чаще всего иммигрантских, в пределах крупных городов [231; 232; 237; 253; 259], или же стран в целом, например, в Швеции [250]. В отечественной географии также проводятся аналогичные исследования, и в них для выявления особенностей расселения различных этносов или этнических групп используется такой показатель, как коэффициент этнической локализации. В этом плане можно отметить исследования, проведенные Д.В. Житиным [262], оценивающим изменения в расселении русского этноса в России во второй половине XX в. и начале XXI в., Ж.Ф. Дегтевой [43], предлагающей с помощью данного показателя определять этнические территории коренных малочисленных народов России, Д.В. Житиным и А.И. Красновым [62; 63], выявившим особенности расселения различных этнических групп в г. Санкт-Петербурге.

Индекс этнической локализации рассчитывается по следующей формуле:

$$L = D_i / D_0,$$

$$D_i = A_i / B_i,$$

$$D_0 = A_0 / B_0,$$

«где L — индекс локализации; D_i — отношение численности этнической группы i -го района к общей численности населения i -го района; D_0 — отношение представителей этнической общности исследуемой территории к общей численности населения этой же территории; A_i — численность представителей этнической группы в i -м районе, A_0 — численность этнической группы, представленной на исследуемой территории, B_i — общая численность населения i -го района, B_0 — общая численность населения исследуемой территории» [43, с. 49].

Как отмечают Д.В. Житин и А.И. Краснов [63], «коэффициент этнической локализации может варьировать в пределах от нуля до плюс бесконечности, но реально его верхняя граница не превышает двузначных чисел... Если значение показателя равно единице, то это означает, что удельный вес представителей рассматриваемой этнической группы не отличается от среднего значения по государству (региону, городу). Значение коэффициента выше единицы свидетельствует об его повышенной концентрации в пределах государства (региона, города)» [63, с. 60]. Однако данный показатель опять же связан с удельным весом представителей других этносов (этнических групп), проживающих на исследуемой территории, и потому также не подходит для анализа динамики расселения народов по территории страны, которая должна рассматриваться вне зависимости от соотношения с иными этническими сообществами.

Если же использовать в расчете этнической динамики за определенные временные интервалы такой характеристики, как численность представителей этноса в разных регионах страны, приходится сталкиваться с такой проблемой, как разный базовый уровень этой численности в регионах. По итогам некоторых переписей, особенно в раннесоветский период, вообще не предоставлены

официальные результаты по регионам, если этнические группы там являлись крайне малочисленными. Поэтому, если рассчитывать, во сколько раз выросла или уменьшилась численность представителей этнических групп в регионах, часто приходится сталкиваться с ситуацией, что в регионах с минимальным представительством этнических групп происходит многократный рост их численности, а в регионах с большой численностью этнических групп данный рост или уменьшение является незначительным, несмотря на достаточно большой рост (убыль) их численности в абсолютных значениях.

И, наконец, рассмотрим показатель, который в большей мере отвечает задачам исследования, т.к. не связан с численностью и удельным весом представителей других этносов в населении регионов страны, благодаря чему его анализ будет характеризовать динамику численности рассматриваемых финно-угорских народов. Этот показатель, обозначенный как коэффициент этнической концентрации, был предложен З.А. Трифоновой с целью выявления специфики расселения разных этносов в России между переписями 1926 и 2002 гг. [190]. Так как в этой работе анализировалась динамика показателя для титульных этносов национально-территориальных образований России, З.А. Трифонова дала следующее определение показателя: «коэффициент этнической концентрации показывает удельный вес титульного этноса, проживающего в национально-территориальном образовании, от общей численности народа, проживающего в стране» [190, с. 62].

Но в другой своей работе, совместной с М.М. Ростовцевой [189] и посвященной анализу изменения расселения чувашей в России и сопредельных государствах с 1926 по 1989 гг., З.А. Трифонова представила следующую формулу для расчета коэффициента этнической концентрации (K):

$$K = Ni / N * 100,$$

где Ni — численность представителей этноса в одном из регионов страны, N — общая численность этноса в пределах страны [189, с. 572]. Также З.А. Трифоновой с соавторами [48], данный коэффициент использовался в анализе динамики расселения чувашей с 1926 по 2010 гг.

Данный показатель, хотя и не всегда под названием, предложенным З.А. Трифоновой, достаточно широко используется отечественными исследователями для выявления особенностей расселения представителей определенных этносов на территории России, а также анализа изменений в их расселения в межпереписные интервалы. Например, в работах С.Я. Суцего, посвященных геодемографической динамике русских в странах ближнего зарубежья [168; 169], а также армян на юге России [166], автор оперирует такой количественной характеристикой, как удельный вес русских (или армян) в населении стран ближнего зарубежья (или России), что фактически соответствует коэффициенту этнической концентрации.

В большинстве публикаций изменение коэффициента этнической концентрации в межпереписные периоды представлено в табличной форме, но имеются работы, где применяется графический метод визуализации данной динамики, например, в статье А.Г. Манакова [251], посвященной выявлению главных трендов трансформации этнического пространства Центральной Азии в период с 1897 по 2017 гг. В данной работе представлен график динамики коэффициента концентрации титульных народов республик Центральной Азии в обозначенный период. Но особо следует отметить исследования, где для отображения величины коэффициента этнической концентрации, а также его динамики в интервалы между переписями используется картографический метод исследования. Например, в работе [116] представлен картографический анализ изменения коэффициента этнической концентрации титульных народов республик России между переписями населения 1939 и 2010 гг. Также с помощью данного показателя группой исследователей был проведен картографический анализ сдвигов в расселении основных народов Крыма (русских, украинцев и крымских татар) с 1926 г. по настоящее время [75; 119].

Методика, опирающаяся на расчет коэффициента этнической концентрации, и используемая в диссертационном исследовании, была апробирована в статьях, посвященных изучению динамики расселения карелов [108] и марийцев [107] по регионам России по всем межпереписным интервалам

с с 1959 по 2021 гг. Использование в исследовании коэффициента этнической концентрации позволяет решить рассмотренную выше проблему, связанную с неудобством применения для анализа этнических процессов собственно динамики численности этносов. А вот изменение коэффициента этнической концентрации в межпереписные интервалы может быть рассчитано как разность между коэффициентами за разные годы, и тогда снимается проблема базового уровня показателя. Во-вторых, если динамика численности представителей определенного этноса по регионам страны зависит от изменения численности данного этноса в стране в целом, то в расчете коэффициента этнической концентрации снимается влияние фактора динамики общей численности этноса, что позволяет более детально проследить региональные различия в этнических процессах даже в случае однонаправленности этнической динамики (исключительно положительной или отрицательной) во всех регионах страны в определенные межпереписные интервалы.

1.3.2 Оценка ассимиляционных процессов как результат геоэтнодемографического анализа

Представленная выше методика геоэтнодемографического анализа, опирающаяся на расчет изменения коэффициента этнической концентрации, предоставляет возможность дать косвенную оценку этноассимиляционных процессов в разных регионах страны. А сам коэффициент этнической концентрации выполняет функцию вспомогательного показателя, позволяющего дать региональный срез этнической ассимиляции, но для этого принимается допущение, что естественный прирост рассматриваемого этноса не имеет значительных различий на территории страны, миграционный обмен с соседними странами исключается из анализа, и также принимается, что не является существенным миграционный обмен между регионами страны. При этом данная методика не может дать количественной оценки этнической ассимиляции, для чего требуются иные исследовательские методики.

Как считает О.Б. Дашинамжилов [42], оценка ассимиляционных процессов может строиться на основе четырех ключевых показателей, два из которых представлены в официальных итогах переписей населения, а два других содержатся в результатах текущего учета населения. К первым двум относятся полученные в ходе переписей ответы на вопросы о родном языке, а также информация о доле этнически смешанных семей. По итогам текущего учета можно получить сведения о числе межэтнических браков, а также информацию о доле детей, у которых отец был другой национальности. Автор приходит к выводу, «что на основе вышеназванных статистических источников вполне возможно дать оценку тенденциям ассимиляции у большинства национальностей. Наилучшим способом является комплексное их использование, так как это позволит гораздо лучше оценить динамику и глубину рассматриваемого процесса» [42, с. 6]».

А.Ю. Орлов [131] в ходе анализа ассимиляционных процессов среди разных народов Приволжского федерального округа использует три показателя, являющиеся, по его мнению, ключевыми индикаторами ассимиляционных процессов: межэтническую брачность, возрастную структуру конкретных этносов и языковую ситуацию (в первую очередь, долю представителей этносов, считающих родным язык своей национальности). Как отмечает А.Ю. Орлов, «исходя из предположения о межнациональных браках как основных каналах ассимиляции, следует ввести численно зафиксированный уровень межэтнической брачности, отражающий ее долю в общем количестве браков представителей данной национальности» [131, с. 130].

Таким образом, межэтническую брачность можно рассматривать в качестве ведущего количественного показателя, позволяющего оценить уровень этнической ассимиляции. В связи с этим нужно вспомнить рассмотренный выше коэффициент этнической контрастности (коэффициент Сороко), который представляет собой интегральную оценку межэтнической брачности, при этом он достаточно удобен для сравнительного анализа, т.к. нейтральная позиция по отношению к созданию этнически смешанных семей в нем соответствует

единице. Однако использование коэффициента Сороко для оценки этнической ассимиляции первоначально столкнулось с проблемой отсутствия расчетов показателя по всем парам народов, проживающих в России (и в ближнем зарубежье). Тем более, что Е.Л. Сороко представил в своих публикациях расчеты «межэтнических расстояний» только по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., и потому возникает вопрос, насколько значительными являются различия между величиной показателя, рассчитанного по итогам переписей населения за разные годы. При апробации коэффициента Сороко принималась установка, что динамика показателя в межпереписные интервалы не столь значительна по сравнению с другим более весомым фактором, влияющим на этническую контрастность территорий, а именно, изменением этнической структуры населения стран и регионов.

Тем не менее, данная проблема была решена, т.к. в ходе разработки концепции этноконтактных зон был осуществлен расчет коэффициента этнической контрастности по основным парам народов, представленных в регионах страны. При этом показатель был рассчитан на уровне всех субъектов Российской Федерации на основе микроданных переписей населения 2002 и 2010 гг., что было реализовано учениками Е.Л. Сороко — П.Э. Суворковым и И.В. Ермолиным. Расчеты показателя показали, что между переписями населения произошли достаточно заметные изменения в значении коэффициента этнической контрастности в разных регионах страны, но, тем не менее, значения показателя по итогам переписей населения 2002 и 2010 гг. не были принципиально различающимися. Результаты расчетов были апробированы по результатам переписи населения 2021 г. на уровне муниципальных образований (городских округов и сельских муниципальных районов) на примере Приволжского федерального округа [177].

Наличие базы данных с коэффициентом Сороко в основных парах народов во всех субъектах Российской Федерации по итогам переписей населения 2002 и 2010 гг. позволило в диссертационном исследовании сравнить данный показатель с другими характеристиками, которые имеют отношение к процессам

этнической ассимиляции, а также провести анализ динамики показателя в достаточно большом количестве регионов России (где имеют заметное представительство рассматриваемые финно-угорские народы) между переписями населения 2002 и 2010 гг.

А.Ю. Орлов [131] считает, что вторым по значимости критерием оценки уровня ассимиляционных процессов является анализ возрастной структуры представителей этноса. Так, он отмечает, что «при ассимиляции посредством межэтнической брачности молодых представителей этноса должно быть непропорционально меньше, чем более взрослых. Для подтверждения этого предположения необходим численный показатель возрастной структуры этноса» [131, с. 130]. Кроме того, А.Ю. Орлов обращает внимание на разную скорость протекания этнической ассимиляции в городах и сельской местности, и потому он предлагает в ходе анализа учитывать соотношение городского и сельского населения в общей численности этноса. Следует отметить, что в данном диссертационном исследовании было проведено сравнение возрастно-половой структуры титульных финно-угорских народов, с одной стороны, в пределах своих республик и, с другой стороны, в сумме за их пределами, а также осуществлен анализ соотношения городского и сельского населения представителей этносов в разных регионах страны.

Выводы по главе 1. Геоэтнодемографию можно рассматривать как междисциплинарное исследовательское поле, в формировании которого участвует целый ряд научных направлений, в первую очередь, этнодемография, геодемография и этническая география. Кроме того, нужно отметить тесные связи геоэтнодемографии с этнологией и этносоциологией, культурной и конфессиональной географией. В рамках геоэтнодемографии рассматриваются региональные (территориальные) аспекты этнической динамики, включая естественное движение этносов, этнические миграции и процессы этнической ассимиляции.

Глава 2. Динамика численности титульных финно-угорских народов и их удельного веса в населении государства и своих республик

2.1 Динамика численности титульных финно-угорских народов в Российской империи, СССР, России и своих республиках

2.1.1 Динамика численности титульных финно-угорских народов в своих республиках с 1926 по 2021 годы

Сравнительный этнодемографический анализ динамики титульных народов республик чаще всего опирается на изменение доли данных этносов в населении своих национально-государственных образований [110; 116; 154; 163; 227]. При этом обычно динамика доли титульных народов рассматривается на фоне изменения удельного веса представителей других этносов, проживающих в республике [76; 111; 225]. Для анализа изменений в этнической структуре населения регионов России используются различные показатели, например, индекс этнической мозаичности (или индекс этнической фракционализации) [52; 112; 118; 132; 172; 234; 249 и др.], индекс этнической поляризации [25; 26; 106], индекс этнической энтропии [25; 26; 172] и др.

Но собственно динамика численности титульных этносов в республиках обычно рассматривается при изучении изменения численности этих народов в населении страны, и при этом чаще всего данные исследования касаются только одного народа. Так, например, изменение численности титульных народов в пределах своих республик за достаточно длительный период рассмотрено в публикациях, посвященных отдельным титульным финно-угорским народам, в частности, карелам [24; 67; 170; 252], коми [206; 207], удмуртам [195; 198; 219], марийцам [107] и мордве [1-3; 96]. В качестве источниковой базы для проведения соответствующего анализа в данном исследовании выступает этническая статистика, размещенная на сайтах Демоскоп Weekly [268] и Population statistics of Eastern Europe & former USSR [273].

Достаточно часто динамика численности титульных народов финно-угорских республик России рассматривается по итогам всех переписей

населения, начиная с 1926 г. Исключением является мордва, т.к. территориальная автономия этого народа была создана после 1926 г., а именно — в 1930 г., и называлась тогда Мордовской автономной областью. Создание других территориальных автономий рассматриваемых финно-угорских народов приходится в основном на 1920 г., когда были образованы Карельская трудовая коммуна, Вотская автономная область (или Автономная Область Вотяцкого Народа, с 1932 г. — Удмуртская автономная область) и Марийская автономная область. В 1921 г. была создана Автономная область Коми (Зырян), и ее территория первоначально была больше созданной впоследствии Коми АССР и современной Республики Коми, но это, как показано ниже, не сказалось значительно на динамике численности коми (и доли народа в населении своего национально-государственного образования) в период между переписями населения 1926 и 1939 гг.

В 1934 г. на основе автономных областей были созданы Удмуртская АССР и Мордовская АССР, в 1936 г. — Марийская АССР, Коми АССР и Карельская АССР. Однако Карелия получила статус республики уже в 1923 г., но тогда она называлась Автономной Карельской ССР. Также Карелия пережила еще одно переименование, с повышением статуса до союзной республики, в период с 1940 по 1956 гг., когда временно называлась Карело-Финской ССР. Современные названия финно-угорские республики получили после распада Советского Союза: в 1991 г. — Республика Карелия и Удмуртская Республика, в 1992 г. — Республика Коми, в 1993 г. — Республика Марий Эл и Республика Мордовия.

В настоящее время, как и век назад, лидирующую позицию по численности среди титульных народов финно-угорских республик России занимают удмурты, на втором месте находится мордва, на третьем — марийцы, на четвертом — коми, на пятом — карелы (рис. 1).

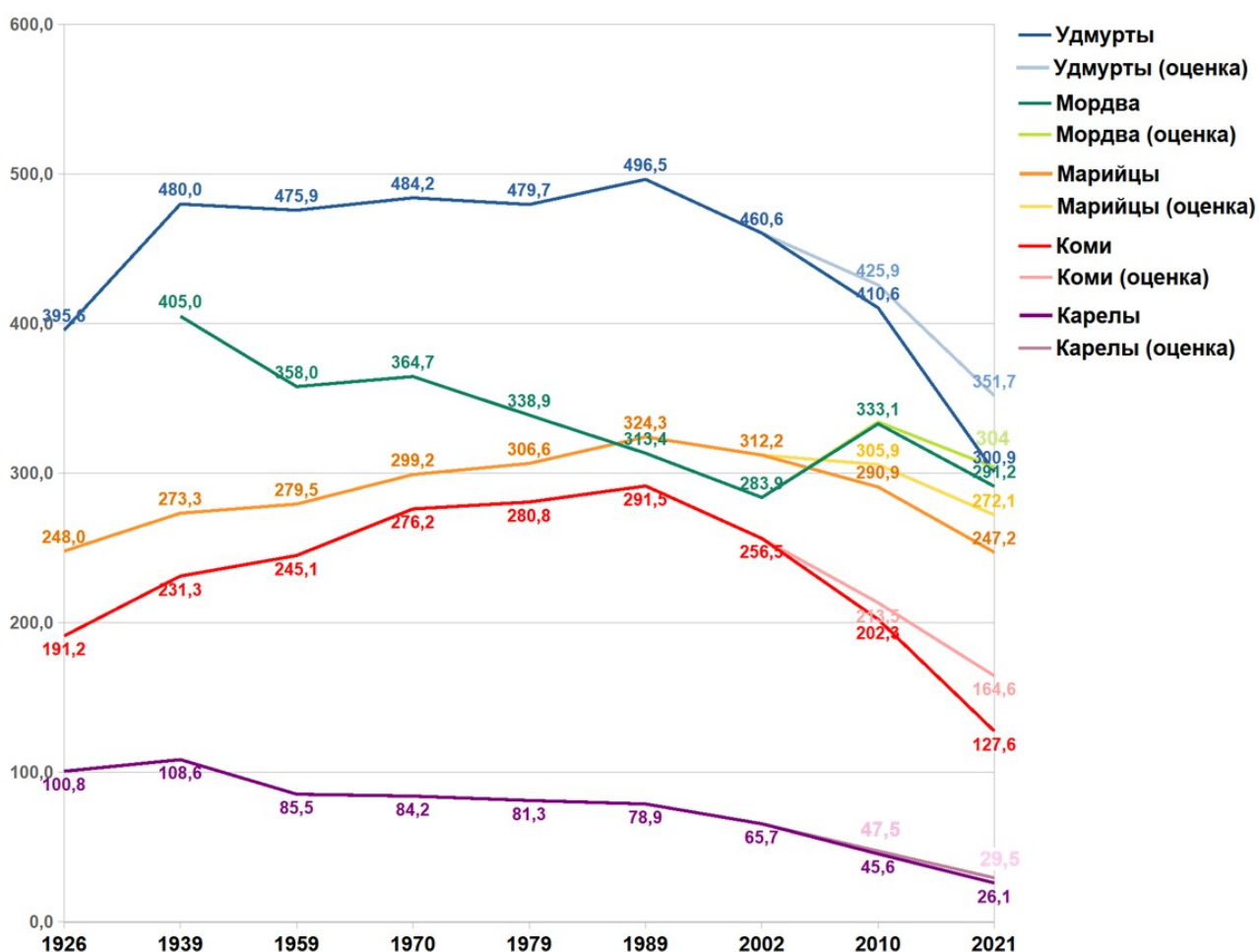

Рисунок 1 — Динамика численности титульных финно-угорских народов в пределах своих республик в период между переписями населения 1926 и 2021 гг. (включая оценку с учетом лиц «без указанной национальности» во Всероссийских переписях населения 2010 и 2021 гг.), тыс. чел. (составлено автором по [268; 273])

Общим трендом динамики титульных финно-угорских народов в своих национально-государственных образованиях является рост их численности в советский период (за исключением мордвы и карелов) и сокращение — в постсоветский период (и опять же за исключением мордвы в интервале между переписями населения с 2002 по 2010 гг.). Причем нужно отметить, что в советский период рост численности титульных этносов в своих республиках происходил одновременно с миграциями представителей данных этносов в другие регионы страны, подтверждение чего будет предоставлено ниже. Что же

касается отклонений от линий трендов динамики численности рассматриваемых финно-угорских народов, то каждое из них может быть объяснено отдельно.

Так, скачкообразный рост численности удмуртов в пределах своего национально-государственного образования с 1926 по 1939 гг. (с 396 до 480 тыс.) связан с расширением в 1937 г. территории Удмуртской АССР за счет четырех районов, переданных республике из состава Кировской области (Воткинского, Сарапульского, Каракулинского и Киясовского). Численность карелов в своей республике росла только между переписями населения 1926 и 1939 гг. (со 100 до 109 тыс.), а в последующем, в значительной степени из-за войны, их численность резко уменьшилась, и всю остальную часть советского периода испытывала медленное сокращение, которое опять же ускорилось в постсоветский период. На сокращении численности карелов в своей республике в советское время сказывалась как их миграция за пределы республики, так и начавшаяся раньше, чем у других титульных финно-угорских народов, ассимиляция, в чем свою роль начала играть малочисленность этноса (самого малого по численности из рассматриваемой пятерки финно-угорских народов).

Сокращение численности мордвы в своей республике в советский период можно объяснить значительными миграциями титульного народа за пределы своей республики, особенно в регионы, где мордва имела крупные диаспоры, т.к. к этому времени мордва уже была наиболее многочисленным и самым широко расселенным на территории Советского Союза финно-угорским народом. Данный тренд нарушает рост численности мордвы в своей республике между переписями населения 2002 и 2010 гг., который также имеет свое объяснение. Так, по итогам социологического опроса в Мордовии, проведенного в 2013 г., О.А. Богатова [17] назвала несколько причин, объясняющих такой феномен. Во-первых, это не подкрепленная языковыми компетенциями символическая этническая самоидентификация (в данном случае, в пользу титульного этноса республики), которая стала возможной в условиях множественной (изменчивой, ситуативной) этнической идентичности, особенно у городского населения республики. Во-вторых, такая ситуация стала «не только результатом «дрейфа

идентичности», т. к. мордвой в ходе переписи была записана и часть русского населения» [17, с. 74-75]. В-третьих, это частое обозначение национальности самими переписчиками, т.к. 26,7 % респондентам, участвовавшем в опросе 2013 г., такой вопрос не задавался в ходе переписи, а к 6,3 % опрошенных переписчики не приходили вообще [17, с. 75]. Сокращение численности мордвы в своей республике к 2021 г. происходило в рамках общего постсоветского тренда, но, вероятно, все-же сохранились некоторые установки, способствующие «всплеску национальной идентичности» в ходе переписи 2010 г.

Удмурты, марийцы и коми в своих республиках в советский и постсоветские периоды имели схожий тренд динамики численности. Но следует отметить относительно более ускоренное, на фоне марийцев, сокращение численности удмуртов и коми в постсоветский период, особенно между переписями населения 2002 и 2021 гг. Но нужно указать еще одну причину, которая привела к быстрому сокращению численности данных финно-угорских народов по результатам двух последних переписей населения — частично 2010 г. и особенно 2021 г. Это высокая доля населения, оказавшегося в ходе проведения переписей «без указанной национальности». Для примера, данная категория лиц в 2021 г. составила 22,5 % населения Коми, 14,5 % — Удмуртии, 11,5 % — Карелии, 9,2 % — Марий Эл, 4,2 % — Мордовии (при 11,6 % в среднем по Российской Федерации). Чтобы уменьшить влияние данного фактора, численность титульных народов республик по итогам переписей населения 2010 и 2021 гг. была пересчитана исходя из предположения, что этническая структура населения, указавшего национальность, совпадает со структурой тех, кто оказался «без указанной национальности». Полученный результат перерасчета является лишь оценкой, но последняя все-таки намного ближе к реальной численности представителей титульных народов республик, чем полученная в ходе переписей официальная этническая статистика. Оценка численности титульных финно-угорских народов позволяет увидеть более сглаженное падение их численности в первые два десятилетия XXI в., чем официальная статистика по итогам переписей населения 2010 и 2021 гг.

2.1.2 Динамика численности титульных финно-угорских народов в пределах России в современных границах с 1926 по 2021 годы

В большинстве работ, посвященных демографической проблематике финно-угорского мира, рассматривается динамика численности финно-угорских народов в пределах России по итогам всех переписей населения, начиная с первой Всесоюзной переписи 1926 г. Правда, такой материал чаще всего предоставляется в табличном виде, и не визуализируется в виде графиков или диаграмм, что несколько усложняет анализ динамики. При этом нужно отметить, наиболее важным в таком анализе является постсоветский период, особенно первые два десятилетия XXI в. Поэтому имеет значение, итогами какой переписи населения заканчивается анализ в таких исследованиях. Так, в работах Н.Н. Логиновой и М.А. Жулиной [95; 101], а также В.В. Фаузер [208] охвачен временной интервал с 1926 по 2002 гг.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г., выявившие резкое сокращение численности финно-угорских народов в стране, подтолкнули финно-угроведов к написанию серии статей, посвященных данной проблеме. В первую очередь, был расширен временной интервал анализа численности финно-угорских народов — с 1926 по 2010 гг. — в работах Н.Н. Логиновой с соавторами [46; 69; 98; 102; 103]. Сравнительный анализ итогов переписей населения 2002 и 2010 гг. в рамках данной тематики представлен в публикациях А.Б. Мясниковой [126] и О.Н. Прокаевой [136]. Причем, даже названия двух последних работ подчеркивают остроту финно-угорской демографической проблемы: «Демографические потери финно-угорского мира...» и «Влияние глобализации на финно-угорские народы России».

Если в публикациях финно-угроведов, подготовленных на основе статистики по итогам переписи населения 2010 г., рассматривается весь набор факторов, способствующих уменьшению численности финно-угорских народов России (урбанизация, миграции, естественная убыль, смешанные браки, ведущие к ассимиляции), то в подготовленной по итогам переписи населения 2021 г.

статье В.В. Фаузер [209] особое внимание уделяется ассимиляционным процессам (включая выбор и использование «родного языка», предпочтительные регионы проживания — в этнически родном или ином субъекте федерации, распространенность межэтнических браков и т.д.), которые стали ведущим фактором динамики численности финно-угорских народов в последний межпереписной интервал.

Динамика численности титульных финно-угорских народов в современных границах России в интервале между переписями населения 1926 и 2021 гг. имеет схожие тренды с их динамикой на территории своих национально-государственных образований, но за исключением мордвы, которая перешла к сокращению численности в России сразу же после переписи населения 1939 г. (рис. 2). Между переписями населения 1939 г. и 2021 гг. численность мордвы в современных границах России уменьшилась с 1 млн 379 тыс. до 466 тыс., т.е. почти в три раза. Как и в рассмотренном выше случае на уровне финно-угорских республик, численность финно-угорских народов в России по итогам переписей населения 2010 и 2021 гг. скорректирована с учетом категории лиц «без указанной национальности». Но данная оценка давалась не только исходя из доли «не указавших национальности» в самих республиках (бралась доля лиц данной категории отдельно в каждой республике), но и в других регионах страны, где принималась общая для Российской Федерации доля лиц «без указанной национальности» — 4 % в 2010 г. и свыше 10 % в 2021 г. Так, к примеру, численность мордвы по состоянию на 2021 г. была оценена в 525 тыс.

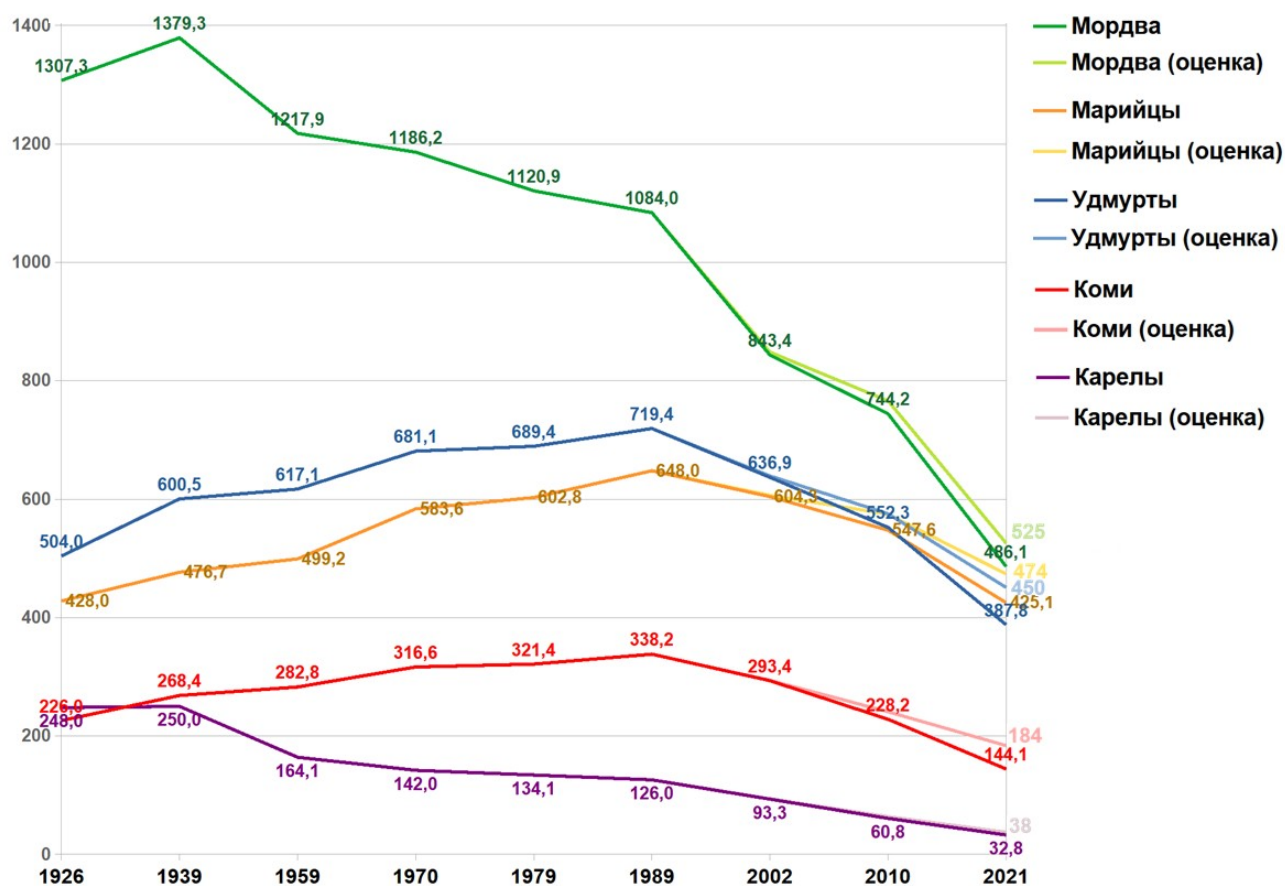

Рисунок 2 — Динамика численности титульных народов финно-угорских республик в современных границах России между переписями населения 1926 и 2021 гг. (включая оценку с учетом лиц «без указанной национальности» во Всероссийских переписях населения 2010 и 2021 гг.), тыс. чел. (составлено автором по [268; 273])

Не исключено, что максимальная численность мордвы на территории России пришлась не на 1939 г., а на 1926 г. Как отмечает О.В. Абрамова [3, с. 56], ссылаясь на работы других исследователей [1; 2], численность мордвы в итогах переписи 1939 г. сильно завышена, и реально она была даже ниже уровня, зафиксированного переписью населения 1959 г. Кроме того, имеются исследования, где представлена более высокая цифра численности мордвы в СССР за 1926 г., которая даже выше, чем в 1939 г. [51]. Так или иначе, следует отметить, что уменьшение численности мордвы стало основным трендом ее динамики в советский период (с 1926 г. или же 1939 г.). Падение численности

мордвы на территории России ускорилось в постсоветский период. Так, если с 1926 по 1989 гг. численность народа уменьшилась с 1,3 млн до 1 млн 84 тыс., т.е. в 1,2 раза, то с 1989 по 2021 гг. сокращение уже составило 2,2 раза (или 2 раза с учетом лиц «без указанной национальности»).

Кроме мордвы, сокращение численности на территории России на протяжении периода с 1939 по 2021 гг. испытали карелы, численность которых уменьшилась в этот период с 250 до 32,8 тыс., т. е. в 7,6 раза (или в 6,5 раз — до 38 тыс., с учетом лиц «без указанной национальности»). В постсоветское время также произошло ускорение сокращения численности данного народа. В период с 1989 по 2021 гг. численность карелов уменьшилась примерно в 3,5 раза, хотя в советское время, точнее, с 1939 по 1989 гг., произошло лишь двукратное сокращение их численности.

Динамика численности удмуртов, марийцев и коми имеет схожие тренды, но нужно обратить внимание на сокращение в советское время отставания по численности марийцев от удмуртов, и выход марийцев на второе место среди титульных финно-угорских народов в России к 2021 г. Корректировка численности марийцев и удмуртов с учетом лиц «без указанной национальности» не меняет расстановку данных народов по численности в стране (марийцы — 474 тыс., удмурты — 450 тыс.). Но в целом можно отметить почти выравнивание по численности первой тройки финно-угорских народов России. При этом, с учетом выявленных трендов динамики, следует ожидать новой перестановки уже по итогам ближайшей переписи (мордва вполне может опуститься на третью позицию).

В официальной статистике по итогам переписи населения 1939 г. коми представлены без разбивки на коми-зырян и коми-пермяков. Поэтому, опираясь на соотношения этих народов в предшествующих и последующих переписях населения, а также на расселение коми по разным регионам России, была дана оценка численности собственно коми-зырян (268,4 тыс. из 425,2 тыс. суммарной численности коми-зырян и коми-пермяков в 1939 г. в РСФСР).

Численность удмуртов в современных границах России в период до 1989 г. выросла в 1,4 раза, в постсоветское время сократилась в 1,85 раза, а по сравнению с 1926 г. уменьшилась в 1,3 раза. Численность марийцев в советский период выросла в 1,5 раза, в постсоветский период сократилась также в 1,5 раза, т.е. в 2021 г. осталась примерно на том же уровне, что и в начале советского периода (или даже оказалась выше уровня 1926 г. в 1,1 раза с учетом лиц «без указанной национальности»). Численность коми с 1926 по 1989 гг. выросла в 1,5 раза, но в постсоветский период сократилась в 2,3 раза, т. е. в целом с 1926 г. произошло уменьшение их численности почти в 1,6 раза (или в 1,2 раза с учетом лиц «без указанной национальности»).

Таким образом, по динамике численности как в границах России, так и в пределах своих республик, среди титульных финно-угорских народов выделяются мордва и карелы, имеющие отрицательную динамику на протяжении большей части советского и постсоветского периодов. Но при этом мордва пока еще остается лидирующим по численности финно-угорским народом России, хотя и находится на грани утраты этого лидерства в настоящее время. А вот карелы являются самым малочисленным из титульных народов финно-угорских республик в стране, что вполне объясняет отмеченную отрицательную динамику их численности на протяжении большей части последнего столетия. Но оба данные народа имеют общую особенность расселения в пределах страны, связанную с их невысокой концентрацией (во всяком случае, в недавнем прошлом) в своих национально-государственных образованиях. На этом фоне относительно более демографически устойчивыми на протяжении большей части периода исследования (за исключением трех последних десятилетий) были удмурты, марийцы и коми, которые к тому же имеют схожие тренды в динамике численности в советский и постсоветский периоды.

2.1.3 Динамика численности титульных финно-угорских народов в пределах Российской империи, СССР и постсоветского пространства с середины XVIII века по 2020-е годы

Расширение охвата территории при анализе динамики численности финно-угорских народов в дореволюционный и советский периоды до пределов государства — Российской империи и СССР — позволило увеличить временной интервал исследования, начав его с середины XVIII в. (точнее, с третьей ревизии населения Российской империи, проведенной в 1762 г.) [30]. С другой стороны, усложнилась задача оценки численности финно-угорских народов в постсоветский период в границах, сопоставимых с пределами Российской империи и СССР, т.е. в пределах всего постсоветского пространства. Это связано с тем, что переписи населения в странах ближнего зарубежья проводились в разные годы, а в некоторых государствах вообще отсутствует этническая статистика за значительные временные интервалы по причине не опубликования итогов переписей, или же их не проведения.

При анализе динамики численности финно-угорских народов в период до проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи, состоявшейся в 1897 г., использованы данные, представленные в книгах В.М. Кабузана [70; 71], где им были собраны и проанализированы итоги ревизий населения Российской империи, проведенных в течение XVIII и XIX вв. В анализ включены данные по численности финно-угорских народов, которые имеют территориальный срез (на уровне крупных регионов страны). В качестве таких материалов выступают итоги третьей ревизии населения (1762 г.), пятой ревизии (1795 г.), девятой (1850 г.) и десятой (1857 г.) ревизий населения.

Подключение к анализу динамики финно-угорских народов в течение XVIII и XIX вв. позволяет увидеть многократный рост их численности в дореволюционный период, т.е. в период демографического взрыва в России (рис. 3). Даже понимая, что статистика о численности финно-угорских народов по итогам ревизий населения не является точной, можно сделать выводы о

значительных различиях в естественном движении разных народов. Так, наиболее динамичным ростом вплоть до 1939 г. отличались мордва и удмурты (вотяки), которые, судя по всему, характеризовались в этот период наиболее высоким естественным приростом среди всех финно-угорских народов России.

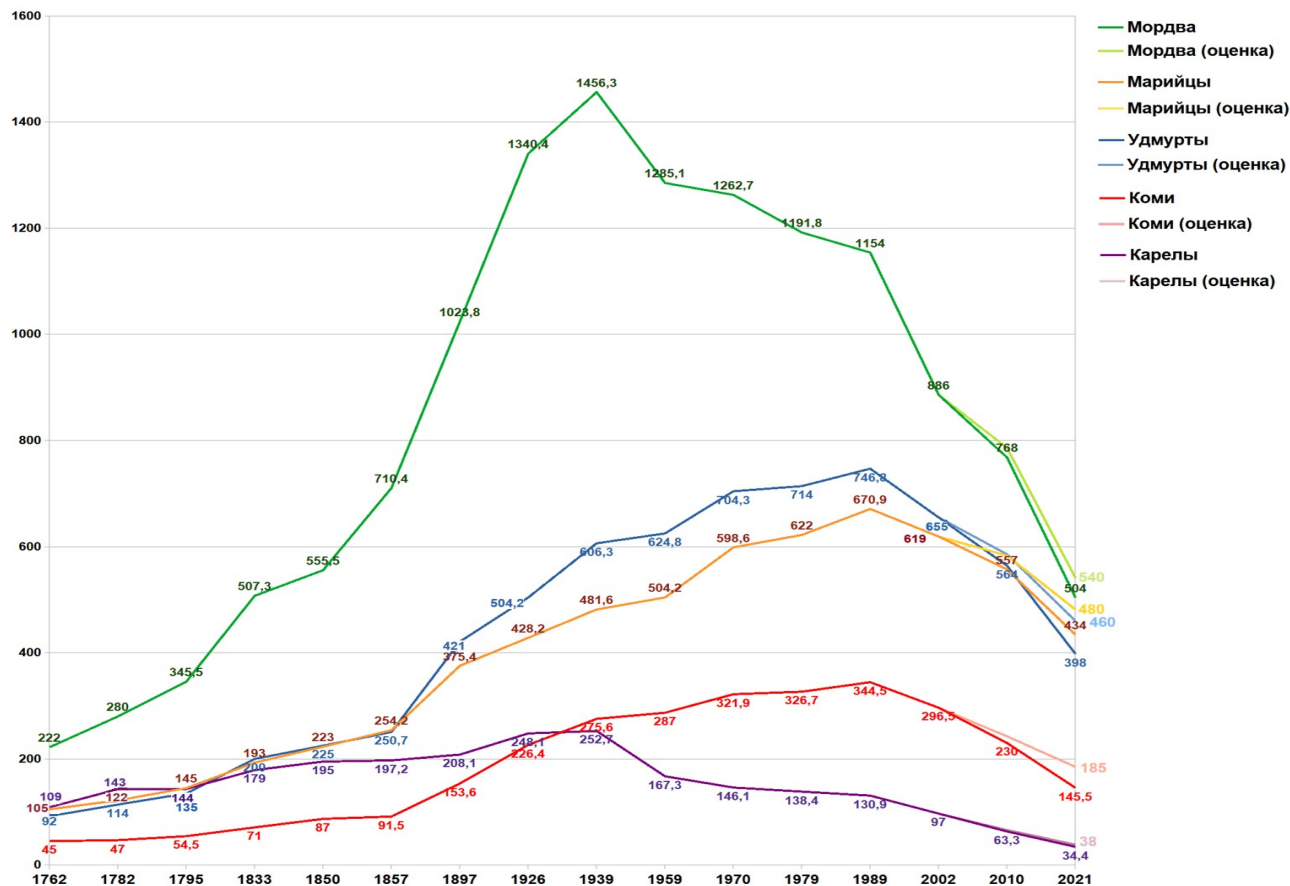

Рисунок 3 — Динамика численности первой пятерки наиболее многочисленных финно-угорских народов в пределах Российской империи, СССР и постсоветского пространства с 1762 г. по начало 2020-х гг. (включая оценку с учетом лиц «без указанной национальности» во Всероссийских переписях населения 2010 и 2021 гг.), тыс. чел. (составлено автором по [70; 71; 268; 273])

Но вновь обратим внимание на «пик» в динамике численности мордвы в 1939 г., который оспаривается в статье О.В. Абрамовой [3], где объявлено о завышении численности данного народа по итогам переписи населения 1939 г. К тому же, в статье И.С. Дмитриевой и Е.Н. Рассоловой [51] приводится иная численность мордвы по итогам Всесоюзной переписей населения 1926 г. (1491

тыс.) и признанной советскими властями «дефектной» переписи населения 1937 г. (1249 тыс.), что также ниже, чем в результатах переписи 1959 г. Однако в последней статье не оспариваются итоги переписи населения 1939 г. Так как нет четкой определенности, нужно ли корректировать итоги переписи населения 1939 г. по отношению к численности мордвы, для последующего анализа сохраним официальные данные о численности мордвы, обозначенные в итогах переписи населения 1939 г., которые принципиально не нарушают тренда динамики данного народа в советское время, заключающегося в уменьшении численности мордвы в СССР в этот период. Тем не менее, ниже будет представлена собственная оценка численности мордвы на 1939 г.

С 1762 по 1897 гг. численность мордвы в Российской империи выросла в 4,61 раза, а с 1897 до 1939 гг. — в 1,42 раза (за весь период с 1762 по 1939 гг. — в 6,56 раза). Соответственно, динамика численности других финно-угорских народов в эти же два интервала составляла (в скобках — за весь период с 1762 по 1939 гг.): удмуртов (вотяков) — в 4,58 и 1,44 раза (в 6,59 раза); марийцев (черемисов) — в 3,58 и 1,28 раза (в 4,59 раза), коми-зырян — в 3,41 и 1,79 раза (в 6,12 раза), карелов — в 1,91 и 1,21 раза (в 2,32 раза). Таким образом, рост численности удмуртов в период с 1762 по 1939 гг. (за счет периода с 1897 по 1939 гг.) был даже больше, чем мордвы, и в данном случае на общей численности народов в 1939 г. сказалась их численность на начало периода анализа (1762 г.), когда мордвы (222 тыс.) было примерно вдвое больше, чем карелов и марийцев (черемисов), в 2,4 раза — чем удмуртов (вотяков) и почти в 5 раз — чем коми-зырян. В 1939 г. мордвы было больше, чем удмуртов — в 2,4 раза, марийцев — в 3 раза, коми — в 5,3 раза и карелов — в 5,8 раз.

Выходит, что быстрый рост численности мордвы в дореволюционный и раннесоветский периоды (в 1939 г. приблизившейся к 1,5 млн), не является чем-то исключительным. Такими же темпами шел рост численности удмуртов, но на итоговой численности последних в 1939 г. сказалось их почти двух с половиной кратное отставание по численности от мордвы в начале демографического взрыва (в середине XVIII в.). И на фоне этих двух финно-угорских народов

следует отметить замедленные темпы роста численности марийцев, коми и особенно карелов. Судя по всему, уже тогда на динамике численности карелов и, возможно, других финно-угорских народов, сказывалось не только естественное движение, но и ассимиляционные процессы. Ведь фактически ассимиляция финно-угорского населения началась сразу с момента прибытия славянского (в последующем — русского) населения на север Восточно-Европейской равнины, и в первую очередь этой ассимиляции подверглись прибалтийско-финские народы (в т.ч. и карелы) [105].

В период с 1939 по 1989 гг. продолжалось увеличение численности удмуртов, численность которых к концу советского периода достигла 746,8 тыс. (рост с 1939 г. в 1,23 раза), марийцев — до 670,9 тыс. (в 1,39 раза) и коми — до 344,5 тыс. (в 1,25 раза). Нужно отметить ускорение роста численности марийцев, которые заметно приблизились по численности к удмуртам (отставание их от удмуртов в начале периода составляло 1,26 раза, в конце периода — 1,11 раза). Численность мордвы в этот период уменьшилась до 1 млн 154 тыс. (в 1,26 раза), а карелов — до 130,9 тыс. (в 1,93 раза). Тем не менее, мордва сохраняла лидерство по численности среди финно-угорских народов России, но их отрыв от удмуртов, занимавших тогда второе место, сократился с 2,4 раза в начале периода до 1,54 раза в его конце. Темпы роста численности коми с 1939 по 1989 гг. были такие же, что и удмуртов. Уже к 1939 г. коми вышли на предпоследнее место по численности среди титульных финно-угорских народов, обойдя карелов, а к 1989 г. их отрыв от карелов, продолжающих сокращение численности, составил уже 2,63 раза.

Согласно оценке численности финно-угорских народов на начало 2020-х гг. (с учетом лиц «без указанной национальности» по итогам переписи населения 2021 г. в России) в пределах постсоветского пространства, за период с 1989 г. произошло сокращение численности мордвы в 2,1 раза, удмуртов — в 1,62 раза, марийцев — в 1,4 раза, коми — в 1,86 раза, карелов — в 3,44 раза. Благодаря менее значительному падению численности по сравнению с удмуртами, марийцы в пределах постсоветского пространства вышли среди финно-угорских

народов к началу 2020-х гг. на второе место по численности. Но разрыв по численности среди первой тройки финно-угорских народов (мордвы, марийцев и удмуртов) стал минимальным, и уже в ближайшем перспективе возможно изменение порядка этих народов. Хотя оценка современной численности финно-угорских народов на постсоветском пространстве может быть немного ниже реальной по причине отсутствия итогов переписей в ряде стран ближнего зарубежья, все же можно ожидать, что вскоре в пределах постсоветского пространства не будет ни одного финно-угорского народа, численность которого превышает 0,5 млн чел. (пока таковым является мордва). Отрыв первой тройки финно-угорских народов от коми по численности ныне составляет от 2,5 до 3 раз, а от карелов — от 10 до 15 раз.

Таким образом, в дореволюционный и советский периоды общему тренду положительной динамики численности следовали три титульных (в настоящее время) финно-угорских народа — удмурты, марийцы и коми, в то время как мордва и карелы перешли к отрицательной динамике численности уже с 1939 г. Но вплоть до 1939 г. темпы динамики численности мордвы мало отличались от общего для титульных финно-угорских народов тренда, и значительный рост их численности в этот период был связан с их более высокой численностью в начале демографического взрыва (в середине XVIII в.). Демографический взрыв почти в равной степени охватил данные финно-угорские народы, за исключением карелов, которые испытывали крайне медленный рост численности до 1939 г.

При этом, с 1939 по 1989 гг. падение численности карелов (почти в 2 раза) было более значительным, чем мордвы (в 1,26 раза), но в обоих случаях сокращение численности данных народов было связано с особенностями их расселения, а именно, с их низкой концентрацией в пределах своих республик (анализ данного показателя представлен ниже). Последнее обстоятельство стало наиболее значимым фактором в постсоветский период, когда карелы и мордва еще более ускорили темпы уменьшения численности, но три других титульных финно-угорских народа также перешли к сокращению численности, повторяя

динамику карелов и мордвы. Последние же пока сохраняют лидерство по темпам уменьшения численности, хотя, скорее всего, мордва в ближайшее время выйдет на тот же уровень по численности, что и удмурты и марийцы, а также на примерно равные с этими народами темпы сокращения численности.

2.2 Изменение удельного веса титульных финно-угорских народов в населении Российской империи, СССР, России и своих республик

2.2.1 Изменение удельного веса титульных финно-угорских народов в населении своих республик с 1926 по 2021 годы

Анализ динамики удельного веса титульных народов в населении своих национально-государственных образований является традиционным в этнодемографии и этнической географии, т.к. позволяет изучить не только естественное движение, миграционный обмен и ассимиляцию, которые можно исследовать, опираясь на динамику численности титульных народов в республиках, но и проследить аналогичные процессы, характеризующие представителей других народов, проживающих в пределах республик.

К обозначенным выше работам финно-угроведов, изучающих динамику титульных финно-угорских народов в своих республиках, следует добавить исследования, где анализируется изменение этнической структуры населения республик за определенные временные интервалы, для чего часто используются интегральные показатели, оперирующие удельным весом в населении представителей разных этносов, проживающих в республике. В первую очередь, к таким показателям относится индекс этнической мозаичности, используемый в работах, где, в частности, рассматривается этническая динамика в финно-угорских республиках России [31; 109; 110; 112; 203; 234; 249]. Аналогичную функцию выполняет индекс этнической энтропии [25; 26; 172].

Но имеются также и исследования, где дается сравнительный анализ динамики удельного веса титульных народов республик России, включая и финно-угорские, за межпереписные периоды, например, с 1926 по 2002 гг. [190],

или с 1939 по 2010 гг. [116]. Общей тенденцией динамики данного показателя в советский и постсоветский периоды является уменьшение удельного веса титульных финно-угорских народов в населении своих национально-государственных образований (рис. 4).

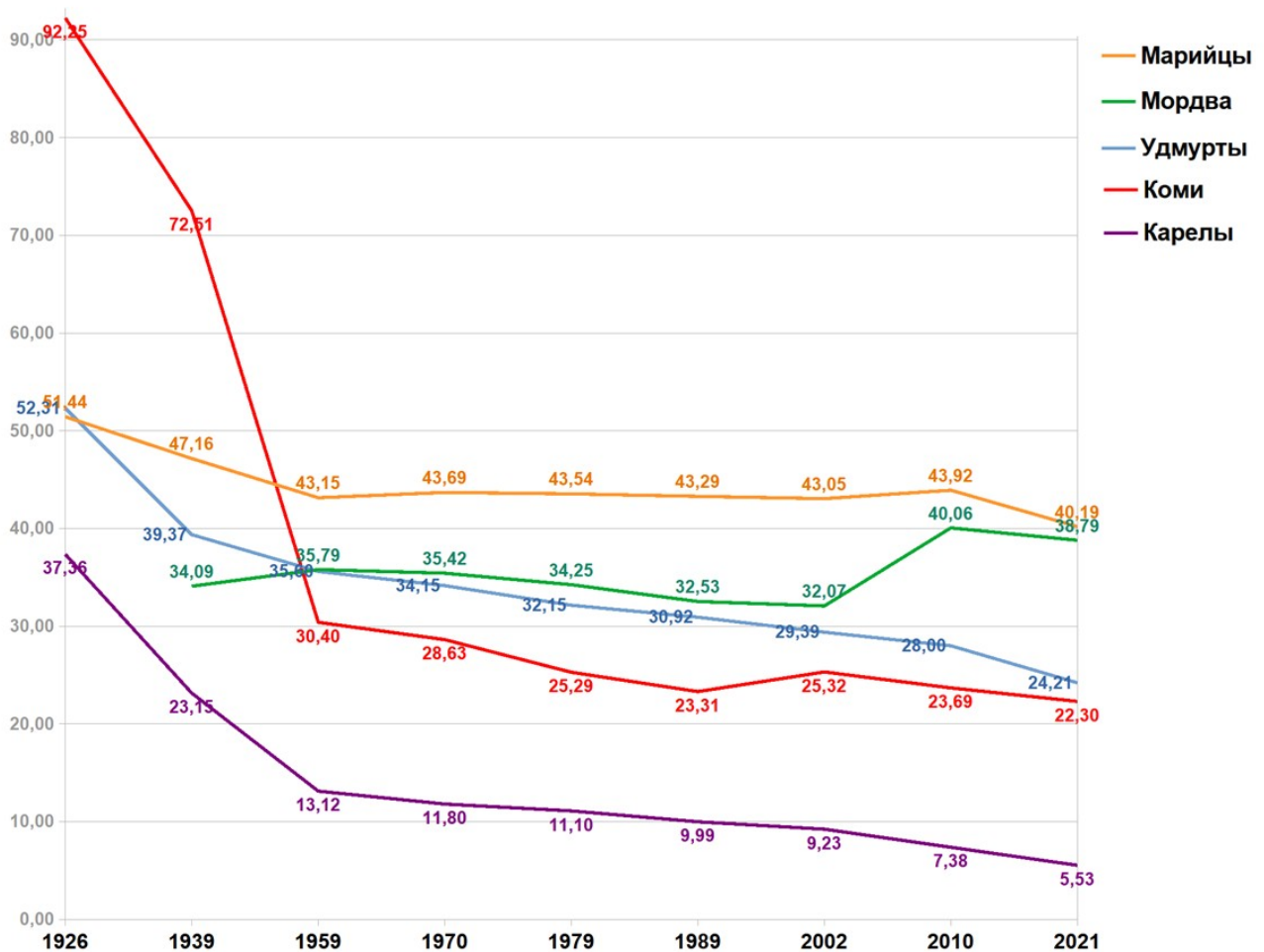

Рисунок 4 — Изменение удельного веса титульных финно-угорских народов в населении своих национально-государственных образований с 1926 по 2021 гг., % (составлено автором по [268; 273])

Данное снижение было достаточно быстрое в раннесоветский период, и очень медленное — в последующем. Почти идеально данному тренду следует динамика удельного веса удмуртов и карелов в населении своих национально-государственных образований. Можно отметить лишь более ускоренное падение данного показателя у карелов вплоть до 1959 г. В динамике удельного веса в

населении своих республик у трех остальных финно-угорских народов имеются особенности, требующие отдельного рассмотрения.

Близкой к обозначенному тренду является динамика удельного веса марийцев в населении своей республики, однако следует отметить минимальную изменчивость показателя в интервале между переписями населения 1959 и 2010 гг., причем в периоды с 1959 по 1970 гг. и с 2002 по 2010 гг. наблюдался даже небольшой рост данного показателя. Лишь между переписями населения 2010 и 2021 гг. произошло достаточно заметное падение их удельного веса в населении своей республики.

Динамика удельного веса коми в населении своего национально-государственного образования характеризуется резким сокращением доли титульного народа до 1959 г., что связано со значительным миграционным притоком в республику в этот период населения из разных регионов и республик СССР для хозяйственного освоения территорий Севера России. Также были высоки масштабы принудительных миграций в самых различных формах, что подробно описано в работах В.В. Фаузер с соавторами [104; 157; 205]. Как отмечает В.В. Фаузер, доля коми-зырян в населении своей автономной области, перерасчитанная на 1926 г. исходя из изменений границ автономии, составляла 86,9 %, что не меняет принципиально тренд на резкое уменьшение этой доля в период с 1926 по 1959 гг.

Падение удельного веса коми в населении своей республики замедлилось в период с 1959 по 1989 гг. А с 1989 по 2002 гг. наблюдалась обратная тенденция — рост доли титульного народа, что было связано с миграционным оттоком в начале постсоветского периода части населения республики, прибывшего в советское время на заработки в этот северный регион. Как отмечает В.В. Фаузер, начался исход лиц разных национальностей на свою историческую родину, их возвращение в «национальные квартиры» [207, с. 10]. Но с 2002 г. восстановилась отрицательная динамика показателя в соответствии с общим трендом постсоветского периода, характерным для финно-угорских республик.

Но более специфичной является динамика удельного веса мордвы в населении своей республики. В целом в советское время преобладала отрицательная динамика данного показателя (кроме небольшого увеличения с 1939 по 1959 гг.), но с 2002 по 2010 гг. отмечался его значительный рост (сразу на 8 процентных пунктов), который был объяснен ранее при анализе динамики численности мордвы в своей республике (в разделе 2.1.1). С 2010 г. мордва вернулась к отрицательной динамике показателя, но его падение с 2010 по 2021 гг. не было столь значительным (всего на 1,3 процентных пункта), что говорит о закреплении установок, связанных с самоидентификацией титульного этноса республики, заданных в ходе переписи населения 2010 г.

2.2.2 Изменение удельного веса титульных финно-угорских народов в населении России в современных границах с 1926 по 2021 годы

В отличие от таких этнических характеристик, как численность титульных народов в пределах своей республики, России, СССР и т.д., а также доли титульных народов в населении своих республик, такой показатель, как доля народов в населении государства (Российской империи, СССР и Российской Федерации), редко вовлекается в научный оборот. Тем не менее, динамика данного показателя может предоставить возможность оценки хода этнических процессов не в меньшей степени, чем другие этнические характеристики. Так, например, в случае величины суммарного коэффициента рождаемости, заметно превышающей общесоюзный уровень (в советский период) или общероссийский уровень (в постсоветский период), что и характеризует рассматриваемые финно-угорские народы, доля этих народов в населении государства не должна уменьшаться, а точнее, даже должна расти.

Конечно, если говорить о советском периоде, на снижение доли народов в населении России могли отразиться также их миграции за пределы РСФСР, т.е. в другие союзные республики, что имело достаточно большие масштабы, и особенно это касалось расселения мордвы в союзных республиках, что,

например, отражено в работах Н.Н. Логиновой с соавторами [99] и Е.Н. Шульгова [221]. Наиболее многочисленные диаспоры финно-угорских народов в советский период сложились в Казахстане, и изучению динамики численности финно-угорских народов в данной республике посвящены статьи Н.Н. Логиновой, А.М. Носонова и С.К. Есетова [97], а также Г.Л. Поносова с соавторами [214].

В динамике доли рассматриваемой пятерки финно-угорских народов в населении России наблюдается общий тренд к уменьшению данного показателя, хотя резкое его снижение характеризует только мордву и карелов (рис. 5). Причем доля мордвы с 1926 по 2021 гг. в населении России сократилась не менее чем в 4 раза (с 1,35 до 0,31/0,34 %), что не может быть исключительно следствием их миграций в союзные республики в советское время. Также нельзя такую динамику объяснить естественным движением мордвы. А, значит, главную роль здесь сыграл третий фактор — этническая ассимиляция. Также нужно отметить, что динамика доли мордвы в населении России в интервале между переписями населения 1926, 1939 и 1959 гг. имеет достаточно устойчивую линию тренда, которая обладает небольшим сбоем в 1939 г. Это означает, что численность мордвы, с большой вероятностью, действительно была завышена при проведении данной переписи населения. Можно оценить долю мордвы в населении РСФСР в 1939 г. в 1,19 %, и, соответственно, численность в России — 1,3 млн (примерно на 70-80 тыс. меньше официальных данных). Очередная «выпуклость» на графике динамики доли мордвы, характеризующая специфические результаты переписи населения 2010 г., была объяснена выше. Но последующая динамика показателя скорее свидетельствует о случайности «выступа», образованного итогами переписи населения 2010 г.

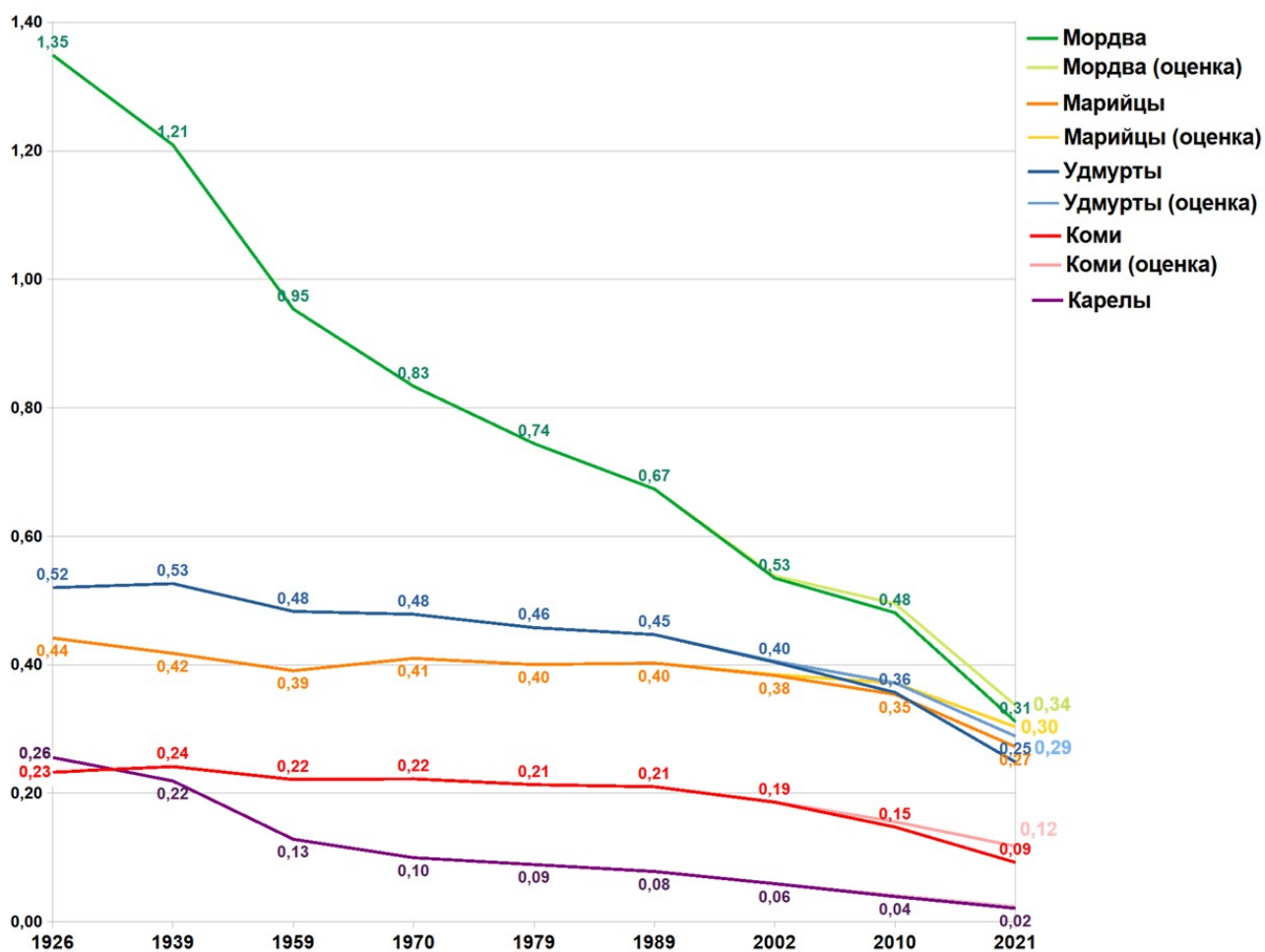

Рисунок 5 — Изменение удельного веса титульных финно-угорских народов в населении России в современных границах с 1926 по 2021 гг. (включая оценку с учетом лиц «без указанной национальности» во Всероссийских переписях населения 2010 и 2021 гг.), % (составлено автором по [268; 273])

Еще в большей степени ассимиляционными процессами объясняется стабильное уменьшение доли карелов в населении России на протяжении всего советского и постсоветского периодов (с 0,26 % в 1926 г. до 0,08 % в 1989 г. и 0,02 % в 2021 г.). На этом фоне три оставшиеся финно-угорских народа характеризуются относительно стабильной долей в населении РСФСР в советский период, хотя и с наличием тенденции к плавному падению. Так, доля удмуртов в населении РСФСР с 1926 по 1989 гг. уменьшилась с 0,52 до 0,45 %, марийцев — с 0,44 до 0,40 %, коми — с 0,23 до 0,21 %. В постсоветский период все три народа пережили более резкое падение доли в населении России:

удмурты — с 0,45 до 0,25/0,29 %, марийцы — с 0,40 до 0,27/0,30 %, коми — с 0,21 до 0,09/0,12 %. Данное падение показателя едва ли можно объяснить высокой естественной убылью данных финно-угорских народов, т.к. суммарный коэффициент рождаемости этих народов оставался выше общероссийского уровня. И, тем более, невозможно объяснить уменьшение доли этих народов в населении страны миграциями за ее пределы, т.к. в это период уже преобладала возвратная миграция финно-угорских народов в Российскую Федерацию.

2.2.3 Изменение удельного веса титульных финно-угорских народов в населении Российской империи, СССР и постсоветского пространства с середины XVIII века по 2020-е годы

К не менее интересным выводам приводит анализ динамики доли рассматриваемой пятерки финно-угорских народов в населении Российской империи, СССР и постсоветского пространства. Общей особенностью представленных ниже графиков динамики доли этих народов с 1762 по 2021 гг. является наличие многочисленных «зубцов» в досоветский период (рис. 6), что объясняется в значительной степени неточностью этнической статистики по итогам ревизий населения XVIII и XIX вв., которая представлена в книгах В.М. Кабузана [70; 71]. Поэтому можно говорить скорее об общем тренде динамики данного показателя вплоть до 1926 г., т.е. первой Всесоюзной переписи населения. Так, доля мордвы в населении Российской империи в XVIII и XIX вв., скорее всего, держалась на уровне 0,8-0,85 %, и рост этой доли до 0,91 % в границах СССР к 1926 г. возможно связан с переходом от языковой идентичности (по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) к собственно этнической идентичности в первой советской переписи 1926 г.

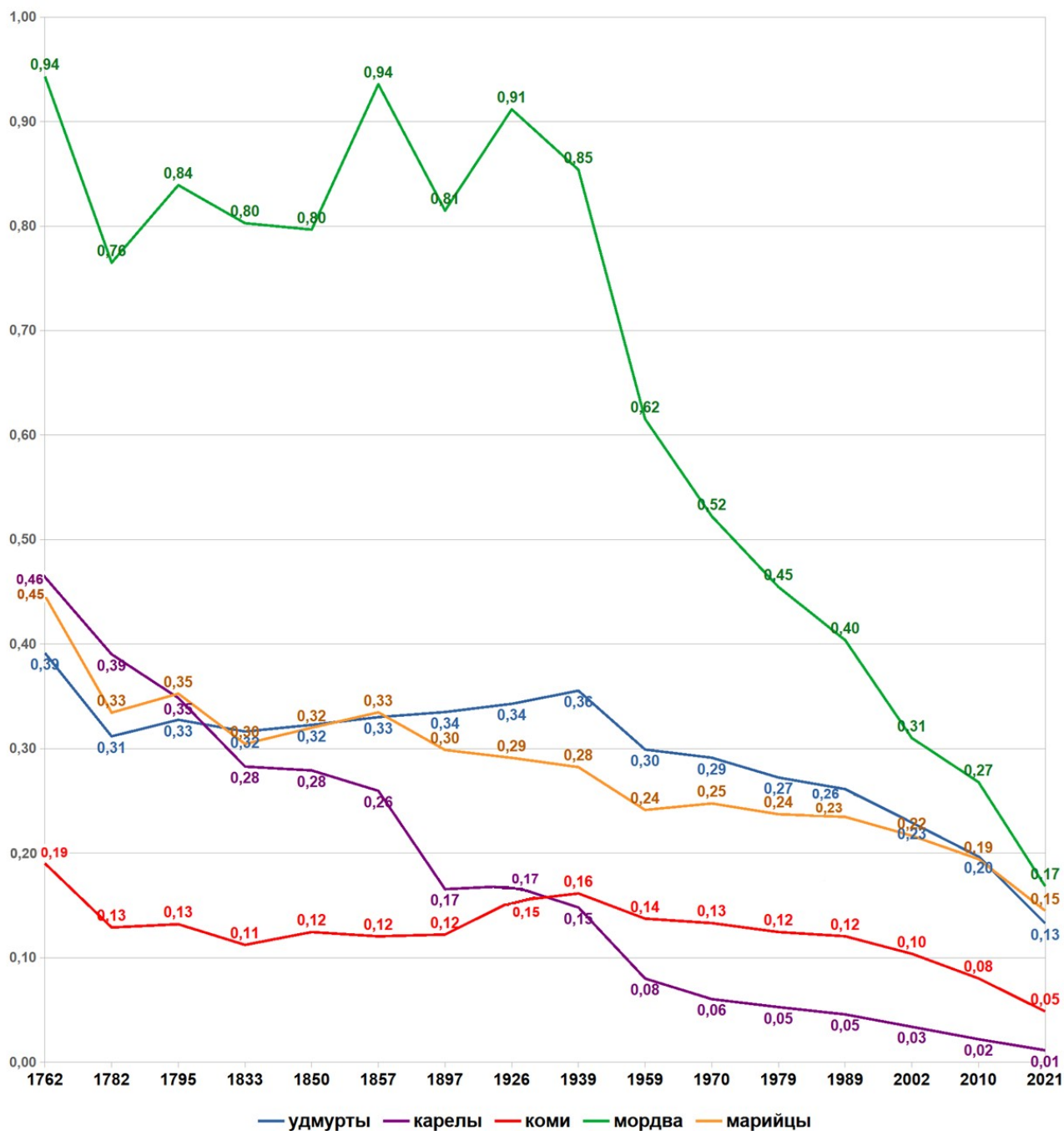

Рисунок 6 — Изменение удельного веса титульных финно-угорских народов в населении Российской империи, СССР и постсоветского пространства с 1762 по 2021 гг. (оценка в постсоветский период), %
(составлено автором по [70; 71; 268; 273])

В последующем изменение доли мордвы в населении Советского Союза и постсоветского пространства мало отличается от таковой в современных границах Российской Федерации. Заметный сбой на графике между переписями

1926 и 1959 гг. позволяет предположить, что реальная доля мордвы в 1939 г. составляла 0,8 %, а численность мордвы в СССР — примерно 1,36 млн, т.е. почти на 100 тыс. меньше, чем по официальной статистике. В целом же за весь период исследования можно оценить сокращение доли мордвы в населении Российской империи, СССР и постсоветского пространства с 0,8-0,85 % до 0,17 %, т.е. примерно в 5 раз.

Еще в середине XVIII в. вторым по численности финно-угорским народом Российской империи были карелы, но к рубежу XIX-XX вв. их доля в населении Российской империи упала с 0,46 до 0,17 %, т. е. в 2,7 раза, хотя все это время наблюдался рост численности карелов (см. рис. 3). В советский и постсоветский периоды данная линия тренда мало изменилась, и с 1926 по 2021 гг. наблюдалось уже 17-кратное падение доли карелов в населении СССР и постсоветского пространства (с 0,17 до 0,01 %). За весь период исследования доля карелов в населении Российской империи, СССР и постсоветского пространства уменьшилась с 0,46 до 0,01 %, т.е. в 46 раз.

Доля марийцев (черемисов) в населении Российской империи во второй половине XVIII в. немного превышала долю удмуртов (вотяков), в первой половине XIX в. доля этих народов почти сравнялась, но с конца XIX в. и вплоть до 2010 г. марийцы уступали удмуртам по данному показателю, вновь обогнав последних только к 2021 г. За весь период исследования доля марийцев в населении Российской империи, СССР и постсоветского пространства уменьшилась с 0,45 до 0,15 %, т. е. в 3 раза, а удмуртов — с 0,39 до 0,13 %, т.е. также в 3 раза.

Коми-зыряне, будучи самым малочисленным из пятерки рассматриваемых финно-угорских народов вплоть до 1939 г., испытали с середины XIX в. по 1939 гг. рост доли в населении государства с 0,12 до 0,16 %, и вышли на вторую позицию по этому показателю, обогнав карелов. Причем нужно отметить, что положительная динамика доли коми-зырян в этот период имеет общие черты с динамикой доли удмуртов в населении государства (с 0,32 до 0,36 % за тот же временной интервал). Но в последующем динамика доля коми в населении

СССР и постсоветского пространства мало отличалась от остальных рассматриваемых финно-угорских народов. Что же касается дореволюционного периода, то, с учетом случайных колебаний, долю коми-зырян в это время можно принять примерно на уровне 0,12 %. Таким образом, начиная с дореволюционного периода, и заканчивая 2021 г., доля коми в населении Российской империи, СССР и постсоветского пространства уменьшилась с 0,12 до 0,05 %, т.е. в 2,4 раза.

Таким образом, лидерами среди рассматриваемой пятерки финно-угорских народов по сокращению доли в населении Российской империи, СССР и постсоветского пространства с середины XVIII в. по 2021 г. стали карелы (падение доли в 46 раз), на втором месте оказалась мордва (уменьшение доли примерно в 5 раз), третье и четвертое места поделили марийцы и удмурты (сокращение доли в 3 раза), и наименьшее падение доли испытали коми (в 2,4 раза).

2.3 Изменение соотношения концентрации титульных финно-угорских народов в пределах своих республик и других регионах страны

2.3.1 Опыт применения коэффициента этнической концентрации в геоэтнодемографических исследованиях

Еще одним инструментом изучения этнических процессов, редко применяемым в геоэтнодемографических исследованиях, является анализ изменения концентрации народов в определенных территориальных ячейках (районах) в пределах крупных городов, регионов (субъектов федерации) и страны в целом. Как было отмечено выше, для этого лучше всего использовать коэффициент этнической концентрации. Расчет изменения коэффициента этнической концентрации за определенные временные интервалы фактически позволяет проанализировать особенности динамики численности представителей этнических групп в разных регионах страны. Первый опыт применения коэффициента этнической концентрации применительно к титульным народам

национально-государственных образований России был представлен З.А. Трифоновой [190] в табличном виде, и включал расчет показателя по всем титульным народам России по итогам переписей населения 1926, 1959, 1989 и 2002 гг. Проведенный с использованием данного показателя анализ позволил сделать вывод об усилении во второй половине XX в. ассимиляционных процессов на фоне миграционного движения титульных этносов за пределы своих национально-государственных образований [190, с. 66].

В своих последующих исследованиях З.А. Трифонова (с соавторами) [48; 189] применила коэффициент этнической концентрации для анализа особенностей расселения по регионам страны только одного этноса — чувашей, что позволило проследить динамику показателя по регионам наибольшей концентрации чувашей в интервалах с 1926 по 1989 гг. [189] и между переписями населения 1926, 1989 и 2010 гг. [48]. Результаты данных исследований позволили сделать выводы, которые являются полезными и с точки зрения представленного ниже анализа динамики коэффициента концентрации финно-угорских народов.

Так, авторами обозначенных статей были выявлены два типа регионов, имеющих противоположные тренды в динамике концентрации чувашей с 1926 по 1989 гг. «Во-первых, это регионы Урало-Поволжья, включая Чувашию, а также регионы Сибири, где наблюдалось снижение уровня концентрации чувашей... Во-вторых, это регионы Центральной России, нового освоения Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также союзные республики, где происходил рост концентрации чувашей. В постсоветское время обнаружилась картина «сжимания» территории расселения чувашей, т.е. существенного сокращения численности чувашей в союзных республиках, а также в северных и дальневосточных регионах России» [48, с. 150].

К сожалению, в работах З.А. Трифоновой с соавторами [48; 189] не применялся картографический метод исследования, который позволил бы визуализировать результаты, полученные в ходе анализа показателей, представленных в данных работах в табличной форме. Картографирование

динамики коэффициента этнической концентрации титульных народов национально-государственных образований России в периоды между переписями населения 1939 и 1959 гг., 1959 и 1989 гг., а также 1989 и 2010 гг., было осуществлено А.Г. Манаковым в работе [116].

Картографический анализ динамики показателя с 1939 по 1959 гг. позволил выявить уменьшение концентрации подавляющего большинства титульных народов в своих национально-государственных образованиях, что было связано с миграциями представителей этих народов в другие регионы страны. Но особо выделяются Карельская и Коми АССР, «где происходил рост концентрации титульного населения в своих республиках, связанный с ускоренной ассимиляцией карелов и коми за пределами своих республик. При этом оба народа испытывали быстрое уменьшение численности как в целом по стране, так и в своих республиках» [116, с. 60]. Период с 1959 по 1989 гг. А.Г. Манаковым обозначен как переломный в этнодемографических процессах в России, а в период с 1989 по 2010 гг. уже шел явный рост концентрации титульных народов в своих республиках. Причем отмечено, что «данный постсоветский тренд стал результатом не только миграционного «стягивания» титульных народов в свои республики, но и ассимиляции представителей этих народов в русских регионах страны» [116, с. 60].

Также имеется опыт использования коэффициента этнической концентрации для картографического анализа этнодемографических процессов на уровне муниципальных образований (районов). Так, например, в работе А.Г. Манакова и Н.К. Терениной [119], благодаря использованию данного показателя на уровне городов и сельских районов Крыма, была выявлена важная пространственно-временную составляющую этнодемографических процессов на полуострове в период между переписями населения 2001 и 2021 гг. — нарастающая концентрация основных этнических сообществ региона исследования (русских, украинцев и крымских татар) в южной части полуострова.

Более значительный временной интервал анализа динамики коэффициента этнической концентрации по районам Крыма — с 1926 по 2014 гг. — был охвачен в исследовании группы авторов, результаты которого представлены в статье [75]. В ходе картографического анализа были определены основные направления сдвигов в расселении русских, украинцев и крымских татар, произошедших в течение XX и начала XXI вв. Так, например, выявлено «смещение основного ареала расселения крымских татар с периода до депортации (1944 г.) в северную часть полуострова на первом этапе их репатриации (до середины 1990-х гг.). В период 2001–2014 гг. произошла значительная миграция крымских татар в южную, в т. ч. прибрежную, часть полуострова» [75, с. 131].

Таким образом, коэффициент этнической концентрации, особенно при использовании картографического метода, зарекомендовал себя как эффективный инструмент изучения сдвигов в расселении этносов за межпереписные интервалы. Хотя нужно отметить, что картографический анализ показателя имеет ограничение, которое касается неизменности границ территориальных ячеек, в пределах которых рассчитывается величина коэффициента этнической концентрации. В некоторых случаях возможен перерасчет численности населения в данных территориальных ячейках, но в случае значительных изменений административно-территориального деления и отсутствия этнической статистики на низовом административном уровне, такой перерасчет становится невозможным. Поэтому расчет коэффициента этнической концентрации на уровне всех регионов Российской Федерации в современных границах предпринят начиная с переписи населения 1959 г., т.к. в последующем, как в советский, так и постсоветский периоды, в административно-территориальном делении России были лишь небольшие изменения, которые дают возможность перерасчета численности этносов в пределах рассматриваемых территориальных ячеек.

2.3.2 Динамика коэффициента концентрации титульных финно-угорских народов в своих национально-государственных образованиях с 1926 по 2021 годы

В большинстве случаев рассматриваемые финно-угорские народы следовали общим трендам изменения коэффициента концентрации титульных этносов в своих национально-государственных образованиях — снижение показателя в советский период и его рост — в постсоветский период. Но при этом каждый финно-угорский народ имел свои особенности изменения уровня концентрации в своей республике (рис. 7). Наиболее высоким уровнем концентрации в своем национально-государственном образовании с 1926 по 2021 гг. характеризовались коми, при этом колебания показателя концентрации коми в своей республике на протяжении всего периода исследования составили всего 5 процентных пунктов. С 1926 по 1979 гг. наблюдался рост концентрации коми в своем национально-государственном образовании (с 84,6 до 87,4 %), затем, к концу советского периода, последовало небольшое снижение показателя (до 86,2 % в 1989 г.), после чего обозначился рост концентрации коми в своей республике (до 89,6 % в 2021 г.), что в полной мере соответствовало общему тренду динамики коэффициента концентрации титульных народов России в своих республиках в постсоветский период.

Второе место среди титульных финно-угорских народов по уровню концентрации в своем национально-государственном образовании в течение большей части периода исследования удерживали удмурты. С 1939 по 1989 гг. наблюдалось значительное падение концентрации удмуртов в своей республике (с 79,9 до 69 %), объясняемое миграциями представителей этноса за пределы своей республики в другие регионы страны. В постсоветский период обозначилась концентрация удмуртов в своей республике, и данный показатель к 2021 г. вышел на уровень 78 %. Однако, уже в 2010 г. удмурты уступили второе место по уровню концентрации в своей республике карелам, динамика данного показателя у которых также имела свою специфику, описанную ниже.

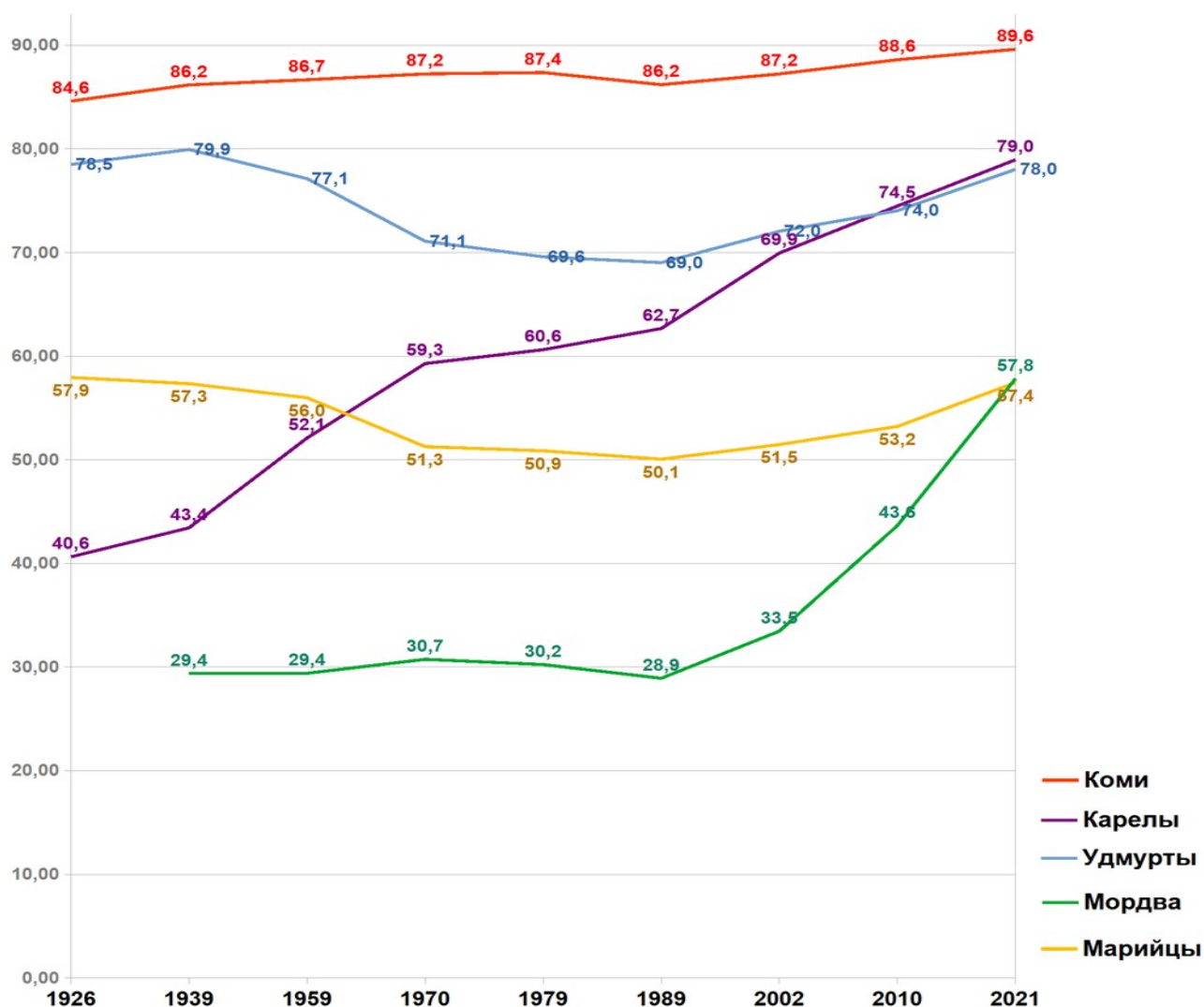

Рисунок 7 — Изменение концентрации титульных финно-угорских народов в своих национально-государственных образованиях с 1926 по 2021 гг., %
(составлено автором по [268; 273])

На третьем месте по уровню концентрации в своем национально-государственном образовании в раннесоветское время находились марийцы. Динамика данного показателя у марийцев схожа с удмуртами, но с тем лишь различием, что в целом их уровень концентрации в своей республике всегда держался примерно на 20 % ниже, чем у удмуртов. В советское время (с 1926 по 1989 гг.) уровень концентрации марийцев в своей республике уменьшился с 57,9 до 50,1 %, а в постсоветский период (к 2021 г.) вырос до 57,4 %. Но по данному показателю в течение периода исследования марийцы сначала уступили третье

место карелам (в 60-е гг. XX в.), а к 2021 г. оказались даже на пятой позиции, уступив четвертое место мордве.

Уже в 1926 г. в пределах Автономной Карельской ССР было сконцентрировано намного менее половины карелов, проживающих в СССР (всего 40,6 %), т.к. их большая часть тогда проживала в Центральной России (в Тверской губернии — т.н. «тверские карелы»). Но сразу же обозначился резкий рост коэффициента концентрации карелов в своей республике, который к 1959 г. превзошел 52 %, к концу советского периода достиг 62,7 % (1989 г.), а за постсоветский период вырос до 79 % (2021 г.), благодаря чему карелы вышли по этому показателю на вторую позицию среди титульных финно-угорских народов, обойдя к 2010 г. удмуртов.

И, наконец, пятую позицию среди титульных финно-угорских народов по концентрации в своей республике в раннесоветское время занимала мордва (29,4 % в 1939 г.). В то время мордва была не только самым многочисленным финно-угорским народом страны, но и самым широко расселенным по территории государства. Уровень концентрации мордвы в пределах своей республики мало изменялся на протяжении всего советского периода — незначительно вырос к 1970 г. (до 30,7 %), затем снизился к 1989 г. (до 28,9 %), но в постсоветский период произошел скачкообразный рост их концентрации в своей республике — до 57,8 % в 2021 г., благодаря чему по данному показателю они вышли на четвертое место среди рассматриваемых финно-угорских народов, обойдя марийцев.

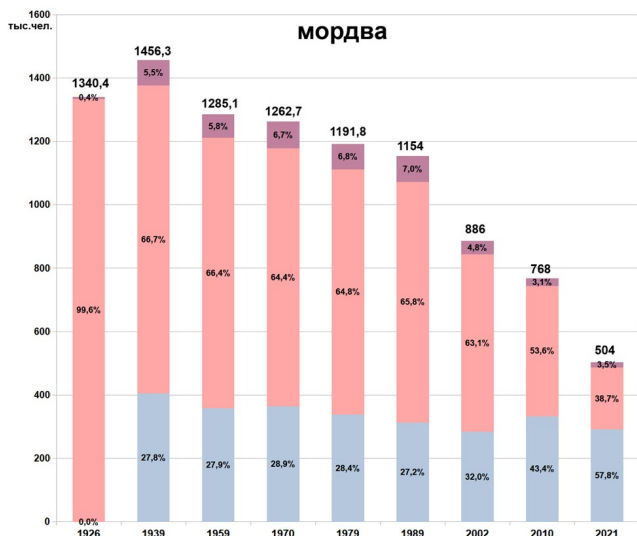
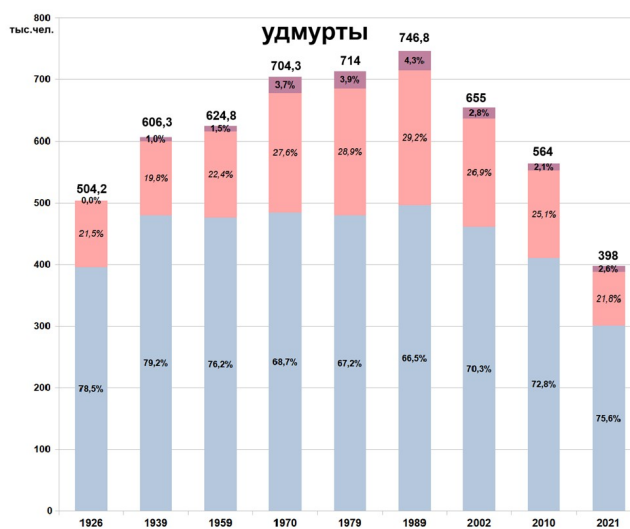
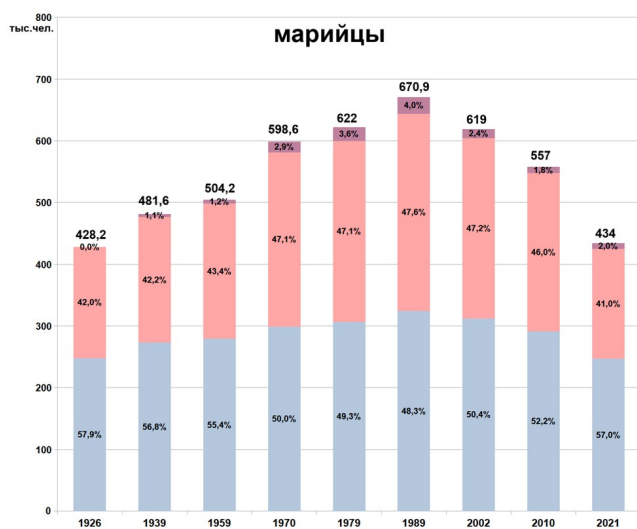
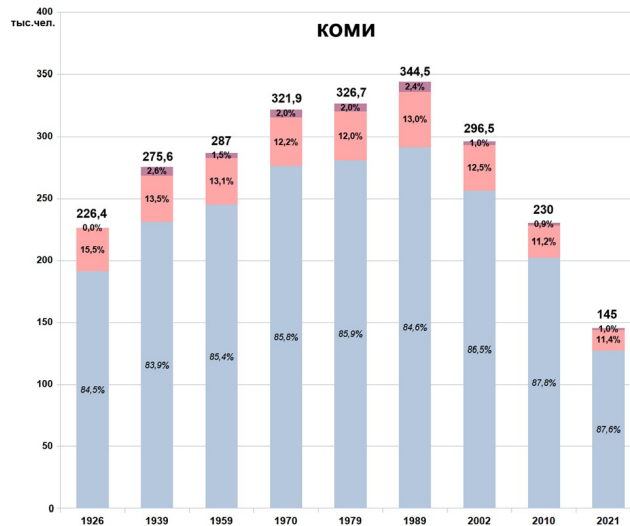
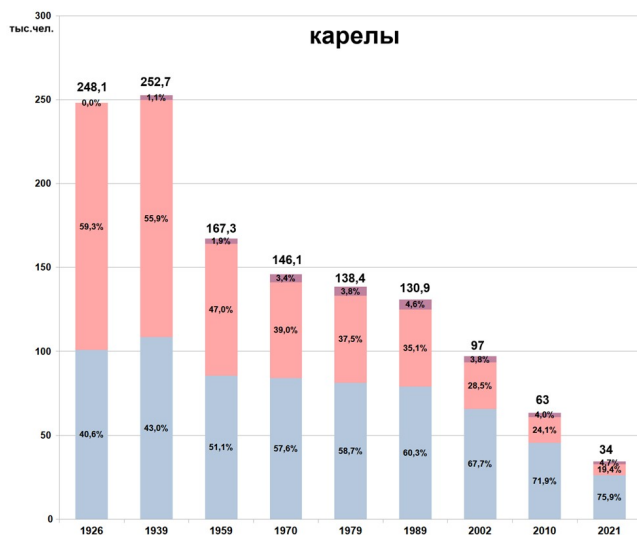
Таким образом, за постсоветский период коэффициент концентрации мордвы повысил свое значение вдвое (или на 28,9 процентных пунктов). Если в конце советского периода в своей республике проживало лишь немногим более четверти представителей мордовского этноса, то сейчас — уже свыше половины. Такую динамику показателя нельзя объяснить возвратными миграциями мордвы в свою республику после распада СССР, что подтверждается и динамикой численности мордвы в своей республике, рассмотренной выше. Наиболее вероятной причиной такой динамики показателя являются ассимиляционные

процессы, в первую очередь охватившие представителей данного народа, проживающего за пределами Мордовии. Наиболее близкую к мордве динамику коэффициента концентрации в своей республике в постсоветский период имеют карелы (рост показателя на 16,3 процентных пункта), что также объясняется процессами ускоренной ассимиляции карелов за пределами своей республики.

2.3.3 Сопоставление динамики численности и концентрации титульных финно-угорских народов в своих национально-государственных образованиях и за их пределами с 1926 по 2021 годы

Выявленные выше закономерности и особенности изменения концентрации титульных финно-угорских народов в своих национально-государственных образованиях, а также полученные в ходе данного анализа выводы подтверждают диаграммы динамики численности титульных финно-угорских народов в пределах своих республик, России в современных границах и СССР/постсоветского пространства с 1926 по 2021 гг. (рис. 8). Нужно отметить, что на диаграммах представлена не только численность этносов, но и их уровень концентрации в своей республике, других регионах России (в современных границах) и союзных республиках/странах ближнего зарубежья.

На диаграмме с динамикой численности карелов четко прослеживается постоянное и достаточно быстрое снижение не только показателя концентрации, но и численности представителей этноса, проживающих за пределами Карелии. При этом в самой республике наблюдался рост численности карелов только в период с 1926 по 1939 гг., после чего началось стабильное уменьшение их численности в Карелии, которое, тем не менее, было чуть более медленным по сравнению с их сокращением за пределами республики.

- в пределах своей республики
- в других регионах России (в современных границах)
- в советских республиках/странах ближнего зарубежья

Рисунок 8 — Динамика численности и концентрации титульных финно-угорских народов в своих республиках, других регионах России и советских республиках/странах ближнего зарубежья с 1926 по 2021 гг.,% (составлено автором по [268; 273])

Что касается коми, то прирост их численности вплоть до 1989 г. достаточно равномерно распределялся между территорией республики и другими регионами, в т.ч. за пределами России. Но в постсоветский период сокращение численности коми за пределами Республики Коми происходило быстрее, чем в самой республике. Схожие с коми тренды в изменении численности и показателя концентрации можно наблюдать у марийцев и удмуртов, с той лишь разницей, что у каждого из этих народов изначально сильно отличался уровень концентрации в своей республике.

А вот диаграмма с изменением численности мордвы в своей республике, других регионах России и союзных республиках/странах ближнего зарубежья позволяет проследить принципиально иную динамику — постоянное и достаточно быстрое уменьшение численности мордвы, проживающей за пределами Мордовии, и относительную стабильность численности этноса в своей республике. Такая динамика ближе всего к варианту, наблюдаемому у карелов. Но у последних происходило быстрое падение численности этноса как в республике, так и вне ее, а у мордвы — преимущественно за пределами республики, хотя и в Мордовии также наблюдалось небольшое уменьшение численности титульного этноса.

Проведенный анализ позволяет сделать общий вывод о более быстром сокращении в постсоветский период (а в случае карелов и мордвы — также и в советский период) численности финно-угорских народов, имеющих высокий уровень концентрации за пределами своих национально-государственных образований. В качестве важнейшего фактора такой динамики следует назвать более высокий уровень ассимиляции представителей этносов, проживающих вне своих национально-государственных образований. К титульным финно-угорским народам с наиболее высоким уровнем концентрации за пределами своей республики в течение большей части периода исследования относились мордва и марийцы, а в раннесоветское время также и карелы. Но динамика численности марийцев заметно отличалась от таковой у мордвы, поэтому в данном случае возникает потребность в исследовании, в каких регионах за

пределами своих республик проживали представители этих народов, а также как происходила динамика численности этих народов (как и других титульных финно-угорских народов) в разных регионах страны.

Выводы по главе 2. Динамика численности и удельного веса рассматриваемых финно-угорских народов в населении Российского государства и своих республик заметно отличалась на протяжении трех периодов: дореволюционного, советского и постсоветского. В течение XVIII и XIX вв., в период демографического взрыва в Российской империи, наблюдался многократный рост численности финно-угорских народов. Общим трендом динамики титульных финно-угорских народов в пределах России и своих республик являлся рост их численности в советский период (за исключением мордвы и карелов, перешедших к сокращению численности в России после переписи населения 1939 г.) и сокращение — в постсоветский период. Причем в советский период рост численности титульных этносов в своих республиках происходил одновременно с миграциями представителей данных этносов в другие регионы страны.

Рассматриваемые финно-угорские народы следовали общим трендам изменения коэффициента концентрации титульных этносов в своих национально-государственных образованиях — снижение показателя в советский период и его рост — в постсоветский период. Общим выводом является более быстрое сокращение в постсоветский период (а карелов и мордвы — также и в советский период) численности финно-угорских народов, имеющих высокий уровень концентрации за пределами своих республик. В качестве важнейшего фактора такой динамики следует назвать более высокий уровень ассимиляции представителей титульных этносов, проживающих вне своих национально-государственных образований.

Глава 3. Сдвиги в расселении титульных финно-угорских народов по регионам страны как отражение миграционных и ассимиляционных процессов

3.1 Сдвиги в расселении титульных финно-угорских народов в XVIII–XIX веках по материалам ревизий и переписи населения 1897 года

3.1.1 Изменение численности и концентрации финно-угорских народов в крупных регионах страны по итогам ревизий населения с 1762 по 1857 годы

Изменение численности и концентрации рассмотренных в исследовании финно-угорских народов в крупных регионах страны в XVIII и XIX вв. можно проследить по результатам ревизий населения, проводившихся в России с 1719 г. (1-я ревизия) по 1857 г. (10-я ревизия), с последующем их сравнением с итогами Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Обработку результатов ревизий населения осуществил В.М. Кабузан и представил их в двух монографиях, посвященных итогам ревизий, включающим и этническую структуру населения, которые были проведены в XVIII в. [71] и в первой половине XIX в. [70].

Однако региональный срез численности финно-угорских народов России представлен не по всем ревизиям, а начиная с 3-й ревизии (1762 г.), и далее аналогичный срез имеется по итогам 4-й ревизии (1782 г.), 5-й ревизии (1795 г.) [71], 8-й ревизии (1833 г.), 9-й ревизии (1850 г.) и 10-й ревизии (1857 г.) [70]. Поэтому анализ динамики численности финно-угорских народов и их концентрации в крупных регионах Российской империи по итогам ревизий будет осуществлен с 1762 по 1857 гг. (рис. 9). При этом будут рассмотрены только четыре финно-угорских народа, без коми-зырян, которые в этот период были фактически полностью сконцентрированы в пределах Северного района, и динамика их численности в данный период проанализирована в разделе 2.1.3.

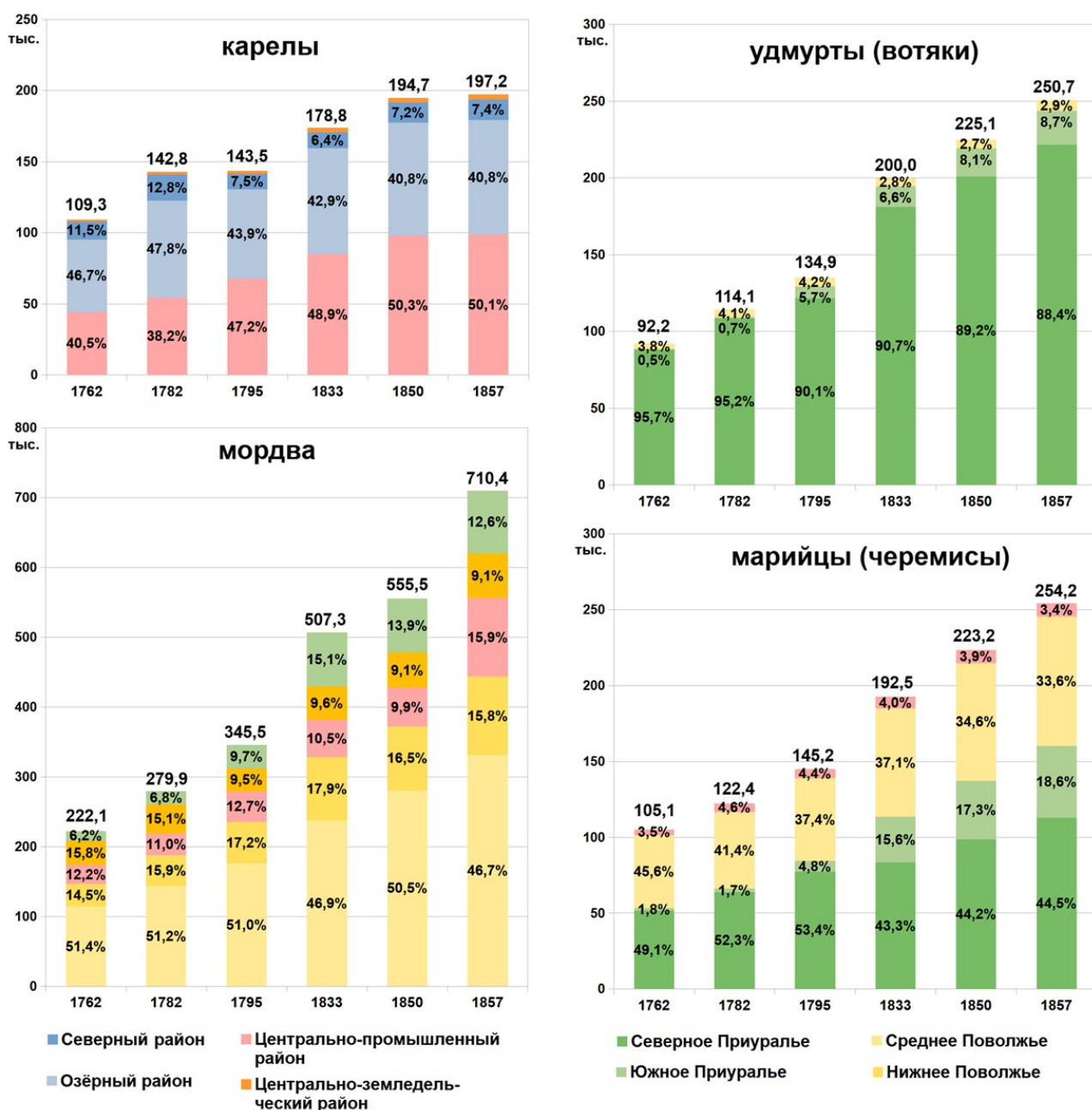

Рисунок 9 — Динамика численности и концентрации карелов, удмуртов, марийцев и мордвы по крупным регионам Российской империи по итогам ревизий населения с 1762 по 1857 гг. (составлено автором по [70; 71])

Карелы в течение рассматриваемого периода были сконцентрированы преимущественно в трех крупных регионах Российской империи — в большей мере в Озерном и Центрально-промышленном районах, в меньшей степени — в Северном районе. По итогам 3-й ревизии (1762 г.) 46,7 % карелов было сконцентрировано в Озерном районе, где в 20-е гг. XX в. была создана

республика Карелия (с добавлением части территории Северного района, где тогда проживало 11,5 % карелов), а также 40,5 % — в Центрально-промышленном районе, преимущественно в Верхневолжье (верхневолжские, или же тверские карелы), куда карелы мигрировали после Столбовского мира (1617 г.), закрепившего территории к востоку и югу от Финского залива за Шведским королевством. Следует отметить, что данные процессы, а также динамика численности карелов и их расселение в двух ареалах основного проживания в XVIII и XIX вв., особенно в Верхневолжье, рассмотрены в большом количестве исследований, в частности, в работах [24; 28; 140-143; 162; 215; 252].

В динамике численности и концентрации карелов в двух основных ареалах проживания в течение XVIII и XIX вв. наблюдаются интересные особенности — с 1762 по 1782 гг. отмечалось уменьшение их концентрации в Центрально-промышленном районе (до 38,2 %) и увеличение — в Озерном районе (до 47,8 %) и Северном районе (до 12,8 %), а в дальнейшем начался рост концентрации карелов в Центрально-промышленном районе, превысивший половину их общей численности в середине XIX в. (50,3 % в 1850 г.). Концентрация карелов в Озерном районе к этому времени уменьшилась до 40,8 %, в Северном районе — до 7,2 %. Данное явление можно объяснить только более высоким естественным приростом карелов, проживающих в Верхневолжье, которые, вероятно, испытали демографический взрыв раньше, чем карелы Озерного района.

Удмурты (вотяки) на протяжении XVIII и XIX вв. были сконцентрированы преимущественно в Северном Приуралье, но в этот период происходило постепенное снижение их концентрации в этом районе (с 95,7 % в 1762 г. до 88,4 % в 1857 г.), и быстро росла их концентрация в Южном Приуралье (с 0,5 до 8,7 %), что может быть объяснено их миграцией в данном направлении. В то же время немного снизилась концентрация удмуртов в Среднем Поволжье (с 3,8 до 2,9 %), хотя и при значительном росте их численности в этом районе как результата демографического взрыва.

Марийцы (черемисы) в середине XVIII в. были распределены почти поровну между двумя регионами — Северным Приуральем (49,1 % в 1762 г.) и Средним Поволжьем (45,6 %). Еще 3,5 % их проживало в Центрально-промышленном районе и 1,8 % — в Южном Приуралье. В последующем происходило снижение концентрации марийцев в Среднем Поволжье (до 33,6 % в 1857 г.), на фоне чего быстро росла их концентрация в Южном Приуралье (до 18,6 % в 1857 г.). Концентрация марийцев в Северном Приуралье росла до конца XVIII в., превысив к этому времени половину их общей численности (53,4 % в 1795 г.), но в начале XIX в. заметно снизилась (до 43,3 % в 1833 г.), хотя в последующем проявилась тенденция к росту их концентрации в данном районе (до 44,5 % в 1857 г.). Концентрация марийцев в пределах Центрально-промышленного района в этот период достигла максимума в 1782 г. (4,6 %), а затем начала снижаться (до 3,4 % в 1857 г.). Таким образом, динамика концентрации в разных регионах страны марийцев (черемисов), как и удмуртов (вотяков), позволяет проследить, в первую очередь, миграции части представителей этих народов в южном направлении, а именно, на территорию Южного Приуралья.

Мордва уже в XVIII в. имела широкий ареал расселения, входящий в несколько крупных регионов страны. Наиболее высока была их концентрация в Среднем Поволжье (51,4 % в 1762 г.), по 12-15 % их проживало в Нижнем Поволжье, Центрально-земледельческом и Центрально-промышленном районах. На протяжении второй половины XVIII в. и первой половины XIX в. концентрация мордвы в Среднем Поволжье держалась на уровне, немного превышающем 50 %, и только к 1857 г. снизилась до 46,7 %. Наиболее быстро росла концентрация мордвы в Южном Приуралье (с 6,2 % в 1762 г. до 12,6 % в 1857 г.). Менее значительным был рост концентрации мордвы в Центрально-промышленном районе (с 12,2 до 15,9 %) и Нижнем Поволжье (с 14,5 до 15,8 %), и уменьшилась их концентрация в Центрально-земледельческом районе (с 15,8 до 9,1 %). Очевидно, что данные изменения в концентрации мордвы в разных регионах были следствием миграционных процессов. Но детально миграции

финно-угорских народов в XIX в. лучше рассмотреть с использованием картографического метода исследования (на уровне уездов губерний Поволжья и Приуралья), опираясь, в т.ч. на итоги Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

3.1.2 Концентрации финно-угорских народов на уровне губерний по итогам переписи населения 1897 года и ее динамика на уездном уровне в XIX веке

По итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. наименее многочисленным из рассматриваемой пятерки финно-угорских народов были коми-зыряне (153,6 тыс.). Две трети коми-зырян (74,8 %) было сконцентрировано в Вологодской губернии, еще 15,1 % проживало в Архангельской губернии, 4,6 % — в Тобольской губернии и 2,9 % — в Пермской губернии (рис. 10). Таким образом, основной ареал проживания коми-зырян приходился не только на север Европейской России, но и на смежные территории Западной Сибири.

Коми-зырян по численности в конце XIX в. превосходили карелы (208,1 тыс.). В это время свыше половины карелов проживало в Тверской губернии (56,5 % в 1897 г., что на 6,4 процентных пункта больше, чем в 1857 г.). В Олонецкой, Новгородской и Санкт-Петербургской губерниях в сумме проживало 33,8 % карелов, что на 7 процентных пунктов меньше, чем в пределах Озерного района в 1857 г. Таким образом, во второй половине XIX в. продолжалось перераспределение между двумя основными ареалами расселения карелов в пользу их верхневолжского (тверского) ареала. Численность карелов в Тверской губернии в 1897 г. составляла 117,7 тыс., в то время как в Олонецкой губернии проживало всего 59,4 тыс., а в Архангельской губернии — 19,5 тыс.

Среднюю позицию по численности среди пяти рассматриваемых финно-угорских народов в 1897 г. занимали марийцы (375,4 тыс.). Они были расселены преимущественно в трех губерниях — Вятской (38,8 %), Казанской (32,7 %) и Уфимской (21,5 %). Еще 4,2 % марийцев проживало в Пермской губернии, и в

сумме в обозначенных четырех губерниях было сконцентрировано 97 % представителей данного народа. Следует отметить, что истории расселения марийцев посвящено масштабное исследование, проведенное Г.А. Сепеевым, результаты которого представлены в его монографии [155].

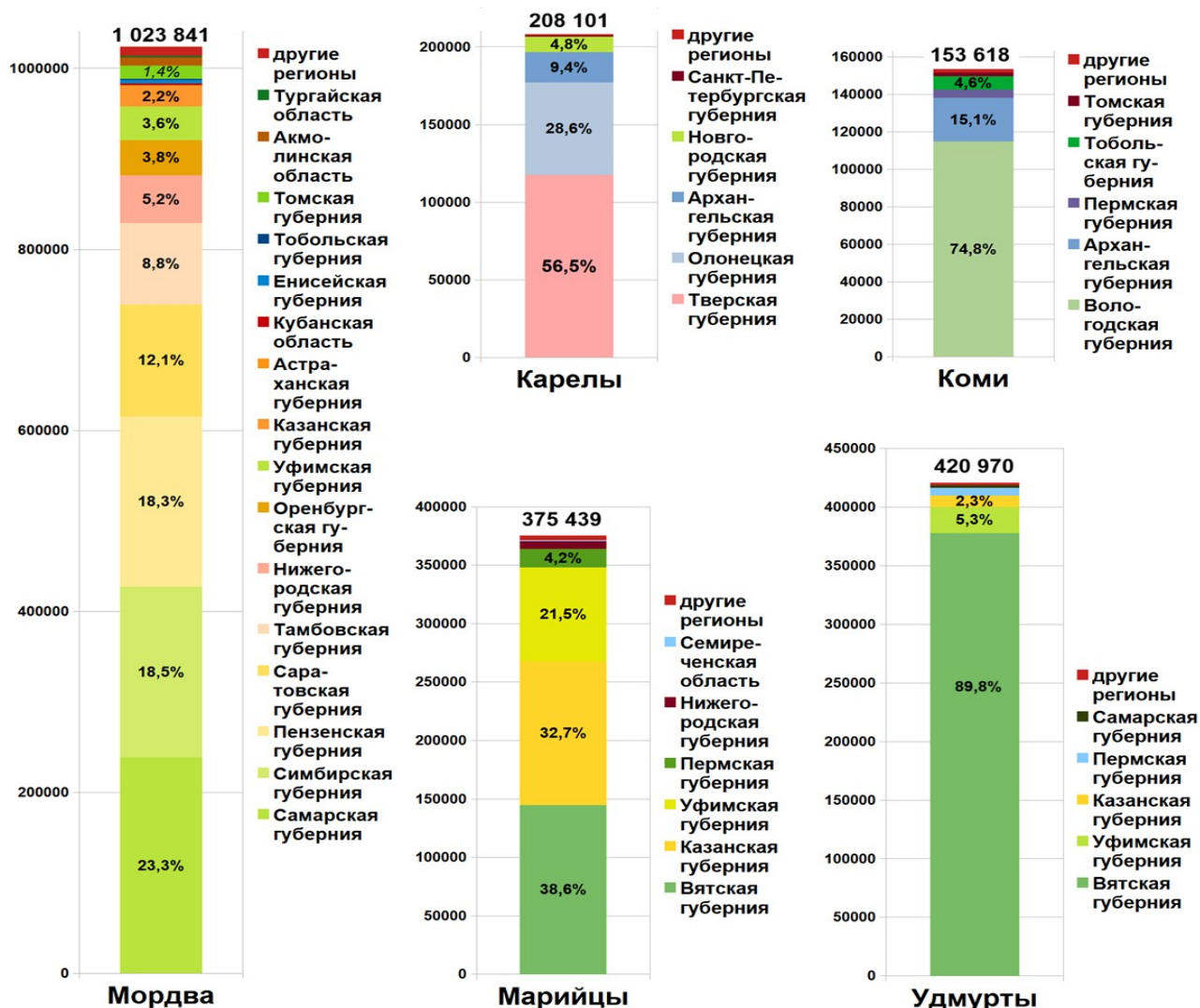

Рисунок 10 — Численность рассматриваемой пятерки финно-угорских народов и их распределение по губерниям Российской империи по итогам переписи населения 1897 г. (составлено автором по [268; 273])

Наибольшей концентрацией в пределах одной губернии в конце XIX в. отличались занимающие вторую позицию по численности (421 тыс.) удмурты, 89,8 % которых проживало в Вятской губернии. Еще 5,3 % удмуртов расселялось в Уфимской губернии и 2,3 % — в Казанской губернии. Обращая внимание на относительную стабильность концентрации удмуртов в пределах крупных

регионов страны с середины XIX в. (89 % в Северном Приуралье и 8 % в Южном Приуралье на 1850 г.), можно сделать вывод, что во второй половине столетия не произошло значительных изменений в ареале расселения данного народа, т.е. не было значительных миграций за пределы уже сложившегося к этому времени их основного ареала.

Мордва, будучи наиболее многочисленным из рассматриваемых финно-угорских народов в 1897 г. (1 млн 23,8 тыс.), наоборот, отличалась наиболее широким расселением по территории страны. В десяти губерниях их концентрация превышала 1 %, но ни в одной из губерний концентрация мордвы не составляла свыше четверти от общей численности народа. Лидером в этом плане выступала Самарская губерния (23,3 %), далее в порядке убывания концентрации следовали следующие губернии: Симбирская (18,5 %), Пензенская (18,3 %), Саратовская (12,1 %), Тамбовская (8,8 %), Нижегородская (5,2 %), Оренбургская (3,8 %), Уфимская (3,6 %), Казанская (2,2 %) и Томская (1,4 %). Нужно отметить, что картографирование расселения мордвы по итогам переписи населения 1897 г. было осуществлено на уровне уездов Поволжья и Приуралья в исследовании Н.Г. Ивлиевой и В.Ф. Манухова [68].

Но также обратим внимание на итоги нашего исследования, где, опираясь на статистику, представленную в книгах В.М. Кабузана [70; 71], была картографирована в первой и второй половине XIX в. динамика на уровне уездов губерний Поволжья и Приуралья двух финно-угорских народов — марийцев (черемисов) и мордвы [180]. При картографировании этнической динамики использовалась методика, предложенная и апробированная в ходе разработки концепции этноконтактных зон.

Во-первых, рассмотрим изменения в расселении марийцев в два обозначенных периода. Так, было выявлено, что в первой половине XIX в. (точнее, с 1795 по 1858 гг.) миграции марийцев были направлены в западные уезды Уфимской губернии и Сарапульский уезд Вятской губернии (рис. 11). «Во второй половине XIX в. (между 1858 и 1897 гг.) значительно выросла концентрация марийцев в северо-западных уездах Казанской губернии. Также

продолжался приток марийцев в юго-восточные уезды Вятской губернии и в центральную часть Уфимской губернии. К концу XIX в. определилась группа уездов с наибольшей долей марийцев, которые охватывали юго-запад Вятской губернии и северо-запад Казанской губернии» [180, с. 102], в дальнейшем ставших основой для создания на их территории в 20-е гг. XX в. марийской автономии. Однако за пределами основного ареала расселения марийцев остались значительные территории с относительно повышенной долей данного народа, которые охватывали юго-восток Вятской губернии, значительную часть Уфимской губернии и Красноуфимский уезд Пермской губернии.

Что касается расселения мордвы в XIX в., то сразу нужно отметить, где к концу столетия сложился ареал с повышенной долей мордвы в населении уездов. Этот ареал охватывал северо-восточную часть Тамбовской губернии, крайний юг Нижегородской губернии, большую часть Пензенской и Симбирской губерний, северо-восток Саратовской губернии и север Самарской губернии (рис. 12). В период с 1833 по 1858 гг. наблюдается рост доли мордвы в населении большинства уездов в основном ареале расселения народа, и, вместе с тем, прослеживаются миграции мордвы в южную часть Самарской губернии и на запад Оренбургской губернии. Однако в период с 1858 по 1897 гг. обозначилось новое направление миграций мордвы — на юго-запад Уфимской губернии, в то время как в основном ареале расселения мордвы доля данного народа стала снижаться в населении южных уездов Нижегородской губернии, на юге Симбирской и Казанской губерний. Также начала снижаться доля мордвы в южной части Самарской губернии и на западе Оренбургской губ. В 1920-е гг. были созданы губернии. Таким образом, к началу XX в. определился достаточно обширный, с наличием нескольких ареалов с повышенной концентрацией, но отсутствием территории с явным доминированием мордвы [180]. Именно поэтому мордовская автономия не была создана в 1920-е гг., когда были учреждены автономные области других финно-угорских народов, а даже при создании Мордовской автономной области в 1930 г. концентрация в ней титульного народа составляла менее 30 %.

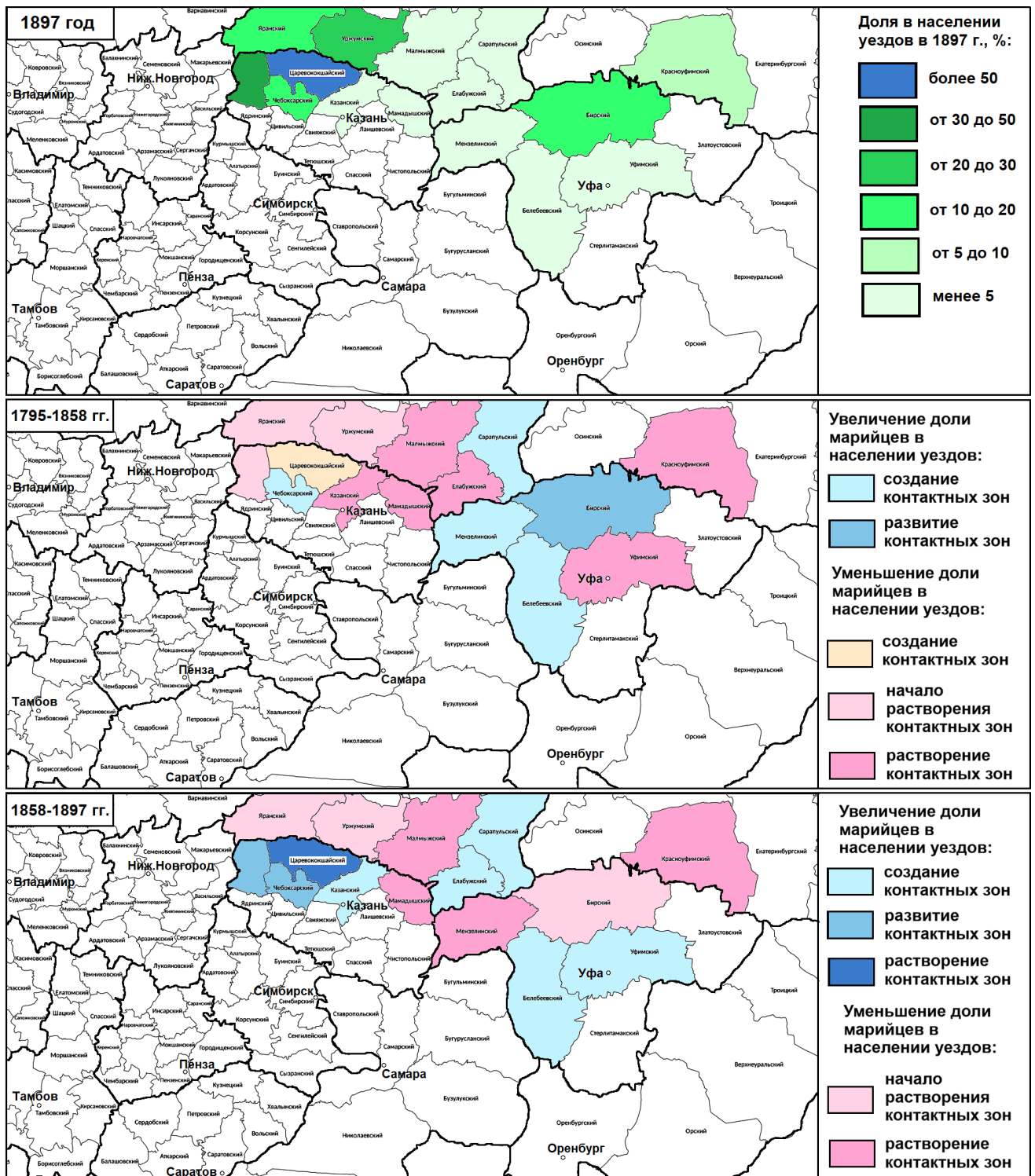

Рисунок 11 — Доля мари (черемис) в населении уездов Поволжья и Приуралья по итогам переписи населения Российской империи 1897 г. и изменение их расселения в интервалы между 1795 и 1858 гг., 1858 и 1897 гг. (составлено автором по [70; 71; 268; 273])

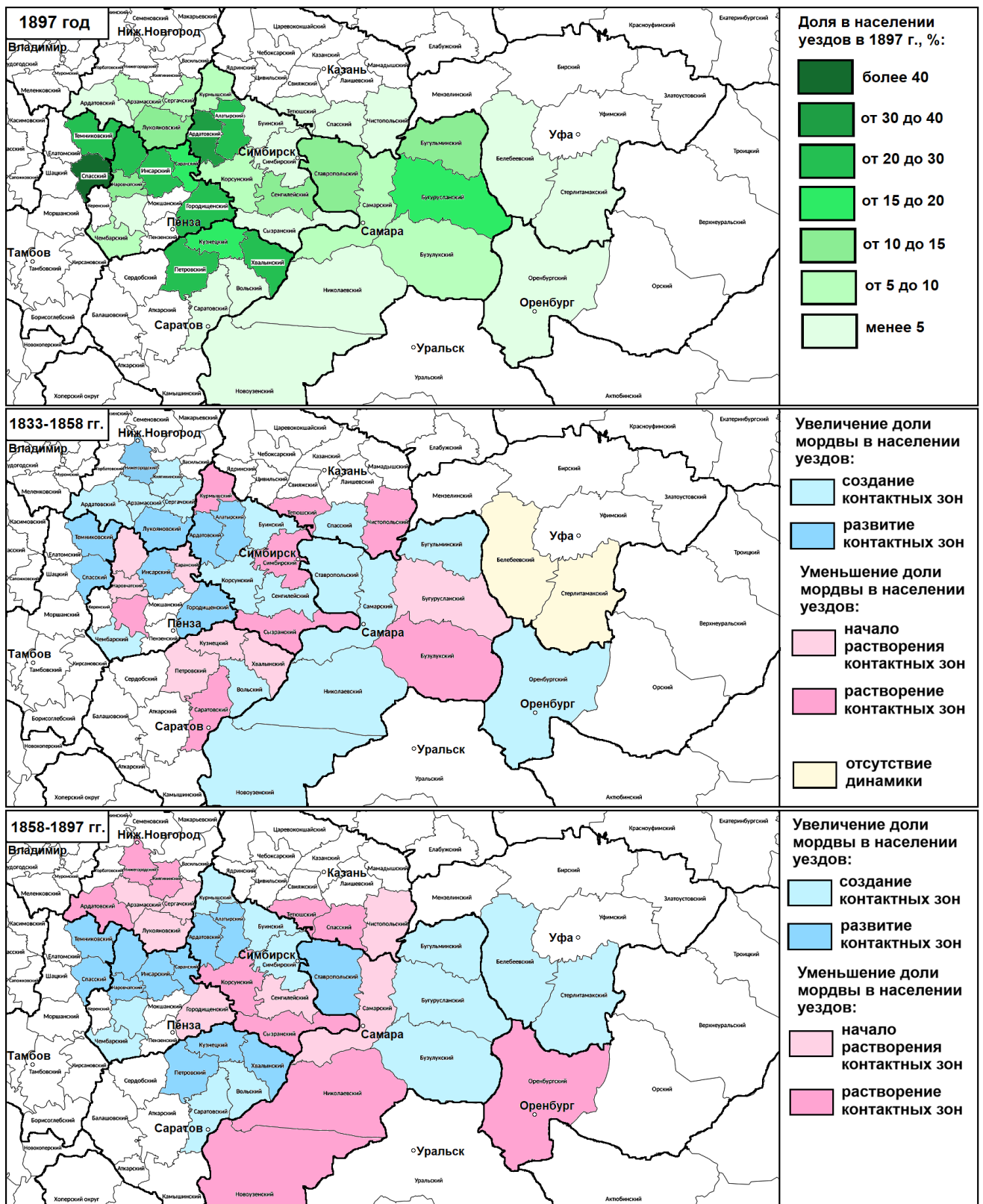

Рисунок 12 — Доля мордвы в населении уездов Поволжья и Приуралья по итогам переписи населения Российской империи 1897 г. и изменение их расселения в интервалы между 1833 и 1858 гг., 1858 и 1897 гг. (составлено автором по [70; 71; 268; 273])

3.2 Сдвиги в расселении титульных финно-угорских народов по регионам России между переписями населения 1926 и 1939 годов

Среди публикаций, посвященных этнодемографии финно-угорских народов на территории Среднего Поволжья и Южного Урала в раннесоветский период, следует отметить статью Л.Ф. Сайфуллиной [148], где рассмотрены новые статистические данные по финно-угорским народам по результатам Всероссийской переписи населения 1920 г. Также нужно отметить, что имеются исследования, в которых в научный оборот введены материалы переписи населения 1937 г. [1; 51], признанные «дефективными» и потому сразу засекреченными после ее проведения. К итогам Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг. этнодемографы относятся достаточно критически [1-3], обращая внимание на «завышение численности небольших народов страны в условиях новой национальной политики» (1926 г.) [1, с. 54] и за «намеренный переучет населения СССР по прямой установке Сталина» (1939 г.) [1, с. 55], тем не менее, материалы этих переписей населения имеют полноценный региональный срез и потому используются в нашем геоэтнодемографическом анализе [32].

По итогам переписей населения 1926 и 1939 гг. было осуществлено картографирование коэффициента концентрации рассматриваемых финно-угорских народов по регионам России в границах соответствующих периодов. Однако, из-за того, что в данный период истории государства административно-территориальное деление было крайне неустойчивым, не была рассчитана динамика коэффициента этнической концентрации по регионам России между переписями населения 1926, 1939 и 1959 гг. Также нужно обратить внимание на то, что величина коэффициента этнической концентрации дается на картосхемах не в процентах, а в промилле.

Согласно итогам переписи населения 1926 г. карелы были сконцентрированы в небольшом количестве регионов страны (рис. 13). Так, 56,7 % карелов проживало в Тверской губернии и 40,6 % — в Автономной

Карельской ССР (в сумме — 97,3 %). Из других регионов страны относительно повышенной концентрацией карелов характеризовались Ленинградская, Новгородская, Череповецкая и Московская губернии, но ни в одной из них концентрация карелов не превышала 1 %. В 1939 г. концентрация карелов снизилась в «Тверской Карелии» (Калининской области) до 47,9 %, но повысилась в Карельской АССР — до 43,5 %. В сумме в этих двух регионах проживало 91,4 %, т.е. их концентрация в двух основных ареалах проживания снизилась почти на 6 процентных пунктов. При этом коэффициент концентрации карелов повысился в целом ряде регионов европейской части России (в Ленинградской области вместе с г. Ленинградом — до 2,9 %, в Мурманской области — до 1,5 %, в Московской области вместе с г. Москвой — до 1,3 % и т.д.) и в азиатской части страны, что свидетельствовало о миграционном «растекании» карелов в 1920-1930-е гг. по территории государства. Но основными регионами миграционного притяжения карелов стали соседние с собственно Карелией и «Тверской Карелией» области и города страны, включая Ленинград и Москву.

Концентрация коми-зырян в 1926 г. (рис. 14), кроме собственно территории Автономной области Коми (Зырян), где соответствующий показатель составлял 84,6 %, была повышена в Архангельской губернии (1,7 %), ряде округов Уральской области (Тобольском — 2,4 %, Тюменском — 1,9 %, Тагильском — 1,5 %), Омском округе Сибирского края (1,6 %) и др. Но это были преимущественно территории, входящие в исторический ареал расселения коми-зырян. В 1939 г. концентрация коми-зырян в Коми АССР (вместе с Печорским округом) составляла 81,4 %, а в соседнем Ненецком АО проживало еще 2,1 % представителей коми-зырян. Хотя в пределах традиционного ареала расселения коми-зырян их концентрация уменьшилась незначительно, все же нужно отметить некоторые регионы в европейской части России, ставших новыми территориями миграционного притяжения коми-зырян — Ленинградская, Московская и Горьковская области, Краснодарский край и др., но в этих регионах уровень концентрации коми-зырян не превышал 0,5 %.

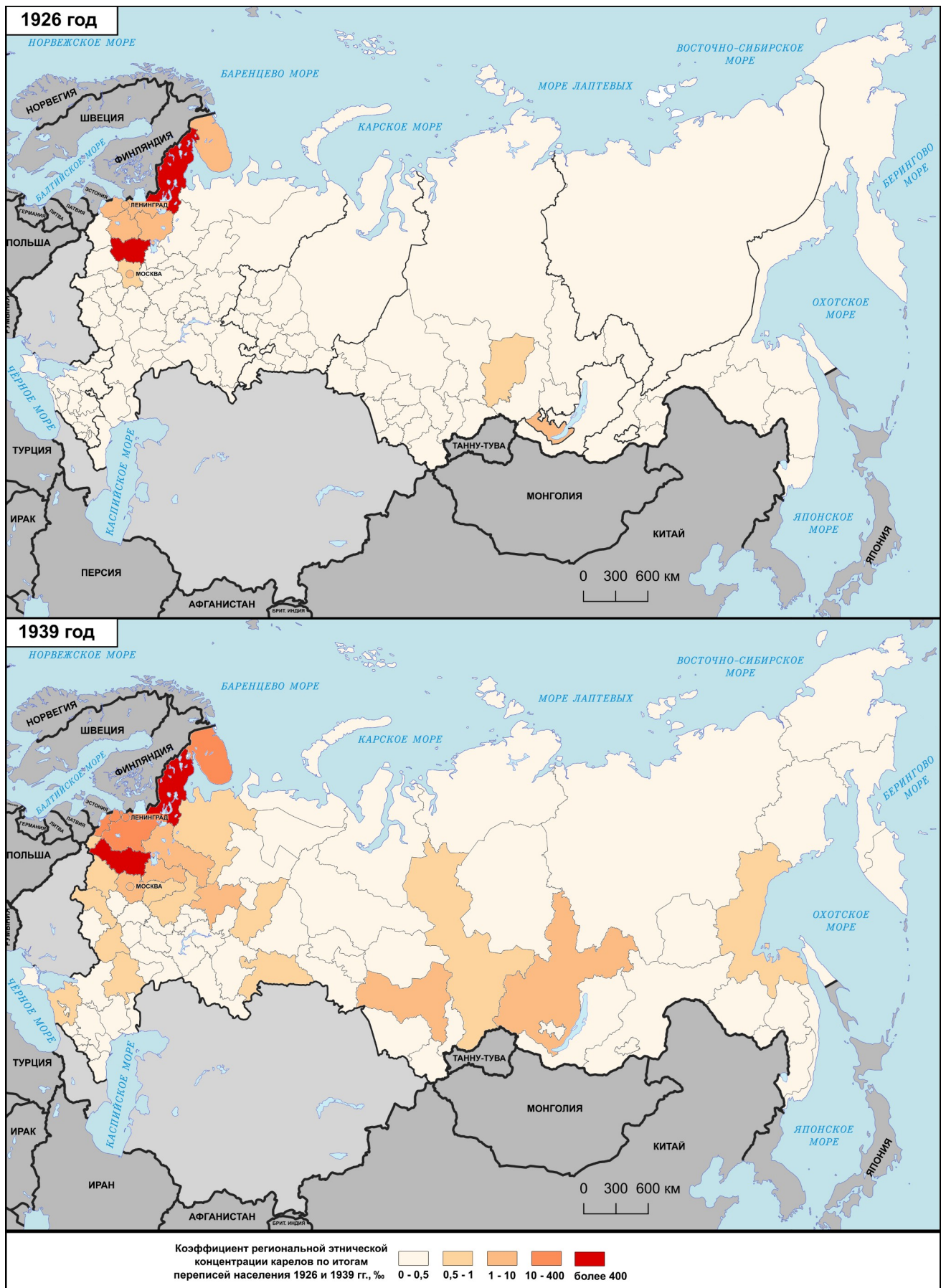

Рисунок 13 — Коэффициент концентрации карелов в регионах России по итогам переписей населения 1926 и 1939 гг., % (составлено автором по [268; 273])

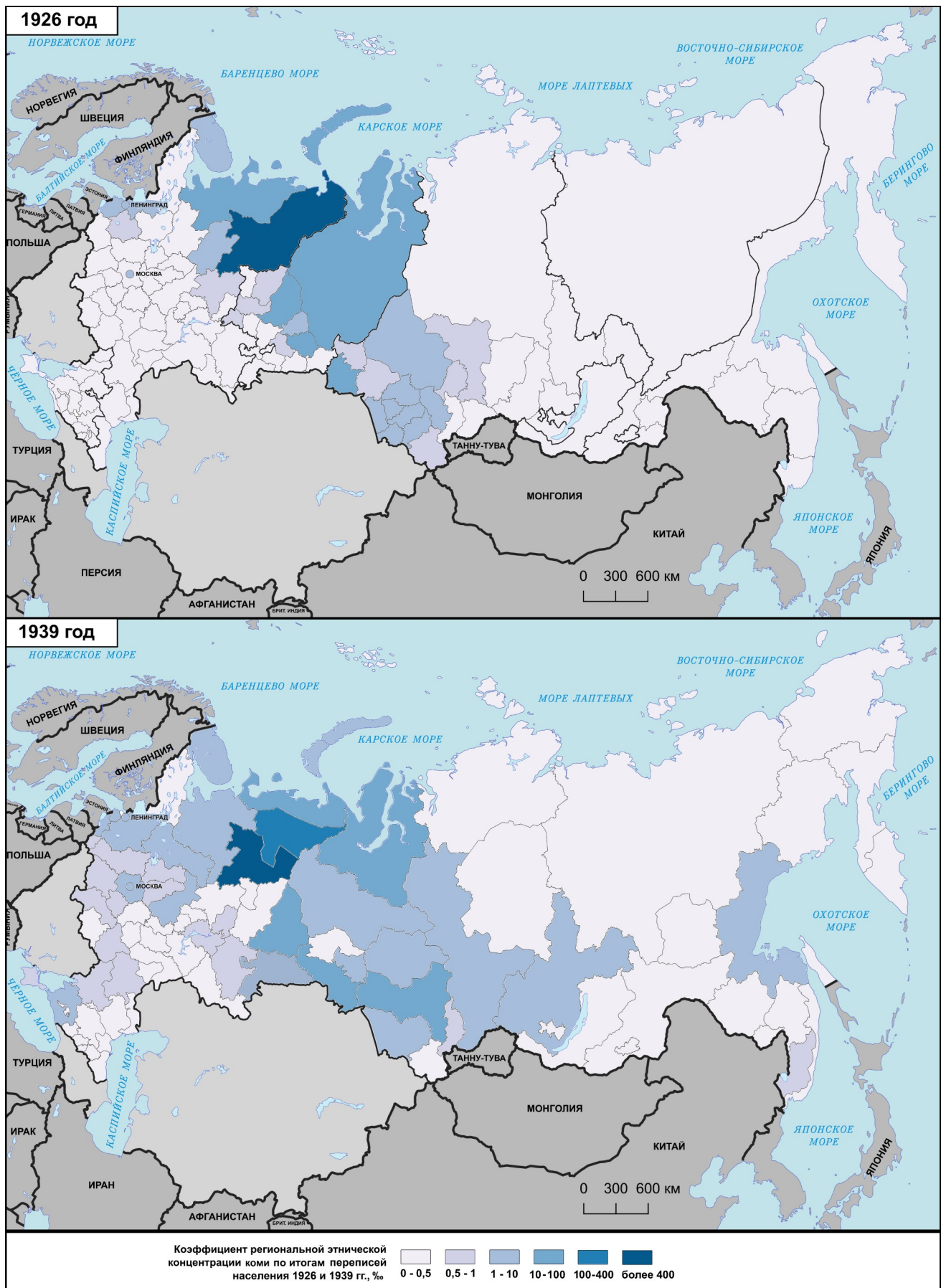

Рисунок 14 — Коэффициент концентрации коми в регионах России по итогам переписей населения 1926 и 1939 гг., ‰ (составлено автором по [268; 273])

Коэффициент концентрации удмуртов (вотяков) в Вотской автономной области в 1926 г. составлял 78,5 % (рис. 15). Также была повышена концентрация удмуртов в Вятской губернии (7,7 %), Татарской АССР (4,7 %), Башкирской АССР (4,6 %), ряде соседних округов Уральской области и в нескольких округах Сибирского края. В 1939 г., по сравнению с 1926 г., ареал повышенной концентрации удмуртов заметно расширился. В Удмуртской АССР коэффициент концентрации удмуртов в 1939 г. составил 80 %. В то же время произошло снижения показателя в Татарской АССР (до 4,3 %), Башкирской АССР (до 4,2 %), Кировской области (до 4 %, в т. ч. по причине передачи нескольких районов в состав Удмуртской АССР). Достаточно высоким уровнем концентрации удмуртов характеризовались Молотовская (в последующем — Пермская) (1,6 %), Свердловская (1,3 %) и Новосибирская (1 %) области. Но концентрация удмуртов повысилась и во многих других регионах России, как в ее центральной части, так и на юге, и в азиатской части страны, что свидетельствовало о миграциях удмуртов за пределы своего основного ареала расселения.

В 1926 г. концентрация марийцев, кроме Марийской автономной области (57,9 %), была высока в соседних регионах страны, особенно в Башкирской АССР (18,5 %) и Вятской губернии (14 %), а также повышена в Кунгурском округе Уральской области (3,6 %), Татарской АССР (3 %) и еще в нескольких регионах, расположенных преимущественно в Среднем Поволжье и на Урале (рис. 16). К 1939 г. территория расселения марийцев в стране заметно расширилась, хотя лидерами по их концентрации по-прежнему оставались три региона: Марийская АССР (57,4 %), Башкирская АССР (18,9 %) и Кировская область (12 %). Группу регионов с повышенной концентрацией марийцев составляли: Свердловская область (3,3 %), Татарская АССР (2,9 %), Удмуртская АССР (1,3 %), Горьковская область (1,2 %). Также нужно обратить внимание на рост концентрации марийцев в Карельской АССР, Московской области и в целом ряде регионов Сибири и Дальнего Востока, что отражало основные направления миграций марийцев за пределы ареала традиционного расселения.

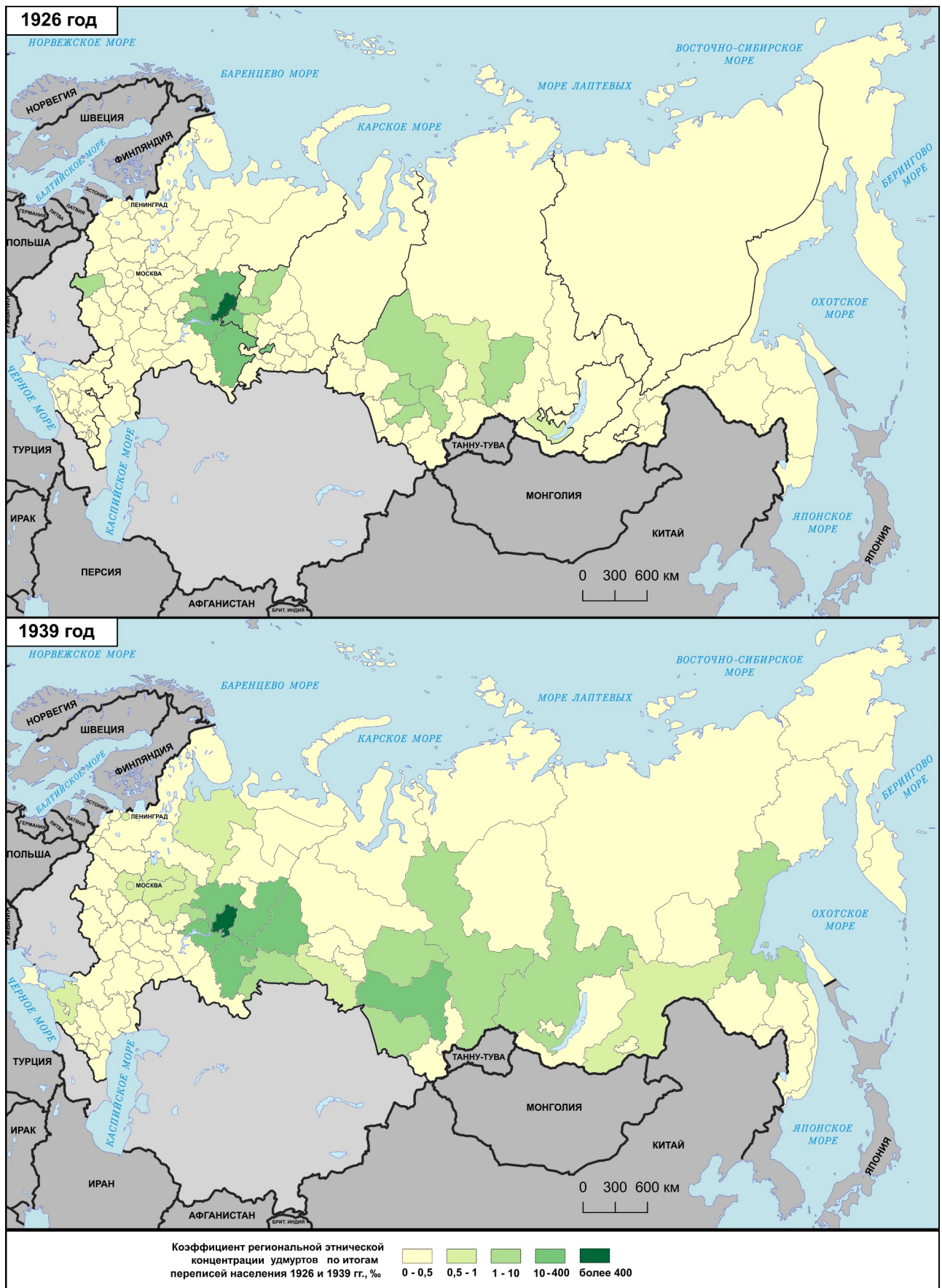

Рисунок 15 — Коэффициент концентрации удмуртов в регионах России по итогам переписей 1926 и 1939 гг., % (составлено автором по [268; 273])

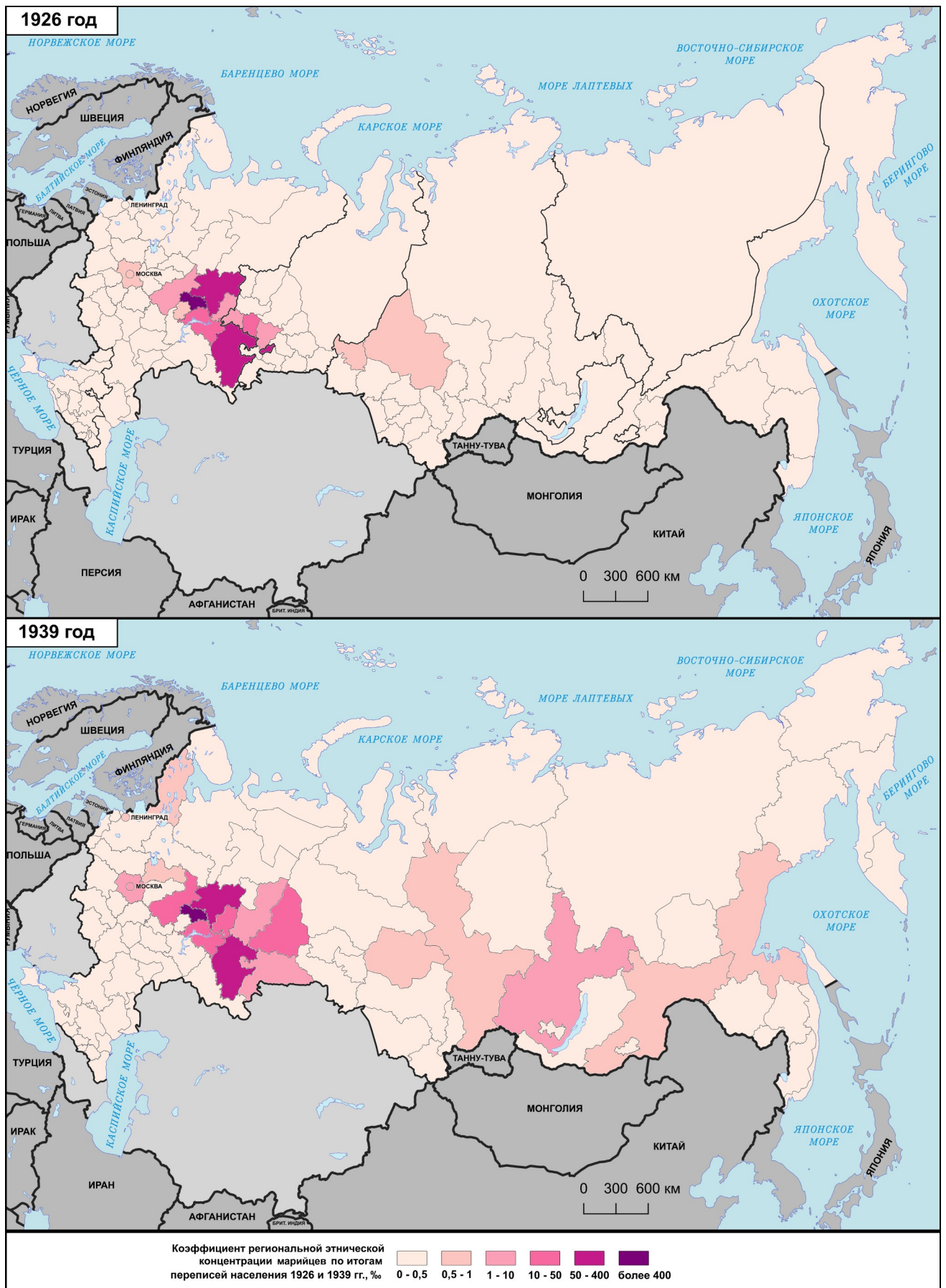

Рисунок 16 — Коефициент концентрации марийцев в регионах России по итогам переписей 1926 и 1939 гг., % (составлено автором по [268; 273])

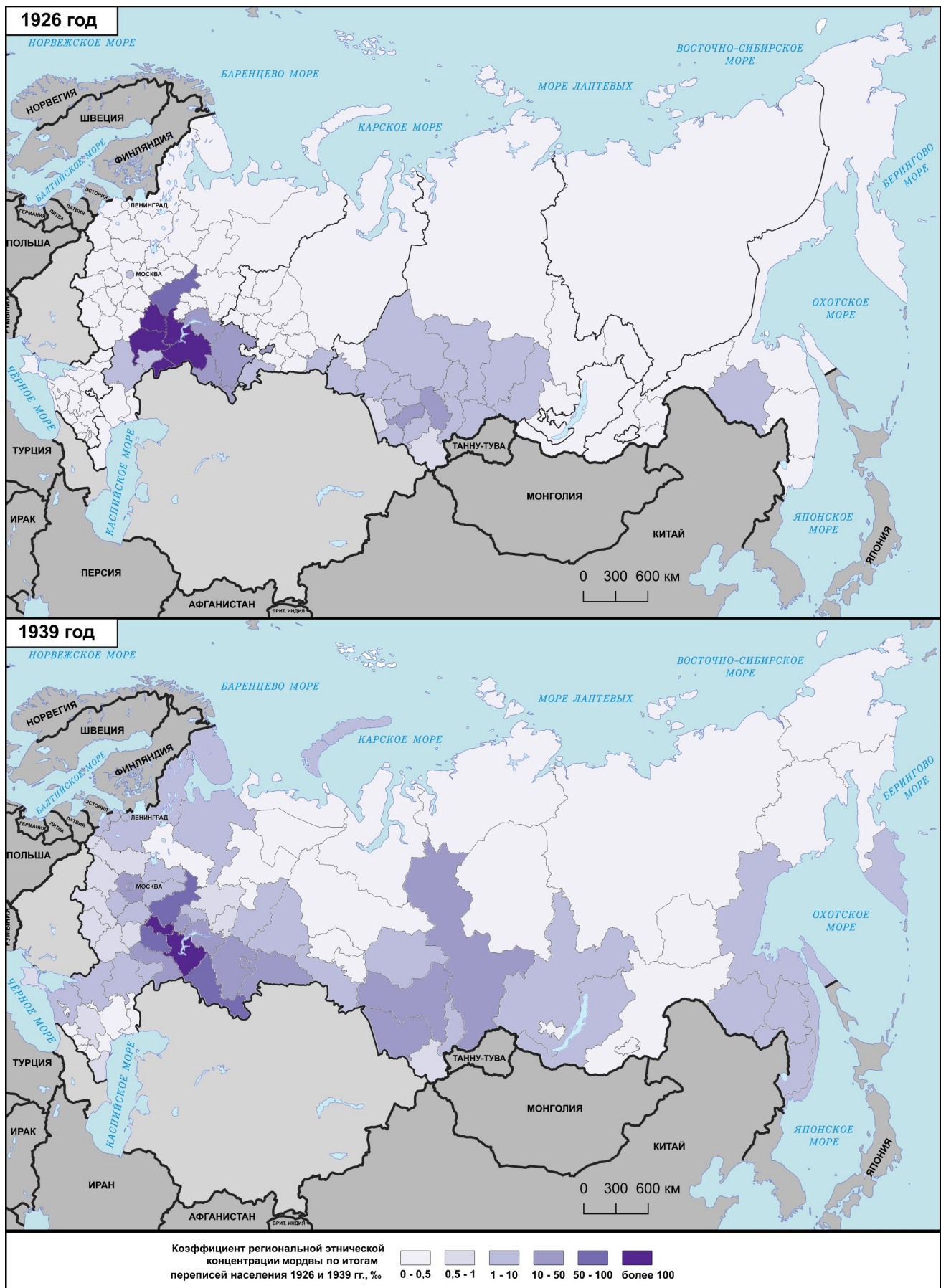

Рисунок 17 — Коэффициент концентрации мордвы в регионах России по итогам переписей населения 1926 и 1939 гг., % (составлено автором по [268; 273])

Концентрация мордвы в 1926 г. была наиболее высока в ряде губерний Среднего Поволжья (Пензенской — 28,8 %, Самарской — 19,2 %, Ульяновской — 13,7 %, Саратовской — 11,9 %, Нижегородской — 6,5 %), а также в Башкирской АССР (3,8 %), Татарской АССР (2,7 %), Чувашской АССР (1,8 %) и Оренбургской губернии (1,8 %). Относительно повышена была концентрация мордвы в ряде округов Сибирского края (в Барнаульском — 1,9 %, Кузнецком — 1,1 %, Минусинском — 0,9 % и др.). То есть уже в 1926 г. существовало два достаточно обширных ареала расселения мордвы, основной (традиционный) из которых находился в Среднем Поволжье, а второй, связанный с миграциями мордвы на восток, — в южной части Средней Сибири (рис. 17).

В 1939 г. в Мордовской АССР было сконцентрировано всего 29,4 % мордвы, проживающей в России, а вторым по концентрации данного народа стала Куйбышевская область (14 %). С 1926 по 1939 гг. еще более повысилась концентрация мордвы в азиатской части страны, как в Южной Сибири, так и на юге Дальнего Востока. Но прослеживаются также миграции мордвы в самые разные регионы, расположенные в европейской части России, а также на Урале. Таким образом, уже к 1939 г. мордва стала самым широко расселенным финно-угорским народом страны.

3.3 Сдвиги в расселении титульных финно-угорских народов по регионам России в межпереписные интервалы с 1959 по 1989 годы

К 1959 г. завершилась серия административно-территориальных реформ, и в стране вплоть до конца советского периода происходила лишь незначительная корректировка границ регионов. Административно-территориальное деление РСФСР верхнего уровня стало основой для постсоветского выделения субъектов Российской Федерации, границы которых к настоящему времени также претерпели лишь небольшие изменения. Последнее позволяет осуществить картографический анализ динамики коэффициента концентрации титульных финно-угорских народов в современных границах регионов России как в позднесоветский период (между переписями населения 1959 по 1989 гг.), так и в постсоветский период (между переписями населения 1989 и 2021 гг.).

В начальный год данного анализа (1959 г.) карелы были самым малочисленным титульным финно-угорским народом автономных республик РСФСР (164,1 тыс.). Свыше половины карелов (52,1 %) проживало в Карельской АССР, и еще 36 % — на территории Калининской области (в «Тверской Карелии»). За прошедшее с 1939 г. время концентрация карелов повысилась почти на 9 процентных пунктов в своей республике и снизилась на 12 процентных пунктов в Калининской области, причем впервые в советское время перепись 1959 г. зафиксировала перевес Карельской АССР над «Тверской Карелией» по концентрации карелов. То есть можно говорить о постепенном «растворении» верхневолжского ареала проживания карелов, на что повлияла, в частности, близость данного ареала к двум крупнейшим городским агломерациям страны, образуемым Москвой и Ленинградом, даже точнее, расположением между этими агломерациями. Так, в 1959 г. 2,1 % карелов проживало в Ленинградской области и 1,2 % — в г. Ленинграде, 0,6 % — в Московской области и 0,5 % — в г. Москве (рис. 18).

Рисунок 18 — Коэффициент концентрации карелов в современных границах регионов России по итогам переписи населения 1959 г., %
(составлено автором по [268; 273])

Среди других регионов страны с повышенной концентрацией карелов нужно назвать Мурманскую область (2,3 %), Кемеровскую область (0,7 %), Коми АССР (0,3 %), Калининградскую и Челябинскую области (по 0,2 %).

Динамика коэффициента концентрации карелов в регионах России по десятилетиям между переписями населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. выглядит следующим образом (рис. 19). На протяжении всех трех позднесоветских десятилетий росла концентрация карелов в своей республике и уменьшалась их концентрация в Калининской области. В 1960-е гг. заметно росла концентрация данного народа в Мурманской области, Коми АССР, а также в Москве и Ленинграде. В 1970-е гг. происходил рост концентрации карелов почти во всех регионах России, что свидетельствовало об их миграции за пределы традиционных ареалов расселения. В 1980-е гг. данная ситуация мало изменилась, но стало больше регионов с отрицательной динамикой концентрации карелов. К 1989 г. уже 62,7 % карелов было сконцентрировано в Карельской АССР, и только 18,3 % — в Калининской области.

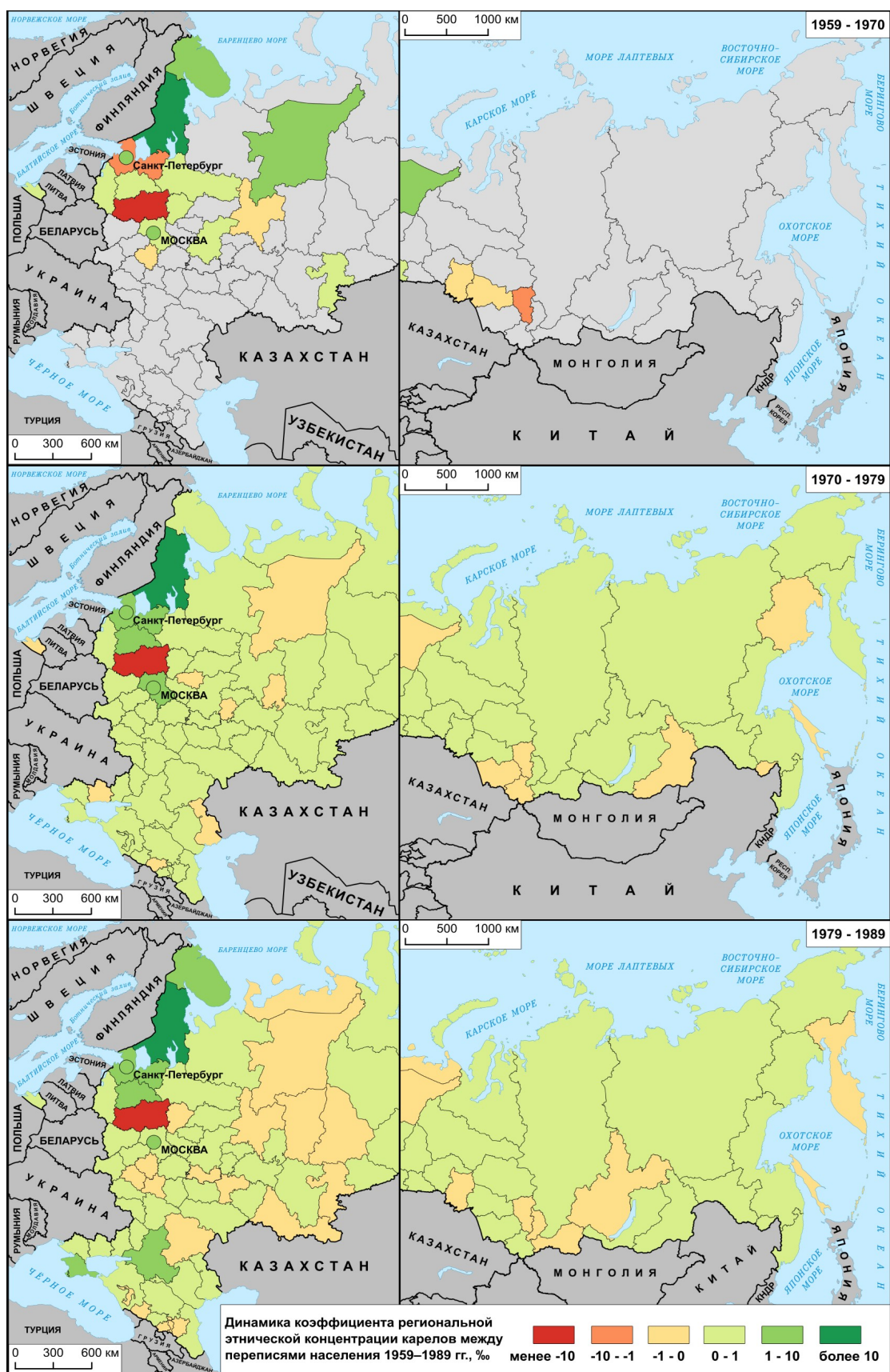

Рисунок 19 — Динамика коэффициента концентрации карелов в межпереписные интервалы с 1959 по 1989 гг. в современных границах регионов России, % (составлено автором по [268; 273])

Коми в 1959 г. были четвертыми по численности среди титульных финно-угорских народов автономных республик РСФСР (282,8 тыс.). На территории Коми АССР тогда проживало 86,7 % коми. Другими регионами их повышенной концентрации были Ненецкий (1,8 %), Ямало-Ненецкий (1,7 %) и Ханты-Мансийский (1 %) национальные округа, а также Архангельская и Омская (по 0,8 %), Пермская (0,6 %), Кировская и Кемеровская (по 0,5 %) области.

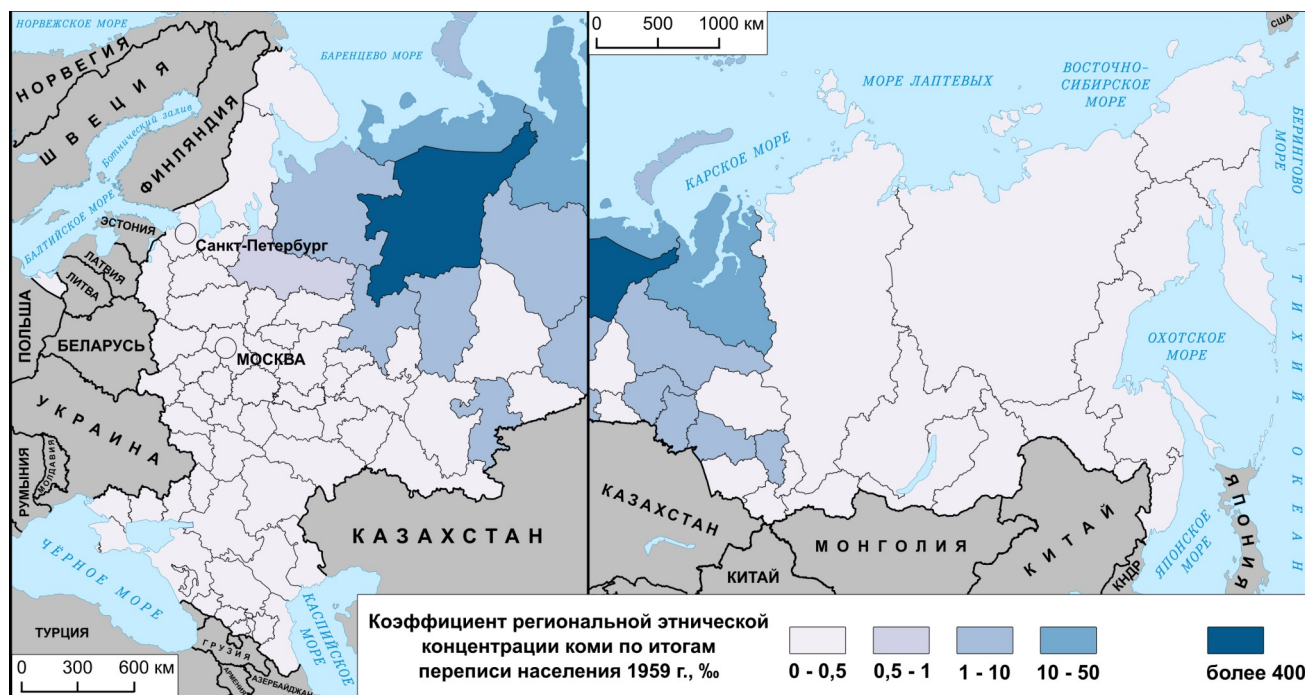

Рисунок 20 — Коэффициент концентрации коми в современных границах регионов России по итогам переписи населения 1959 г., %
(составлено автором по [268; 273])

Динамика коэффициента концентрации коми с 1959 по 1989 гг. сильно отличалась от других титульных финно-угорских народов. Так, в 1960-е гг. наблюдался рост концентрации коми в Коми АССР, в то время как в соседних, а также сибирских регионах происходило падение концентрации данного народа. В 1970-е гг. сохранился рост концентрации коми в своей республике. И только в 1980-е гг. обозначилось уменьшение концентрации народа в Коми АССР и небольшой рост — в большинстве регионов России, что свидетельствовало о миграциях коми за пределы своей республики. К 1989 г. уровень концентрации коми в Коми АССР уменьшился незначительно — до 86,2 %.

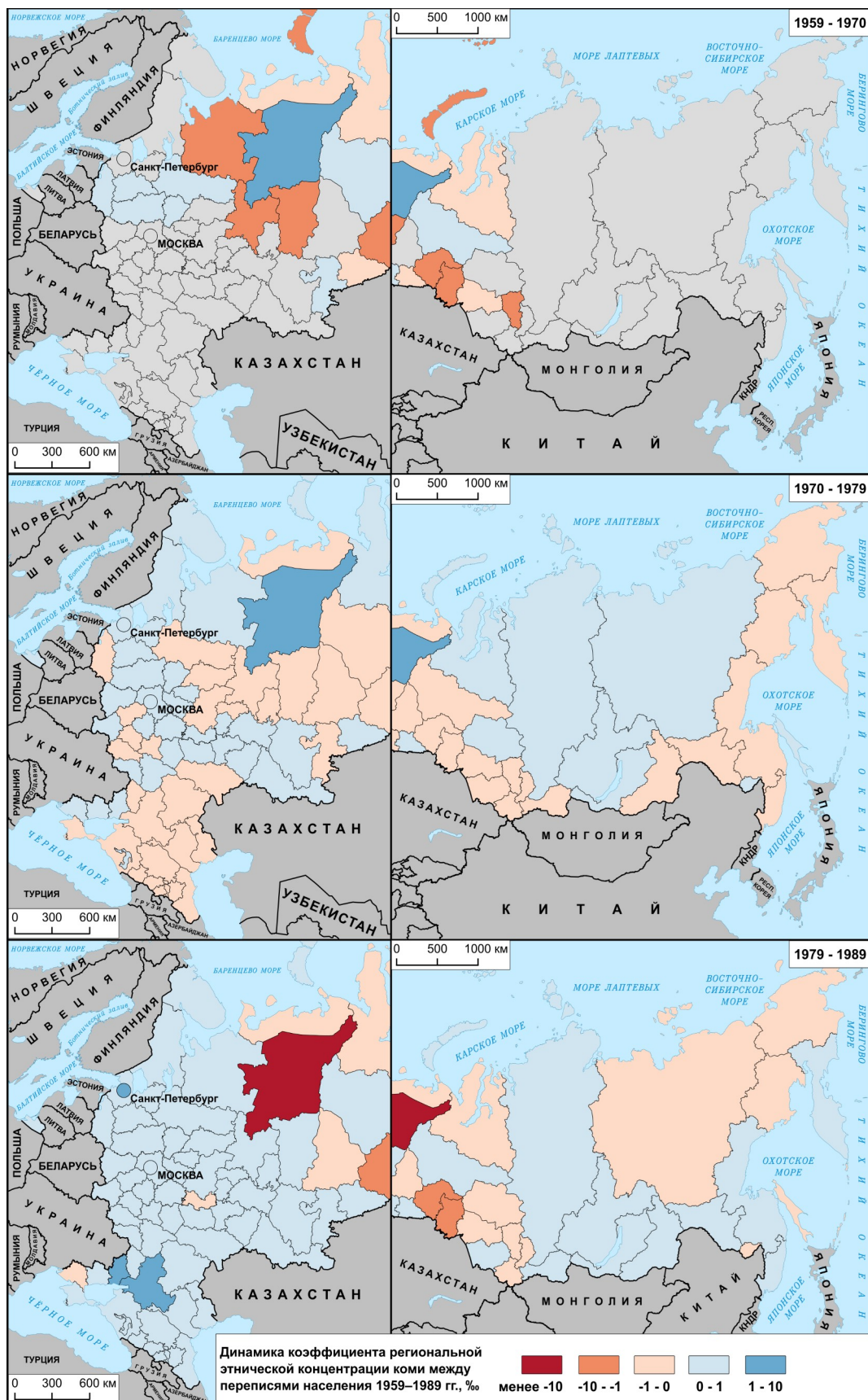

Рисунок 21 — Динамика коэффициента концентрации коми в межпереписные интервалы с 1959 по 1989 гг. в современных границах регионов России, % (составлено автором по [268; 273])

Удмурты в 1959 г. занимали второе место по численности среди титульных финно-угорских народов автономных республик РСФСР (617,1 тыс.). Удмурты сохраняли высокий уровень концентрации в своей республике (77,1 %). Повышенной концентрацией удмуртов характеризовались преимущественно соседние с Удмуртской АССР регионы: Башкирская (4,1 %) и Татарская (3,7 %) АССР, Кировская (3,6 %), Пермская (3,5 %) и Свердловская (1,9 %) области. Регионы с заметным представительством удмуртов были рассыпаны по всей территории России, в т. ч. на севере, центре и юге ее европейской части, а также на юге Сибири и Дальнего Востока.

Рисунок 22 — Коэффициент концентрации удмуртов в современных границах регионов России по итогам переписи населения 1959 г., %
(составлено автором по [268; 273])

Все три десятилетия между переписями населения 1959 и 1989 гг. характеризовались уменьшением концентрации удмуртов в своей республике и соседних с ней регионах и ростом концентрации большинстве других регионов страны, что свидетельствовало о миграциях удмуртов за пределы основного ареала их проживания. К 1989 г. уровень концентрации удмуртов в Удмуртской АССР уменьшился до 69 %.

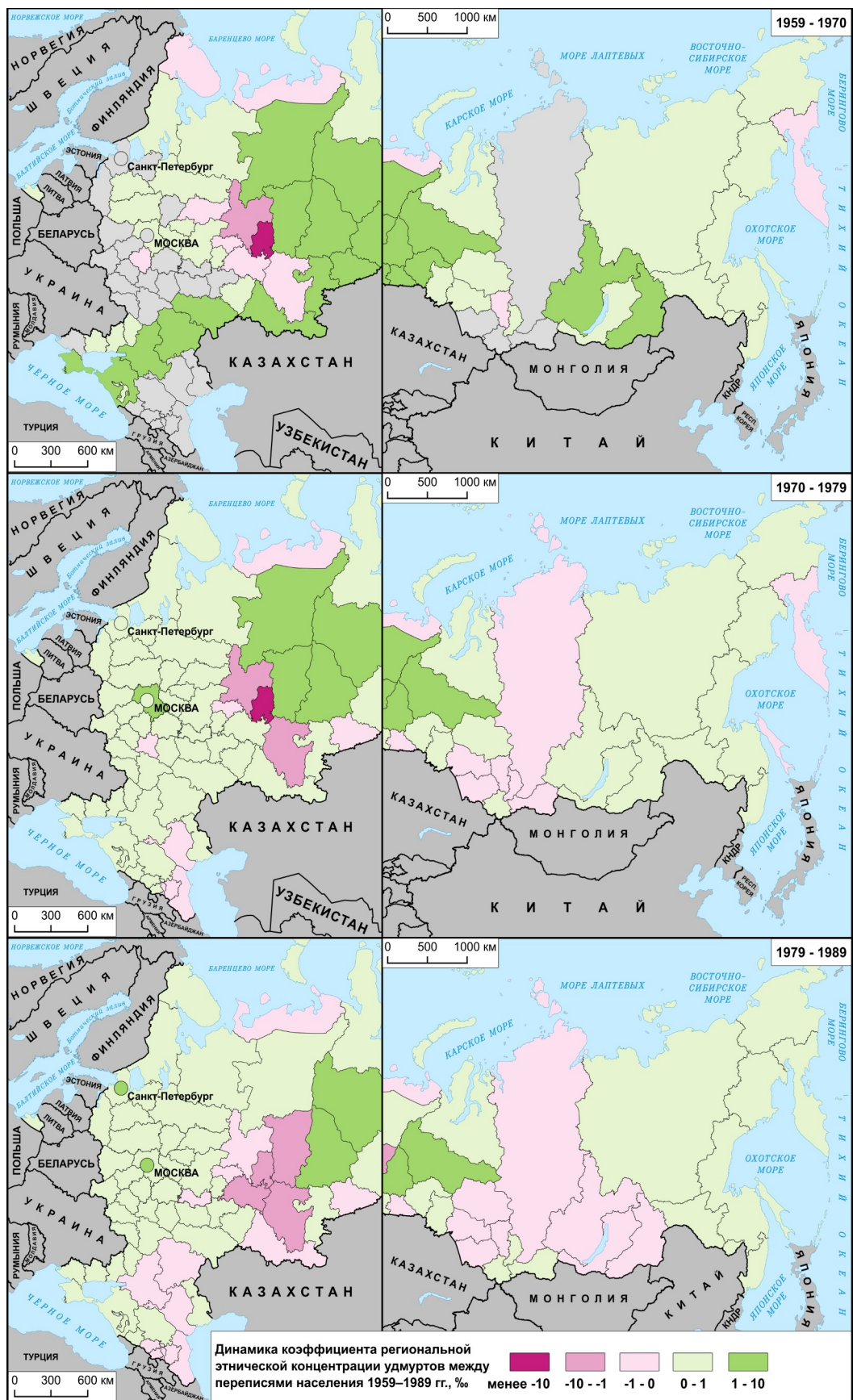

Рисунок 23 — Динамика коэффициента концентрации удмуртов в межпереписные интервалы с 1959 по 1989 гг. в современных границах регионов России, % (составлено автором по [268; 273])

Марийцы в 1959 г. занимали третье место по численности среди титульных народов автономных республик РСФСР (499,2 тыс.). Коэффициент их концентрации в Марийской АССР составлял 56 %, еще 18,8 % марийцев проживало в Башкирской АССР, 10,5 % — в Кировской области, 4,1 % — в Свердловской области, 2,7 % — в Татарской АССР, 1,3 % — в Удмуртской АССР, 1,1 % — в Пермской области и 1 % — в Горьковской области. Кроме основного ареала проживания марийцев, также прослеживаются их миграции в раннесоветский период в северное Приуралье, на Средний Крал, в центральную часть страны, в Южное Поволжье и Приазовье, а также в азиатскую часть России — на юг Сибири и Дальнего Востока.

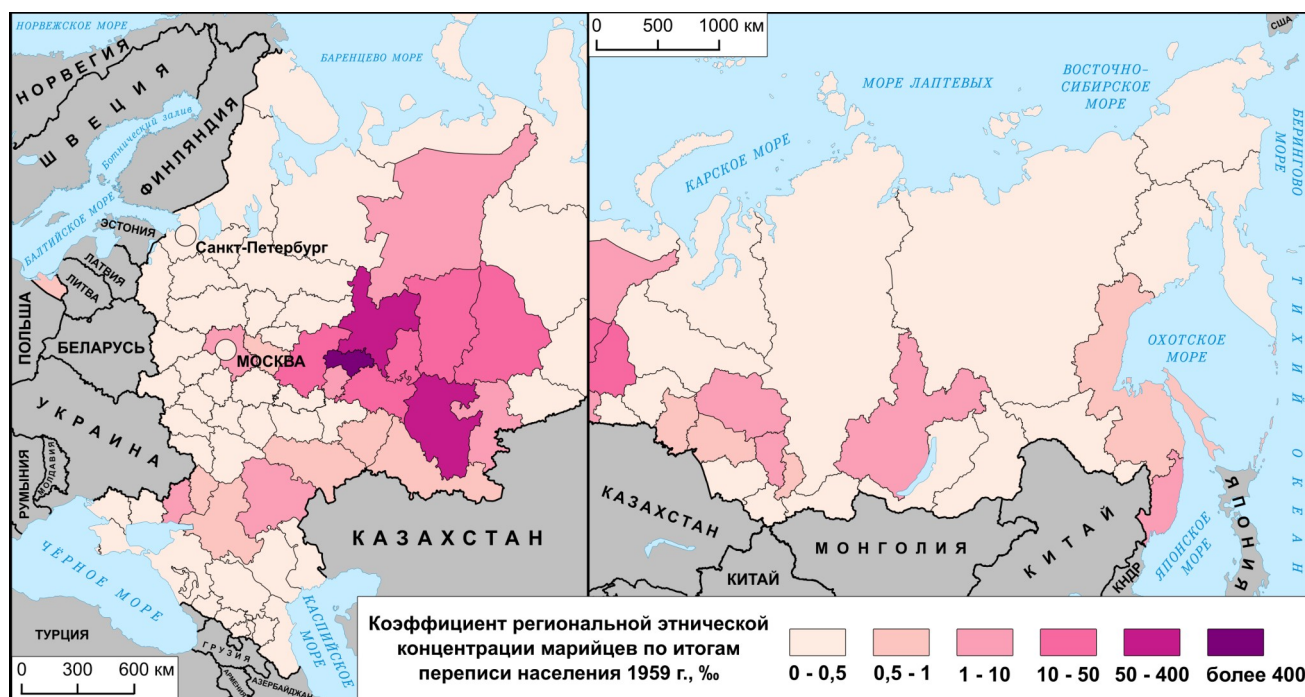

Рисунок 24 — Коэффициент концентрации марийцев в современных границах регионов России по итогам переписи населения 1959 г., %
(составлено автором по [268; 273])

Динамика коэффициента концентрации марийцев в регионах России в межпереписные интервалы с 1959 по 1989 гг. имеет некоторые особенности, которые требуют более детального рассмотрения. Так, во все три межпереписных интервала наблюдалось уменьшение коэффициента концентрации марийцев в своей республике, но не всегда Марийская АССР была

лидером в этом плане. Так, в 1960-е гг. наибольшее падение коэффициента концентрации марийцев пришлось не только на Марийскую АССР, но и на Кировскую область. Относительной стабильностью коэффициента характеризовались Татарская и Башкирская АССР, а также Пермская область. На этом фоне, значительный рост концентрации марийцев произошел в достаточно большом количестве регионов России, как на ее севере (Коми АССР), в Западной Сибири, так и в центре (включая Московскую область), и на юге (Южное Поволжье, и вплоть до Азовского моря).

В 1970-е гг. лидерство по уменьшению коэффициента концентрации марийцев перешло к Башкирской АССР, но продолжалось падение коэффициента концентрации марийцев также и в Марийской АССР, Кировской области, к которым добавились Горьковская область и Красноярский край. Сохранилась направленность миграций марийцев в северные регионы Урала и Западной Сибири, а также в Центральную Россию. Но положительная динамика показателя характеризовала также три автономные республики Среднего Поволжья — Чувашскую, Татарскую и Удмуртскую АССР. Не исключено, что последнее было связано с отсутствием или незначительностью миграционного оттока марийцев из этих республик на фоне положительного естественного прироста представителей данного финно-угорского народа, проживающих в этих национальных автономиях.

В 1980-е гг. лидерами по падению коэффициента концентрации марийцев были Башкирская АССР и Кировская область, что может быть результатом как миграционного оттока из них, так и ассимиляционных процессов (второе, скорее, характеризовало Кировскую область). Также сохранялось уменьшение коэффициента концентрации марийцев в своей республике и Горьковской области (во второй, скорее всего, опять же по причине ассимиляции). Значительный рост концентрации марийцев наблюдался, как и в 1970-е гг., в Саратовской области, Татарской АССР, Коми АССР, в Свердловской области и в Западной Сибири, к которым добавился Краснодарский край. Но заметно уменьшились миграции марийцев в Центральную Россию.

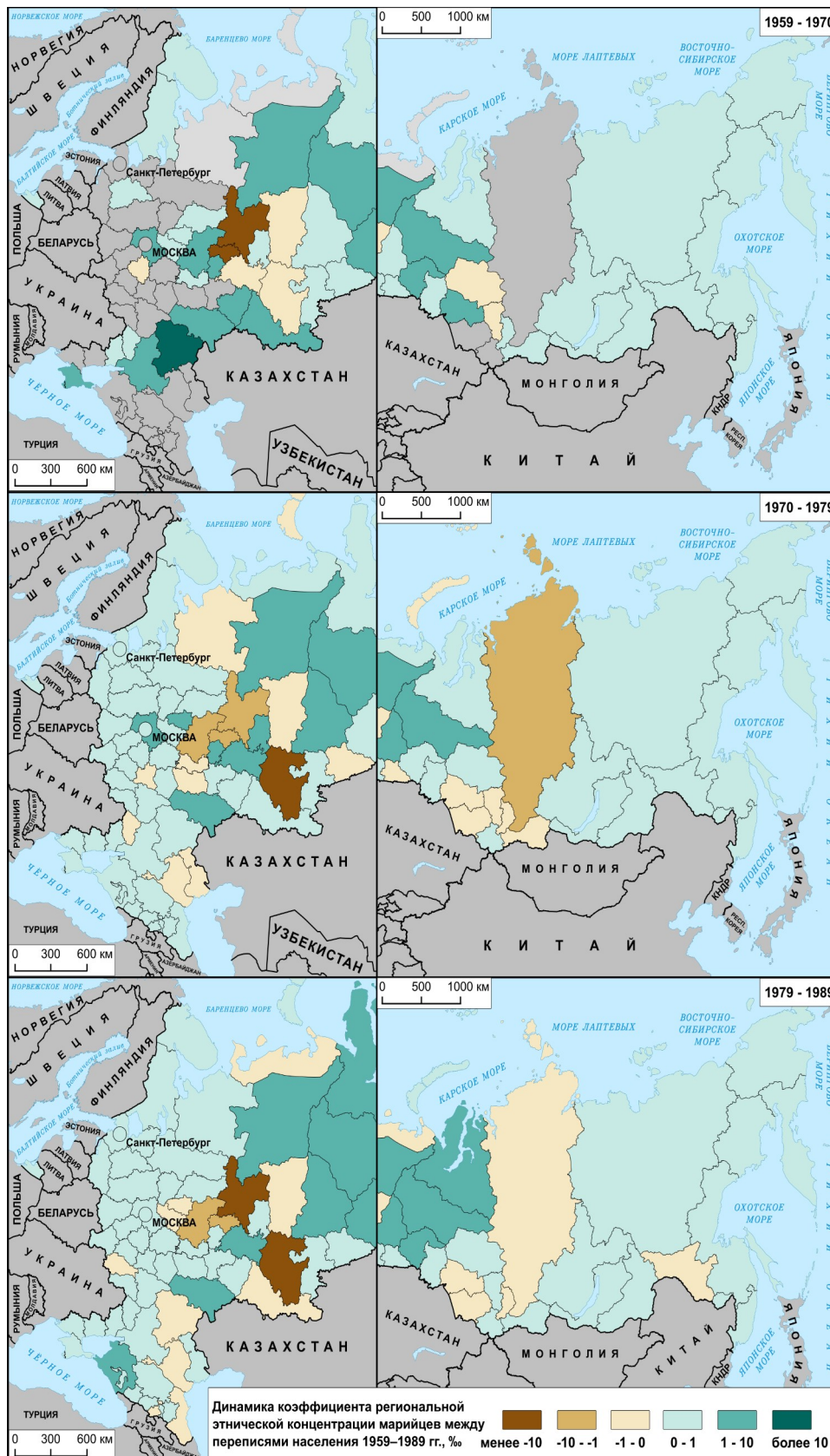

Рисунок 25 — Динамика коэффициента концентрации марийцев в межпереписные интервалы с 1959 по 1989 гг. в современных границах регионов России, ‰ (составлено автором по [268; 273])

В 1959 г. лидерство по численности среди титульных финно-угорских народов автономных республик России занимала мордва (1217,9 тыс.) с примерно двукратным отрывом от удмуртов. В число основных регионов концентрации мордвы, кроме Мордовской АССР (29,4 %), входили также области: Куйбышевская (ныне Самарская) (9,5 %), Пензенская (9 %), Оренбургская (7,8 %), Ульяновская (6 %) и Горьковская (5,2 %). Эти регионы образовывали единый массив, вытянувшийся от Мордовской АССР в восточном направлении (рис. 26). К этому ареалу основного расселения мордвы примыкали с севера три автономные республики: Башкирская (3,6 %), Татарская (2,7 %) и Чувашская (2 %). Также концентрация мордвы была повышена в достаточно большом количестве регионов на севере, в центре и на юге Европейской России, в Средней Сибири и на Дальнем Востоке. Таким образом, уже в 1959 г. можно говорить об очень широком расселении мордвы в пределах России.

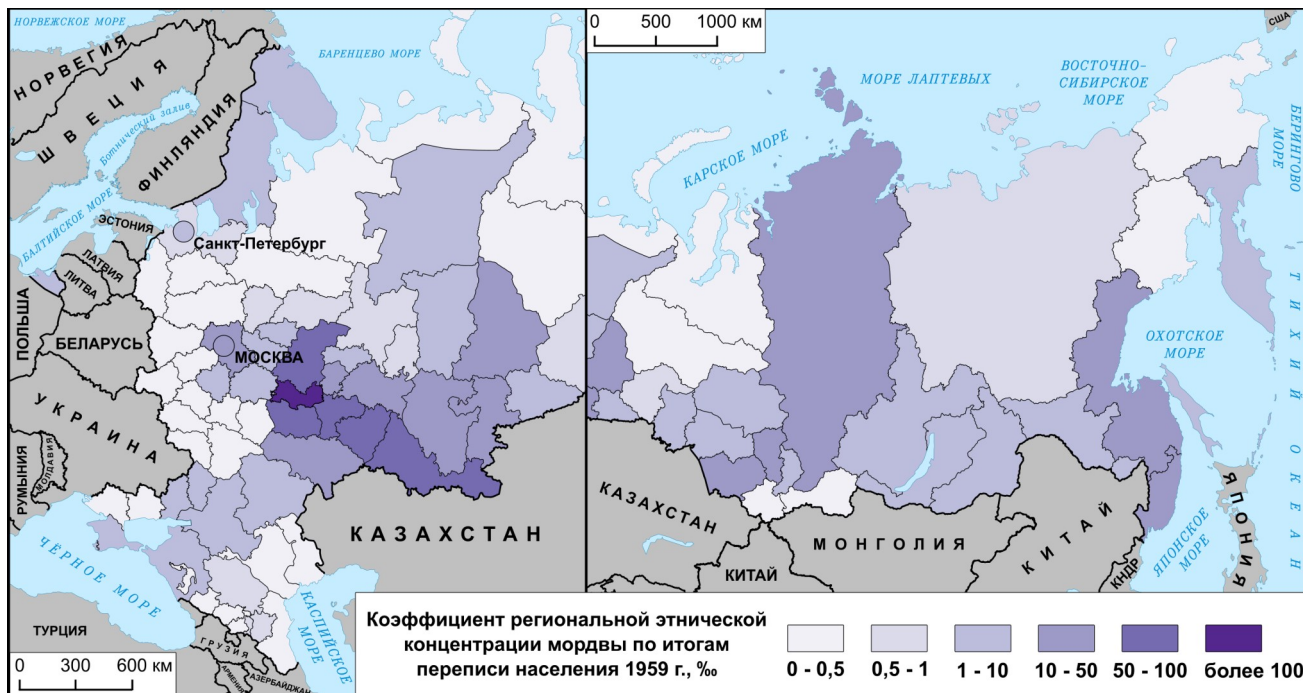

Рисунок 26 — Коефициент концентрации мордвы в современных границах регионов России по итогам переписи населения 1959 г., %
(составлено автором по [268; 273])

Динамика коефициента концентрации мордвы в регионах России достаточно сильно отличалась по десятилетним интервалам с 1959 по 1989 гг. В

1960-е гг. наблюдался рост концентрации мордвы в пределах своей республики, что может быть объяснено высоким естественным приростом мордвы и минимальным оттоком титульного этноса из Мордовской АССР. В целом ряде регионов Среднего Поволжья и Урала в этот период происходило уменьшение концентрации мордвы на фоне сокращения их численности, что уже может быть отражением ассимиляционных процессов. Но в некоторых регионах и городах Европейской России, достаточно удаленных от Мордовской АССР (г. Ленинград, г. Москва, Волгоградская область, Краснодарский край и Крым) на этом фоне наблюдался рост концентрации мордвы, что является результатом миграций в эти регионы.

В 1970-е гг. Мордовская АССР и прилегающие к ней регионы испытывали уменьшение коэффициента концентрации мордвы. При этом значительный рост концентрации мордвы характеризовал ограниченное количество регионов и городов: г. Ленинград, г. Москву и Московскую область, Рязанскую область, Куйбышевскую (Самарскую) область и Ханты-Мансийский автономный округ. Иногда рост данного показателя происходил при уменьшении численности мордвы в регионе, например, в Куйбышевской области. Но в городах Москве и Ленинграде, Рязанской области, а также в Ханты-Мансийском автономном округе численность мордвы заметно увеличилась, что свидетельствует о миграционном притоке в эти регионы представителей данного этноса.

В 1980-е гг. Мордовскую АССР характеризовало уже значительное сокращение коэффициента концентрации мордвы, но в других регионах России не произошло принципиальных изменений в направленности динамики показателя. Но нужно отметить, что к регионам с положительной динамикой коэффициента концентрации мордвы по сравнению с 1970-ми гг. добавились Ямало-Ненецкий автономный округ и Ростовская область, что вполне объяснимо рассмотренными выше миграционными процессами. Таким образом, в 1980-е гг. мордва, проживающая в Мордовской АССР и соседних регионах, исчерпала свой миграционный потенциал, и миграции из них вели к уменьшению концентрации в этих регионах мордовского этноса (рис. 27).

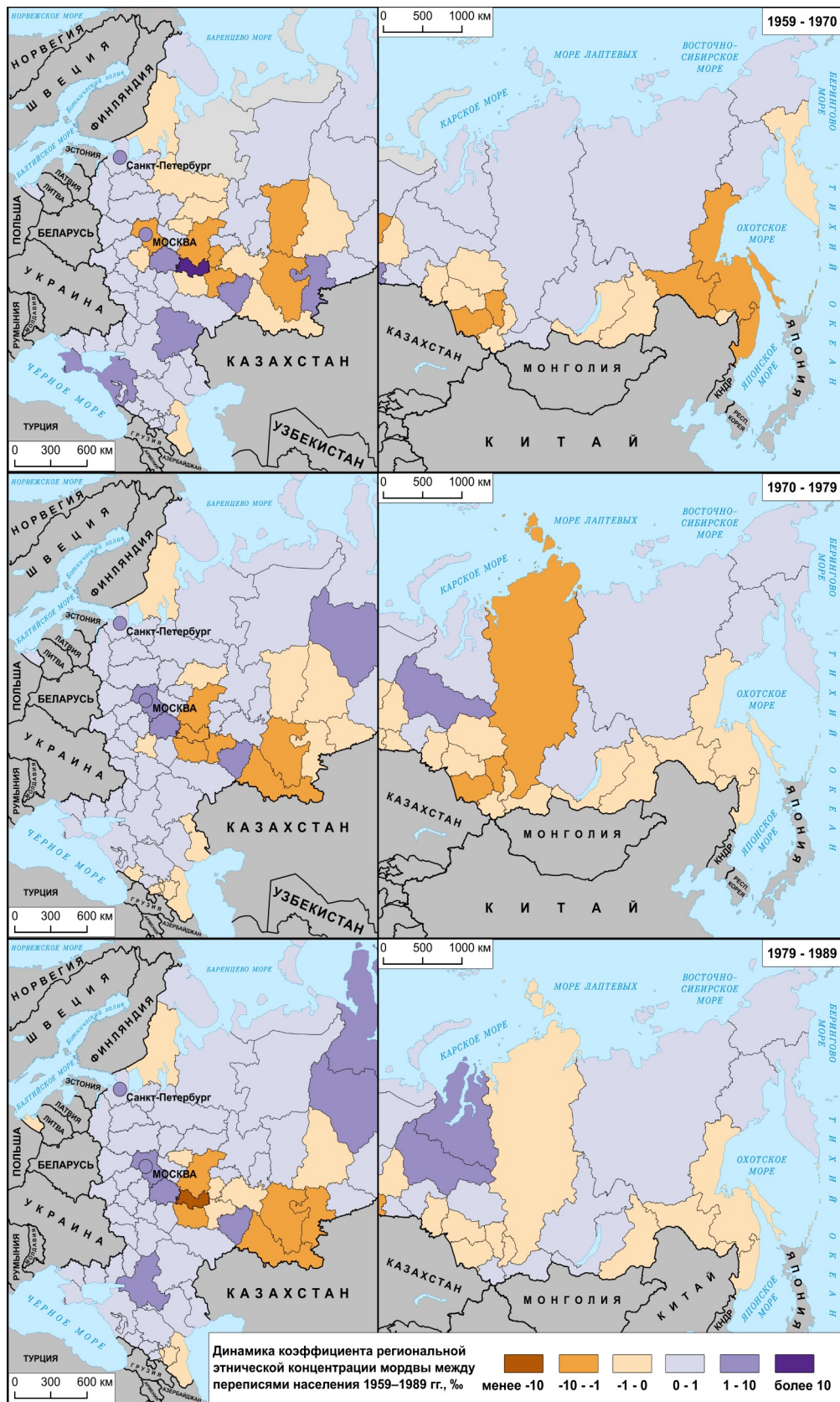

Рисунок 27 — Динамика коэффициента концентрации мордвы в межпереписные интервалы с 1959 по 1989 гг. в современных границах регионов России, % (составлено автором по [268; 273])

3.4 Сдвиги в расселении титульных финно-угорских народов по регионам России в межпереписные интервалы с 1989 по 2021 годы

К настоящему времени проведено большое количество исследований, посвященных этнодемографическим процессам среди тех представителей титульных финно-угорских народов, которые проживают за пределами своих республик. К рассмотренным выше публикациям финно-угроведов, где анализируется динамика численности диаспор финно-угорских народов в разных регионах страны, нужно добавить работы, рассматривающие особенности расселения и этнодемографической динамики финно-угорского населения на конкретных территориях.

Так, в статьях В.П. Кривоногова представлен анализ современных этнических процессов у тверских карел [89] и коми-ижемцев Кольского полуострова [88]. Этнодемографические и языковые процессы удмуртов в Башкортостане рассмотрены в работах Р. Садикова [145] и Ф.Г. Сафина с соавторами [150], в Татарстане — в статьях Т.А. Васиной [27] и Л.П. Мингазовой [123], в Кировской области — в публикации Н.В. Чернышевой [220]. Марийцам, проживающим в Удмуртии, посвящены работы Е.В. Поповой [135] и И.Л. Поздеева [134], в Башкортостане — К.О. Сиразетдинова [156], в Кировской области — М.В. Куцаевой [92], И.Ю. Трушковой и Е.И. Титовой [191], в г. Москве — М.В. Куцаевой [93].

Но наибольшей географией таких исследований отличается мордва. Отметим работы, посвященные представителям мордовского этноса, проживающим в Чувашии [66], Татарстане [51], Пензенской области [87], Оренбургской области [130], в Сибири [121; 122; 222] и на Дальнем Востоке [144]. Кроме того, в нескольких статьях рассматриваются особенности развития сразу нескольких финно-угорских народов на территории Башкортостана [5; 125; 149] и Татарстана [86].

Картографический анализ изменения коэффициента концентрации титульных народов финно-угорских республик России (в ее современных

границах) в межпереписные интервалы постсоветского периода начнем с обзора результатов последней на данный момент Всероссийской переписи населения 2021 г. Численность самого малочисленного из рассматриваемых финно-угорских народов в России — карелов — согласно официальным итогам переписи населения 2021 г. составляла 32,4 тыс., 79,9 % которых было сконцентрировано в Республике Карелия (25,9 тыс.), и только 8,5 % — в Тверской области (2,8 тыс.). Таким образом, к настоящему времени ареал расселения тверских карелов, который в течение длительного времени превосходил по численности карелов территорию Карелии, ныне оказался на грани исчезновения. В число регионов России с повышенной концентрацией карелов входят г. Санкт-Петербург (2,2 %), Ленинградская область (2 %), Мурманская область (1,9 %) и г. Москва (0,7 %) (рис. 28).

Рисунок 28 — Коефициент концентрации карелов в современных границах регионов России по итогам переписи населения 2021 г., %

(составлено автором по [273])

На протяжении всех трех постсоветских десятилетий происходил рост концентрации карелов в границах своей республики, что было связано с более ускоренным уменьшением численности и, соответственно, концентрации

представителей данного этноса за пределами Республики Карелия, в первую очередь, во втором ареале традиционного расселения карелов — на территории современной Тверской области (рис. 29). Кроме Тверской области, в 1990-е гг. значительное снижение концентрации карелов характеризовало Мурманскую, Архангельскую, Ленинградскую, Московскую, Ростовскую и Кемеровскую области а также города Санкт-Петербург и Москва. Очевидно, что причиной падения данного показателя во всех этих регионах, отличающихся относительно повышенной концентрацией карелов, были ассимиляционные процессы.

В первом десятилетии XXI в. продолжалось уменьшение концентрации карелов в Тверской и Архангельской областях, но увеличилось количество регионов с небольшим ростом концентрации представителей данного этноса. Но такая динамика показателя происходила на фоне сокращения численности карелов в этих регионах, поэтому в качестве причины данного явления никак нельзя считать миграции. Просто в этих регионах уменьшение численности карелов шло медленнее, чем по стране в целом, т. е. темпы ассимиляции в них были немного ниже общероссийского уровня.

В третьем постсоветском десятилетии ускорились темпы ассимиляции карелов в Мурманской и Ленинградской областях, а также в Республике Коми. С другой стороны, численность карелов несколько замедлила свое сокращение в г. Москве. Но очень показательной на этом фоне является сравнение динамики коэффициента концентрации карелов в Республике Карелия и Тверской области: в 1989 г. величина коэффициента концентрации в Карелии составляла 62,7 %, а в Калининской области — 18,4 %, к 2002 г. в Карелии данный показатель вырос до 69,9 %, а в Тверской области уменьшился до 15,6 %, в 2010 г. разрыв в величине показателя еще увеличился, и он составил 74,9 % и 12,1 % соответственно. Ну и в 2021 г., как отмечено выше, в Республике Карелия было сконцентрировано уже почти 80 % карелов России, а в Тверской области — лишь 8,5 %.

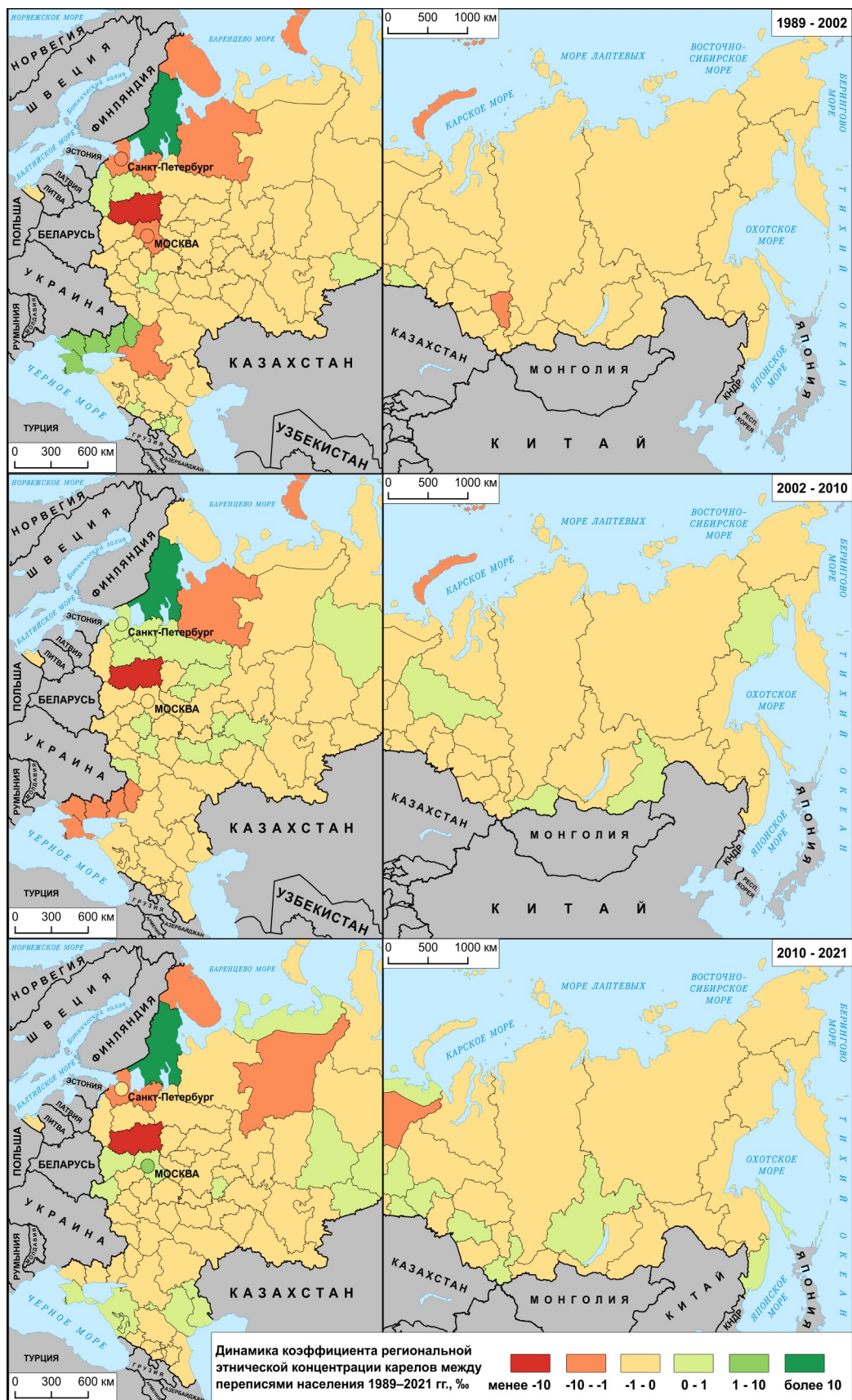

Рисунок 29 — Динамика коэффициента концентрации карелов в межпереписные интервалы с 1989 по 2021 гг. в современных границах регионов России, % (составлено автором по [273])

Численность коми по итогам переписи населения 2021 г. в Российской Федерации составляла 143,5 тыс., 88,6 % которых было сконцентрировано в Республике Коми, а также еще 5,2 % — в трех соседних автономных округах: Ямало-Ненецком (2,4 %), Ненецком (1,7 %) и Ханты-Мансийском (1,1 %). Такое распределение коми по регионам России мало изменилось даже по сравнению с досоветским периодом.

Рисунок 30 — Коэффициент концентрации коми в современных границах регионов России по итогам переписи населения 2021 г., %
(составлено автором по [273])

В 1990-е и 2000-е гг. происходил рост концентрации коми в своей республике и в пределах всего ареала традиционного расселения этноса, но снижалась концентрация коми в ряде смежных регионов: Архангельской и Свердловской областях в 1990-е гг., Пермском крае в 2000-е гг. (рис. 31), что может быть объяснено ассимиляционными процессами в этих регионах. В 2010-е гг. наблюдалось небольшое снижение концентрации коми в своей республике, которое, скорее всего, было вызвано высокой долей населения Республики Коми (а значит, и самих коми), оказавшегося в категории «без указанной национальности» (22,5 % в республике на фоне 10,3 % в России в целом).

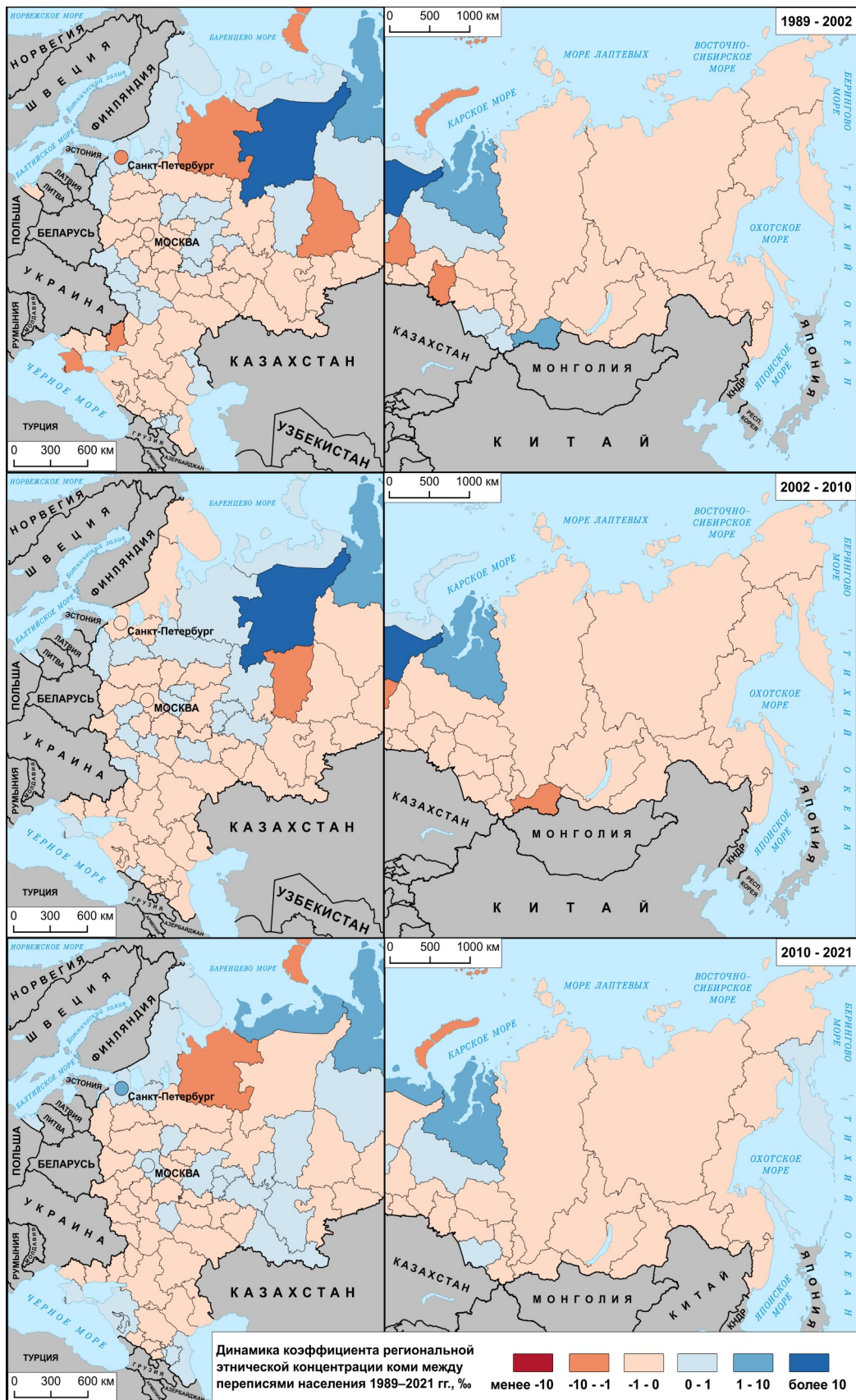

Рисунок 31 — Динамика коэффициента концентрации коми в межпереписные интервалы с 1989 по 2021 гг. в современных границах регионов России, % (составлено автором по [273])

Численность удмуртов (с бесермянами) в 2021 г. в России составляла 388,5 тыс., из них 77,7 % проживало в своей республике, а также 5,5 % — в Татарстане, 4,4 % — в Башкортостане, 3 % — в Пермском крае, 2 % — в Кировской области, 1,6 % — в Свердловской области. При этом пояса регионов с относительно повышенной концентрацией удмуртов тянулись в центр и на юг Европейской России, а также в Западную и Среднюю Сибирь (рис. 32).

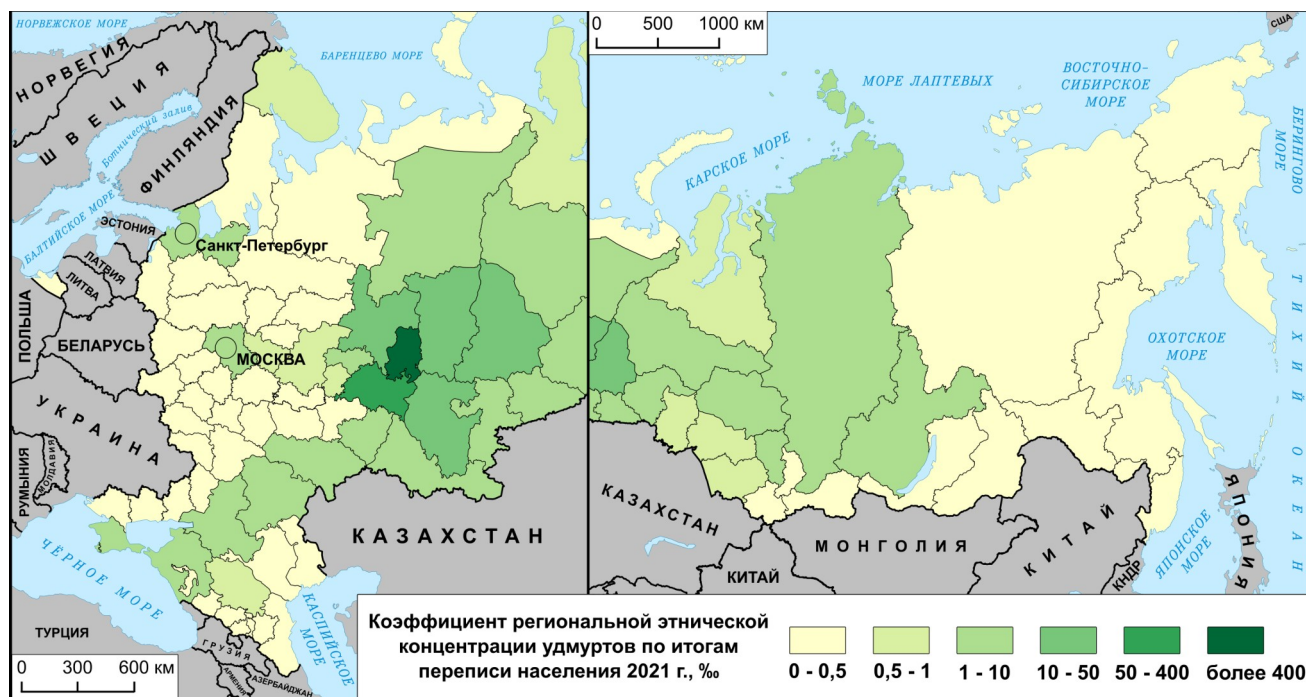

Рисунок 32 — Коэффициент концентрации удмуртов в современных границах регионов России по итогам переписи населения 2021 г., %
(составлено автором по [273])

Динамика коэффициента концентрации удмуртов в регионах России мало отличалась в течение трех постсоветских десятилетий. Весь этот период был рост показателя в трех республиках, где удмурты имеют наибольшую концентрацию в настоящее время — в Удмуртии, Татарстане и Башкортостане. В тех регионах России, которые пока что характеризуются относительно повышенной концентрацией представителей данного этноса, с каждым постсоветским десятилетием нарастало падение показателя концентрации удмуртов (рис. 33), что свидетельствовало об ускорении в них ассимиляционных процессов.

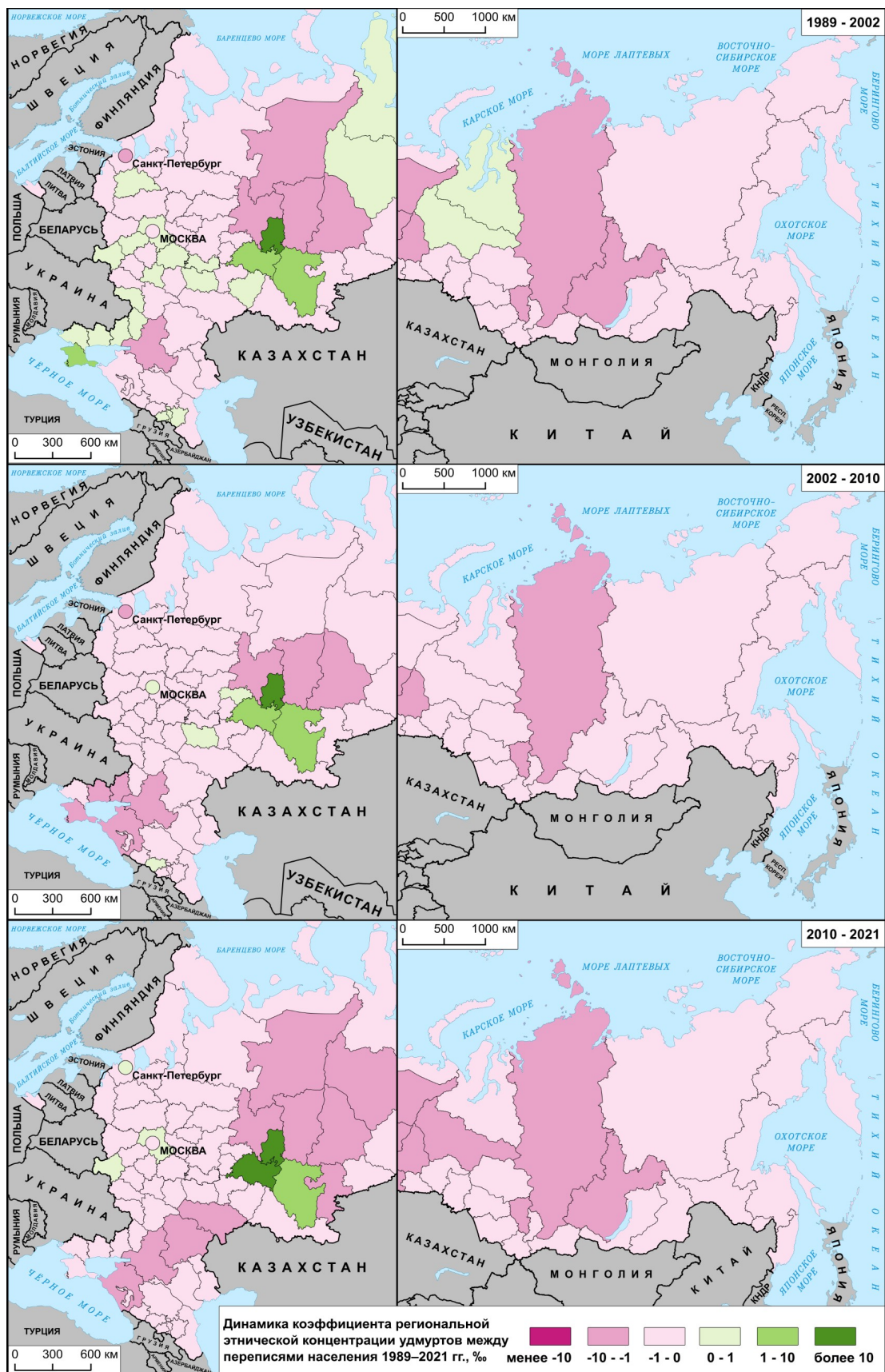

Рисунок 33 — Динамика коэффициента концентрации удмуртов в межпереписные интервалы с 1989 по 2021 гг. в современных границах регионов России, % (составлено автором по [273])

Численность марийцев в 2021 г. в России составляла 423,8 тыс., из них 58,2 % проживало в своей республике, 20 % — в Башкортостане, 4,4 % — в Кировской области, 3,7 % — в Татарстане, 3,3 % — в Свердловской области, 1,4 % — в Удмуртии, 1,2 % — в Ханты-Мансийском автономном округе. Расселение марийцев в 2021 г. стало очень близким к географии расселения удмуртов, с той лишь разницей, что в традиционном ареале удмуртов более заметную позицию занял Татарстан, а у марийцев — Башкортостан (рис. 34).

Рисунок 34 — Коэффициент концентрации марийцев в современных границах регионов России по итогам переписи населения 2021 г., %
(составлено автором по [273])

Также схожим с удмуртами стала динамика концентрации марийцев в регионах России с 1989 по 2021 гг. В течение всего этого периода наблюдался рост концентрации марийцев в трех республиках (Марий Эл, Башкортостан и Татарстан), к которым в XXI в. добавилась еще и Чувашия (рис. 35). В первые два постсоветских десятилетия аналогичный рост показателя испытывали также Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. Но в 2010-е гг. уменьшение показателя происходило уже во всех регионах с повышенной концентраций марийцев, за исключением четырех обозначенных республик.

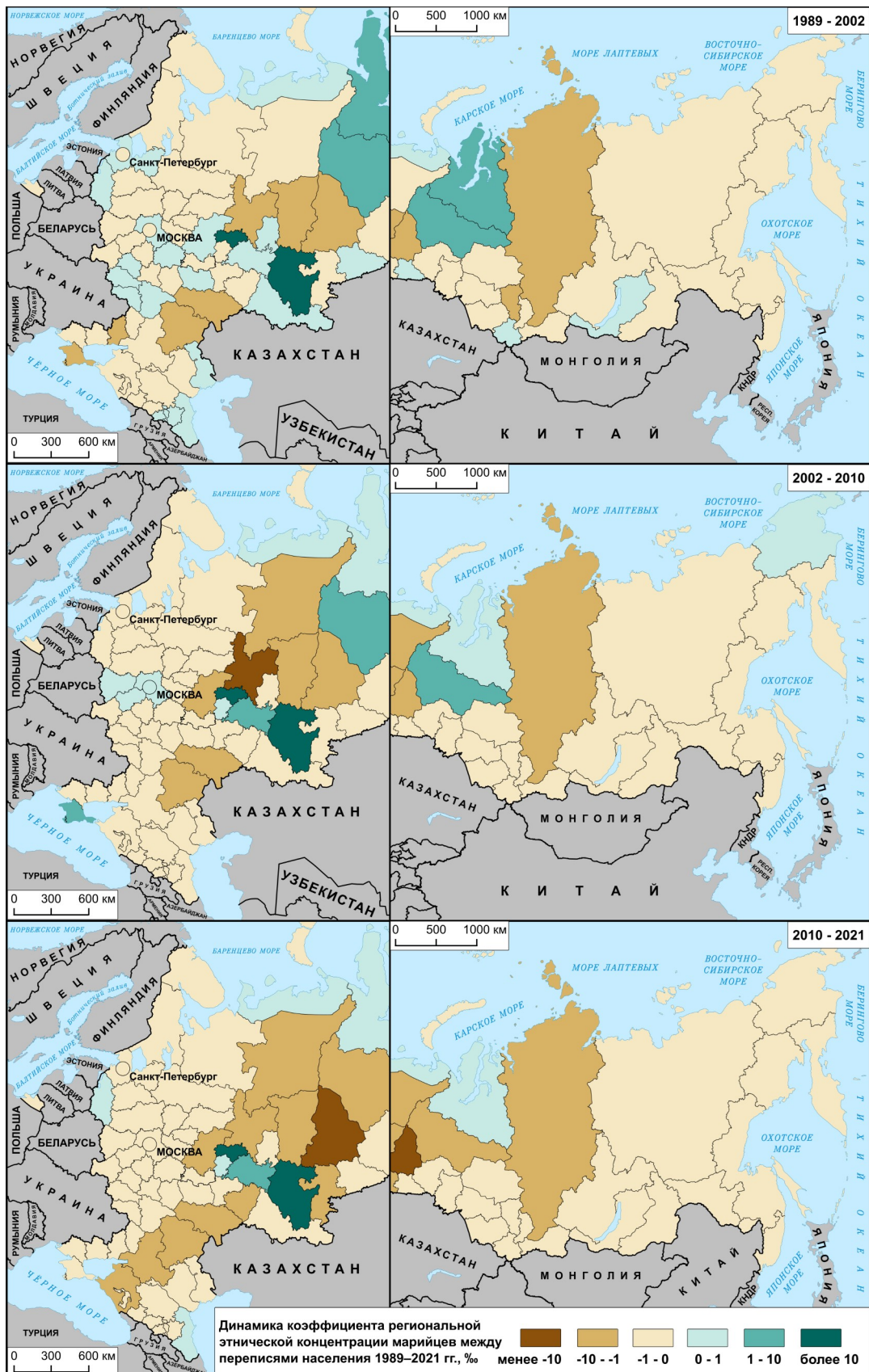

Рисунок 35 — Динамика коэффициента концентрации марийцев в межпереписные интервалы с 1989 по 2021 гг. в современных границах регионов России, % (составлено автором по [273])

Численность мордвы в 2021 г. в России составляла 484,5 тыс., из которых в Мордовии проживало 60 %, а также 6,1 % — в Самарской области, 5,9 % — в Пензенской области, 4,6 % — в Ульяновской области, 3,8 % — в Оренбургской области, 2,5 % — в Татарстане, 2,3 % — в Башкортостане, 2 % — в Московской области, 1,6 % — в Чувашии, 1,5 % — в Нижегородской области и 1,4 % — в г. Москве (рис. 36). Несмотря на сохранение достаточно широкого расселения мордвы, уже нельзя говорить об его всероссийском масштабе. В настоящее время география расселения мордвы стала очень близкой к таковой у удмуртов и марийцев.

Рисунок 36 — Коэффициент концентрации мордвы в современных границах регионов России по итогам переписи населения 2021 г., %
(составлено автором по [273])

С каждым постсоветским десятилетием происходило «сжеживание» ареала, где происходил рост концентрации мордвы (рис. 37). В 1990-е гг. к регионам с положительной динамикой показателя концентрации, кроме самой Мордовии, относились три республики (Чувашия, Татарстан и Башкортостан) и две области (Пензенская и Ульяновская).

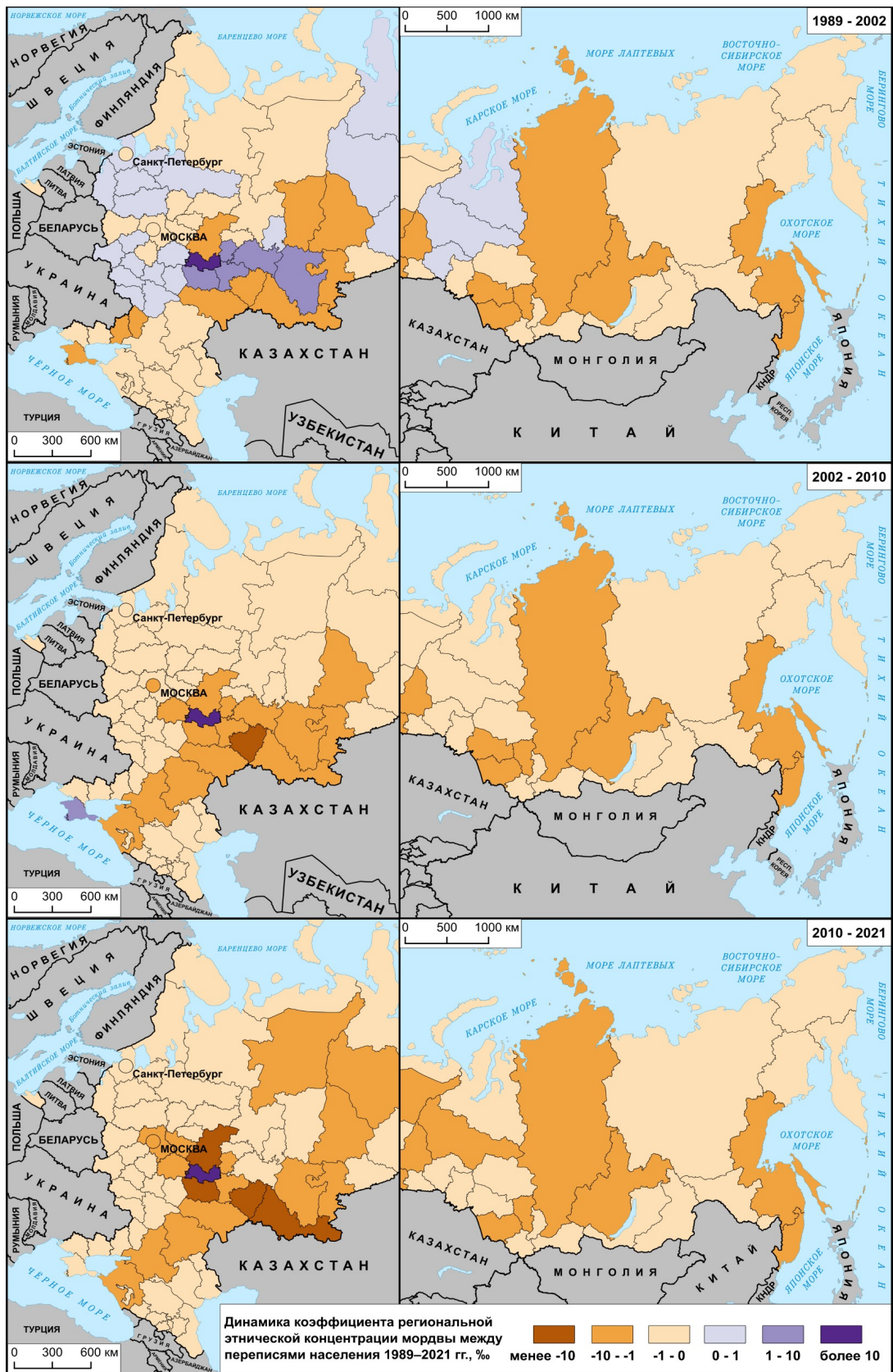

Рисунок 37 — Динамика коэффициента концентрации мордвы в межпереписные интервалы с 1989 по 2021 гг. в современных границах регионов России, % (составлено автором по [273])

Но уже во втором постсоветском десятилетии концентрация мордвы выросла значительно только в Мордовии (к которой добавился также Крым с небольшим ростом показателя). Безусловно, причиной такой динамики показателя стал «всплеск этнической идентичности», произошедший во время переписи 2010 г. в Республике Мордовии, который был описан в диссертации в разделе 2.1.1. Но и в третьем постсоветском десятилетии Мордовия оставалась единственным регионом России с ростом концентрации мордвы.

При этом с каждым постсоветским десятилетием росло количество регионов страны с отрицательной динамикой коэффициента концентрации мордвы. В итоге, в 2010-е гг. снижение показателя охватило все регионы России, которые пока еще характеризуются относительно повышенной концентрацией данного этноса. Причем на лидирующие позиции в этом плане вышли соседние с Мордовией Нижегородская и Пензенская области, а также традиционно входящие в основной ареал расселения мордвы Самарская и Оренбургская области. Таким образом, становится очевидной главная причина быстрого сокращения численности мордвы в последние десятилетия, и особенно в постсоветский период, — это ускоренная ассимиляция этноса фактически во всех регионах за пределами Мордовии.

Выводы по главе 3. В дореволюционный период карелы были сконцентрированы преимущественно в трех крупных регионах Российской империи — в Озерном районе, Центрально-промышленном районе (верхневолжские, или же тверские карелы) и в меньшей степени — в Северном районе. В имперский период истории России наблюдалось уменьшение концентрации карелов в Верхневолжье и рост — на территории будущей Карелии. Коми-зыряне были почти полностью сконцентрированы в Северном районе. Удмурты (вотяки) проживали в основном в Северном Приуралье, но нужно отметить быстрый рост их концентрации за счет миграций в Южном Приуралье. Марийцы (черемисы) в XVIII в. были распределены почти поровну между двумя регионами — Северным Приуральем и Средним Поволжьем. Но происходило снижение их

концентрации в Среднем Поволжье и рост — в Южном Приуралье. Мордва имела широкий ареал расселения, входящий в несколько крупных регионов страны, но примерно половина мордвы проживала с Средним Поволжье.

В раннесоветский период (до Великой Отечественной войны) началось миграционное «растекание» финно-угорских народов по территории страны. Основными регионами миграционного притяжения карелов стали соседние с Карелией и «Тверской Карелией» области и города страны, включая Ленинград и Москву. Заметно расширился ареал повышенной концентрации удмуртов и марийцев, хотя лидерами по концентрации последних по-прежнему оставались Марийская и Башкирская АССР, а также Кировская область. К концу 1930-х гг. за счет миграций в разные регионы СССР мордва стала самым широко расселенным финно-угорским народом страны. На этом фоне только концентрация коми-зырян в пределах традиционного ареала расселения уменьшилась незначительно.

В позднесоветский период (1959-1989 гг.) уже стало явным «растворение» верхневолжского ареала проживания карелов, на что повлияла его близость к Москве и Ленинграду. Только в 1980-е гг. обозначилось уменьшение концентрации коми в Коми АССР, что свидетельствовало о миграциях коми за пределы своей республики. Все три позднесоветских десятилетия характеризовались уменьшением концентрации удмуртов и марийцев в своих республиках и соседних с ними регионах и ростом концентрации большинства других регионов страны, что свидетельствовало о миграциях этих народов за пределы основного ареала их проживания. Но уже в 1980-е гг. уменьшилась концентрация марийцев в Башкирской АССР и Кировской области, что может быть результатом как миграционного оттока из них, так и ассимиляционных процессов. В Мордовской АССР в 1960-е гг. наблюдался рост концентрации мордвы, что объясняется их высоким естественным приростом. В целом ряде регионов страны в позднесоветский период началось уменьшение концентрации мордвы, что стало результатом ассимиляционных процессов в них.

В постсоветский период (точнее, между переписями населения 1989 и 2021 гг.) ареал расселения тверских карелов, который в течение длительного времени превосходил по численности карелов Карелию, оказался на грани исчезновения. Концентрация удмуртов росла в трех республиках — в Удмуртии, Татарстане и Башкортостане, но быстро снижалась в других регионах России, что свидетельствовало об ускорении в них ассимиляционных процессов. Схожим с удмуртами стала динамика концентрации марийцев в регионах страны, которая росла в трех республиках (Марий Эл, Башкортостан и Татарстан), к которым с начала XXI в. добавилась еще и Чувашия. К настоящему времени география расселения мордвы утратила всероссийский масштаб и стала очень близкой к таковой у удмуртов и марийцев. С каждым постсоветским десятилетием происходило сужение ареала расселения мордвы, связанное с ускоренной ассимиляцией этноса фактически во всех регионах за пределами Мордовии.

Глава 4. Оценка ассимиляционных процессов среди титульных финно-угорских народов России во второй половине XX в. — начале XXI в.

4.1 Критерии оценки интенсивности ассимиляционных процессов

4.1.1 Родной язык титульных финно-угорских народов: динамика с 1970 по 2021 годы

Одним из наиболее значимых показателей, характеризующих динамику этнической ассимиляции, является сокращение доли представителей народов, обозначающих язык своей национальности в качестве родного языка. Языковая ассимиляция не равнозначна этнической ассимиляции, но обычно предшествует последней. Опираясь на данные о родном языке финно-угорских народов, представленные в статье В.В. Фаузер [209, с. 12-13], а также на официальную статистику (по итогам переписей населения с 1970 по 2021 гг. в пределах территории России) численности представителей финно-угорских народов, обозначивших в качестве родного язык своей национальности, было составлено два графика, где визуально можно проследить динамику как численности, так и доли соответствующих представителей финно-угорских народов (рис. 38).

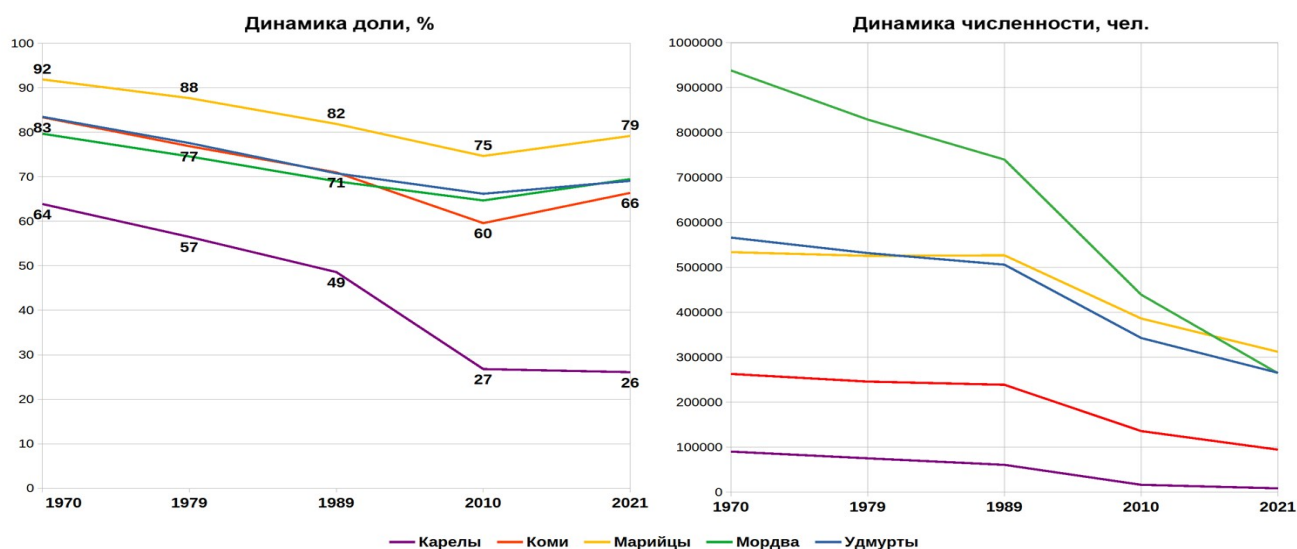

Рисунок 38 — Динамика доли и численности представителей титульных финно-угорских народов, называющих в качестве родного язык своей национальности по итогам переписей населения с 1970 по 2021 гг.

(составлено автором по [209, с. 12-13; 265; 266; 269])

Общим трендом динамики удельного веса представителей финно-угорских народов, называющих в качестве родного язык своей национальности, является снижение данного показателя с 1970 по 2010 гг., а затем небольшой рост (кроме карелов) к 2021 г. Наиболее высоким удельным весом данной части народа на протяжении всего периода отличались марийцы (79,2 % в 2021 г.), самым низким — карелы (26,1 % в 2021 г.). Остальные три титульных финно-угорских народа характеризовались схожими показателями (около 70 % в 2021 г.), но коми немного снизили данный показатель на фоне удмуртов и мордвы в постсоветский период.

При этом рост соответствующего показателя в период между переписями населения 2010 и 2021 гг. вовсе не свидетельствует об увеличении численности представителей народов, называющих родным язык своей национальности, что можно наблюдать на правом графике на рисунке 38. Наоборот, в этот межпереписной интервал, как и в течение всего постсоветского периода, происходило ускоренное сокращение численности данной группы представителей финно-угорских народов. А значит, рост удельного веса обозначенной части этносов связан со сменой этнической идентичности той части народов, которые уже ранее испытали языковую ассимиляцию. Соответственно, те, кто сохранил свою этническую самоидентификацию, были в чуть меньшей степени подвержены языковой ассимиляции, что и дало рост обозначенного показателя.

Наиболее склонны к языковой ассимиляции представители народов, проживающие в городских поселениях, в которых даже в пределах финно-угорских республик преобладает русский язык в качестве основного языка общения. Такая ситуация характеризует все титульные финно-угорские народы, причем как в целом в России, так и в своих республиках, что подтверждают диаграммы на рисунке 39. Разрыв между данным показателем в городских поселениях и сельской местности в позднесоветский период составлял от 20 до 30 %, а в постсоветское время в целом немного сократился, но вот у коми он заметно вырос, особенно в пределах своей республики.

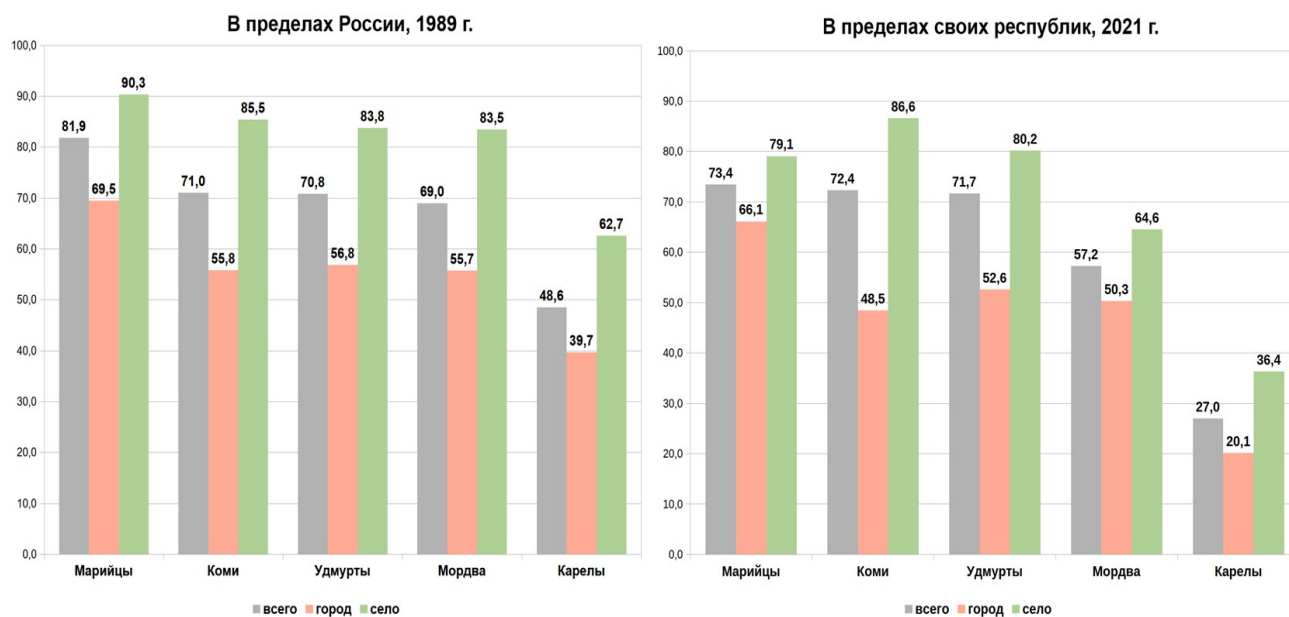

Рисунок 39 — Удельный вес представителей титульных финно-угорских народов, называющих в качестве родного язык своей национальности, с разбивкой на городское и сельское население, в пределах России на 1989 г. и своей республики на 2021 г. (составлено автором по [268; 269])

В 2021 г. меньше всего разрыв между данными показателями в городских поселениях и сельской местности наблюдался среди марийцев и мордвы. Но у последних снижение этого разрыва произошло в последнее время, и связано с их возрастающей концентрацией в Мордовии, вызванной ускоренной языковой и этнической ассимиляцией в первую очередь за пределами республики, что роднит мордву в этом плане с карелами. У удмуртов данный разрыв вырос в последние десятилетия, хотя и не так сильно, как у коми.

Также существует разрыв по удельному весу представителей титульных финно-угорских народов, называющих родным язык своей национальности, которые проживают в пределах своих республик и за их пределами (рис. 40). Хотя данный разрыв выражен не так ярко, как для жителей городских поселений и сельской местности, но у некоторых народов он достаточно значителен.

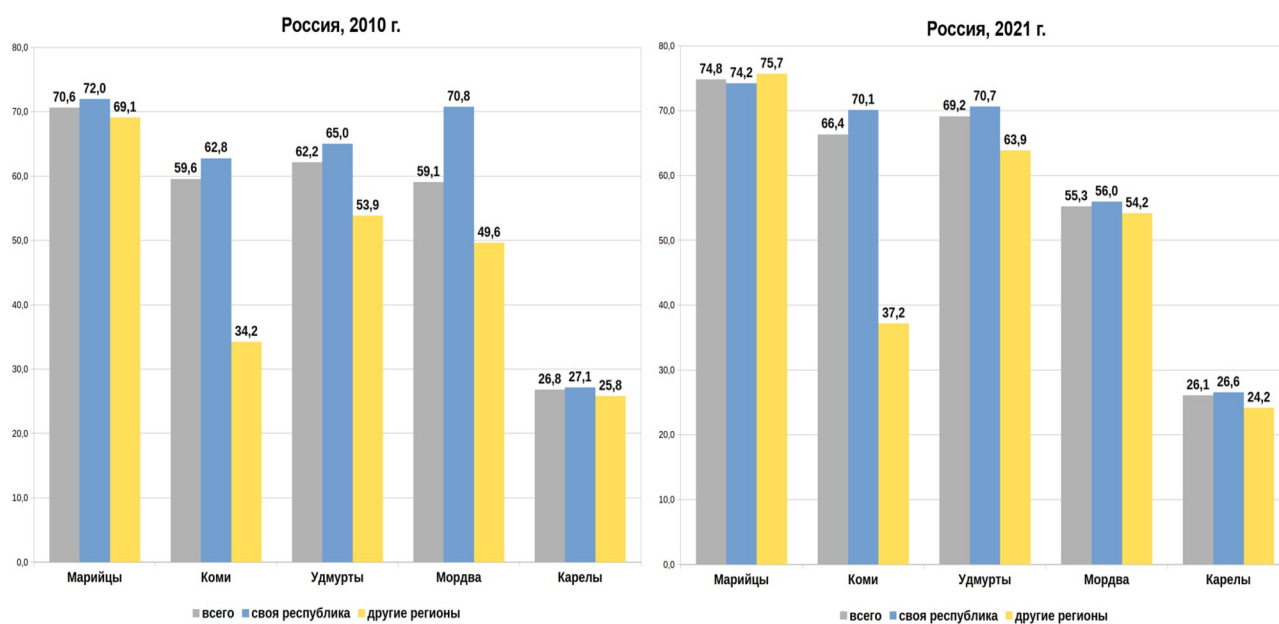

Рисунок 40 — Удельный вес представителей титульных финно-угорских народов, называющих в качестве родного язык своей национальности, с разбивкой на проживающих в своих республиках и других регионах России по итогам переписей населения 2010 и 2021 гг. (составлено автором по [268; 269])

Так, в 2010 г. наибольшим был разрыв по данному показателю между представителями коми и мордвы, проживающими в пределах своих республик и в других регионах России (у коми — 28,5 %, мордвы — 21,1 %). У остальных финно-угорских народов этот разрыв был небольшим. К 2021 г. данный разрыв у коми вырос до 33 %, а у мордвы сократился до 2 %. А вот у марийцев в других регионах страны этот показатель стал даже выше, чем в их республике. Эти сдвиги связаны как с общим сокращением численности титульных финно-угорских народов в России (т.е. с ускорением этнической ассимиляции), так и с изменением соотношения городского и сельского населения среди народов в своих республиках и за их пределами, произошедшими за данный межпереписной интервал. К тому же нужно вспомнить специфику переписи населения 2010 г. в Республике Мордовии, описанную в разделе 2.1.1, в ходе которой заметно подтянулась не только численность мордвы в своей республике, но и доля тех, кто назвал родным мордовский язык.

4.1.2 Связь между изменением межэтнической брачности и концентрацией титульных финно-угорских народов в регионах России в начале XXI века

Одним из важнейших количественных характеристик, позволяющих оценить уровень ассимиляционных процессов, является межэтническая брачность [131]. Как было отмечено выше, в диссертационном исследовании для этого используется коэффициент Сороко, характеризующий склонность к межэтнической брачности в зависимости от различных этнических комбинаций мужчин и женщин [159; 161; 254]. Коэффициент, предложенный Е.Л. Сороко, «равен единице в случае отсутствия каких-либо предпочтений при заключении межэтнических браков. Величина показателя более единицы означает, что в создании этнически смешанных семей существуют значительные барьеры. Если же показатель меньше единицы, то это свидетельствует о наличии этнической близости между супругами, создающими этнически смешанные семьи» [161, с. 112-114].

Опираясь на расчеты коэффициента Сороко в основных парах народов по всем регионам России на основе микроданных переписей населения 2002 и 2010 гг. можно прийти к следующим первичным выводам. Во-первых, в парах, образуемых русскими и титульными финно-угорскими народами, величина коэффициента Сороко по итогам переписей 2002 и 2010 гг. заметно меньше единицы (табл. 1), что свидетельствует о достаточно высоком ассимиляционном потенциале данных народов со стороны русского населения. При этом наибольшей склонностью к ассимиляции на уровне России характеризуется мордва с самым низким коэффициентом Сороко в рассматриваемой пятёрке финно-угорских народов, что в полной мере объясняет значительное сокращение численности мордвы в стране как в советский, так и в постсоветский периоды. Остальные финно-угорские народы имеют примерно одинаковую склонность к ассимиляции, при этом величина коэффициента Сороко в первом десятилетии XXI в. имела тенденцию к уменьшению, которая едва ли изменилась в последующем десятилетии.

Таблица 1 — Изменение величины коэффициента Сороко в парах русских с титульными финно-угорскими народами с в Российской Федерации и своей республике с 2002 по 2010 гг. (составлено автором)

пары народов	Российская Федерация			Своя республика		
	2002 г.	2010 г.	Динамика 2002-2010 гг.	2002 г.	2010 г.	Динамика 2002-2010 гг.
русские — коми	0,744	0,736	-0,008	0,822	0,800	-0,022
русские — карелы	0,756	0,725	-0,031	0,882	0,820	-0,062
русские — марийцы	0,784	0,711	-0,074	0,974	0,860	-0,114
русские — удмурты	0,777	0,741	-0,036	0,942	0,935	-0,007
русские — мордва	0,656	0,581	-0,075	0,906	0,955	+0,049

Во-вторых, коэффициент Сороко в финно-угорских республиках достаточно сильно отличается от общероссийского уровня, и имеет там более высокие значения, что свидетельствует о более низком уровне ассимиляции титульных финно-угорских народов на территории своих республик. При этом лидерство по величине коэффициента Сороко в пределах своих республик в 2010 г. перешло к мордве, которая стала единственным из финно-угорских народом, увеличивших этот показатель между переписями 2002 и 2010 гг. В связи с этим можно вспомнить «мордовский феномен» по итогам переписи 2010 г., когда произошел значительный рост численности представителей данного народа в своей республике. В настоящее время в пределах своих республик несколько большим ассимиляционным потенциалом характеризуются коми и карелы, и заметно меньшим — марийцы, удмурты и мордва.

Следует отметить, что коэффициент Сороко в парах русских с финно-угорскими народами принимался во внимание только в тех регионах России, где в 2002 и 2010 гг. рассматриваемые финно-угорские народы имели достаточно большое представительство. К примеру, результаты расчета коэффициента в паре «русские — карелы» представлены только по нескольким регионам: Республике Карелия, Тверской области, Мурманской и Ленинградской областях и г. Санкт-Петербургу (рис. 41).

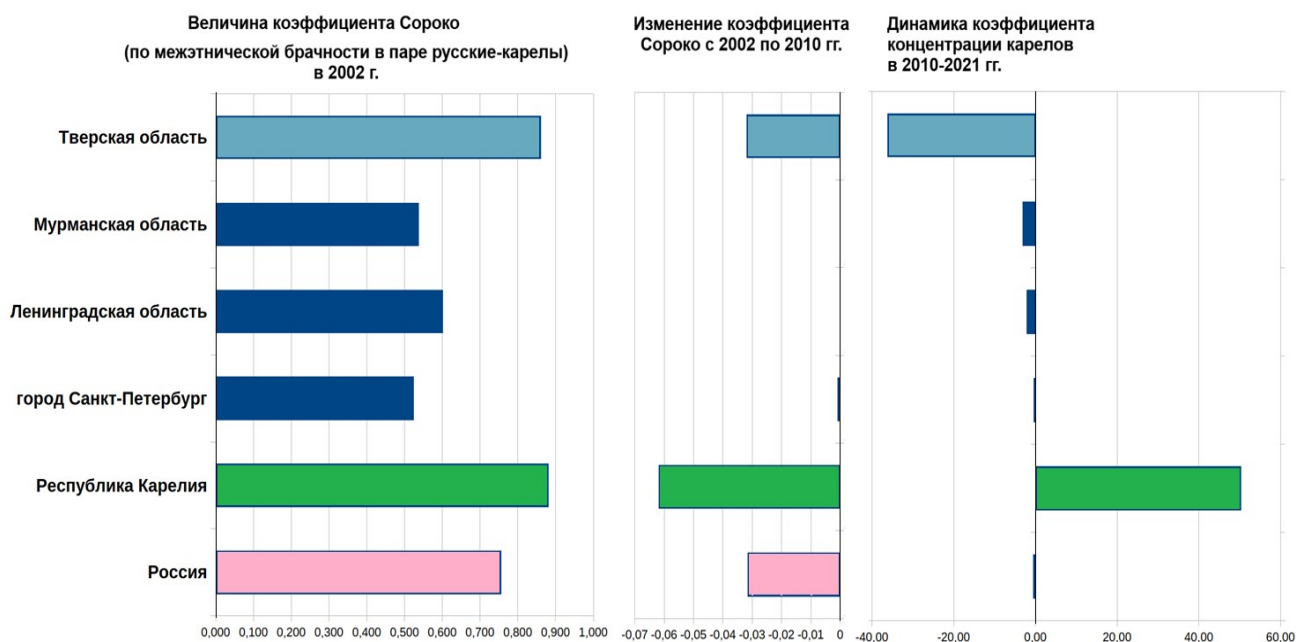

Рисунок 41 — Величина коэффициента Сороко в паре «русские — карелы» в 2002 г., изменение коэффициента Сороко с 2002 по 2010 гг. и динамика коэффициента концентрации карелов между 2010 и 2021 гг. в ряде регионов России (составлено автором по [273])

В 2002 г. величина коэффициента Сороко в паре «русские — карелы» была примерно равной в Тверской области и Республике Карелии. В то же время в трех других обозначенных регионах показатель был намного ниже, что свидетельствует о сохранении в них высокого ассимиляционного потенциала карелов. В период между 2002 и 2010 гг. наибольшее сокращение коэффициента Сороко произошло в Карелии, и он стал даже ниже, чем в Тверской области. Тем не менее, коэффициент Сороко остается относительно более высоким и в Карелии, и в Тверской области, т. е. в регионах основной концентрации карелов. Но, судя по всему, даже меньшая склонность к межэтнической брачности карелов в Тверской области по сравнению с Карелией уже не позволяет остановить интенсивный процесс этнической ассимиляции, о чем свидетельствует уменьшение концентрации карелов в Тверской области в период с 2010 по 2021 гг., в то время как в пределах Республики Карелии наблюдался рост концентрации карелов.

В период между 2002 и 2010 гг. интересные изменения произошли в величине коэффициента Сороко в паре «русские — коми» в регионах основной концентрации данного народа (рис. 42).

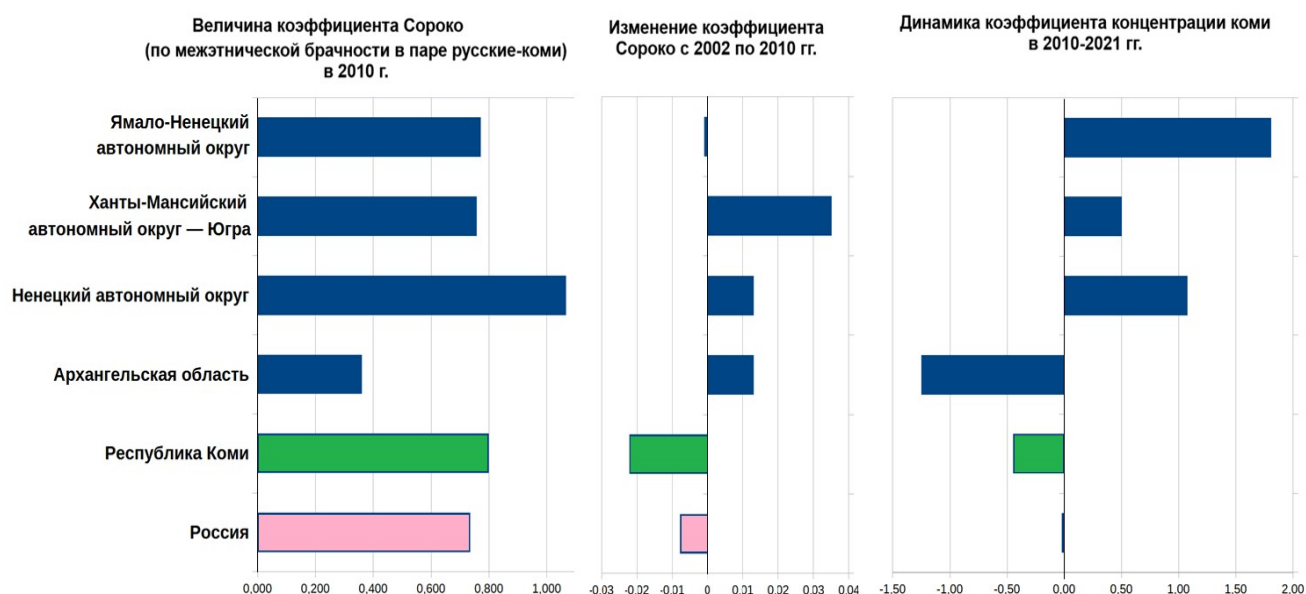

Рисунок 42 — Величина коэффициента Сороко в паре «русские — коми» в 2010 г., изменение коэффициента Сороко с 2002 по 2010 гг. и динамика коэффициента концентрации коми между 2010 и 2021 гг. в ряде регионов России (составлено автором по [273])

Сначала нужно отметить большую величину коэффициента Сороко не только в Республике Коми, но и в трех соседних автономных округах (Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском — Югре, и особенно Ненецком), где повышена концентрация коми, и к тому же данный показатель даже вырос в этих округах в интервале между 2002 и 2010 гг. (на фоне его снижения в Республике Коми). Также в данных автономных округах выросла и концентрация коми в период между 2010 и 2021 гг., опять же на фоне снижения концентрации народа в Республике Коми и в соседней Архангельской области.

Наибольшая величина коэффициента Сороко в паре «русские — удмурты» в 2010 г. характеризовала Удмуртскую республику и Республику Коми (рис. 43). Коэффициент Сороко в данной паре народов между 2002 и 2010 гг. в подавляющем большинстве регионов России имел отрицательную динамику, и в

них же произошло снижение концентрации удмуртов в период между 2010 и 2021 гг. При этом рост концентрации удмуртов в этот период наблюдался только в трех республиках: Удмуртской, Татарстане и Башкортостане.

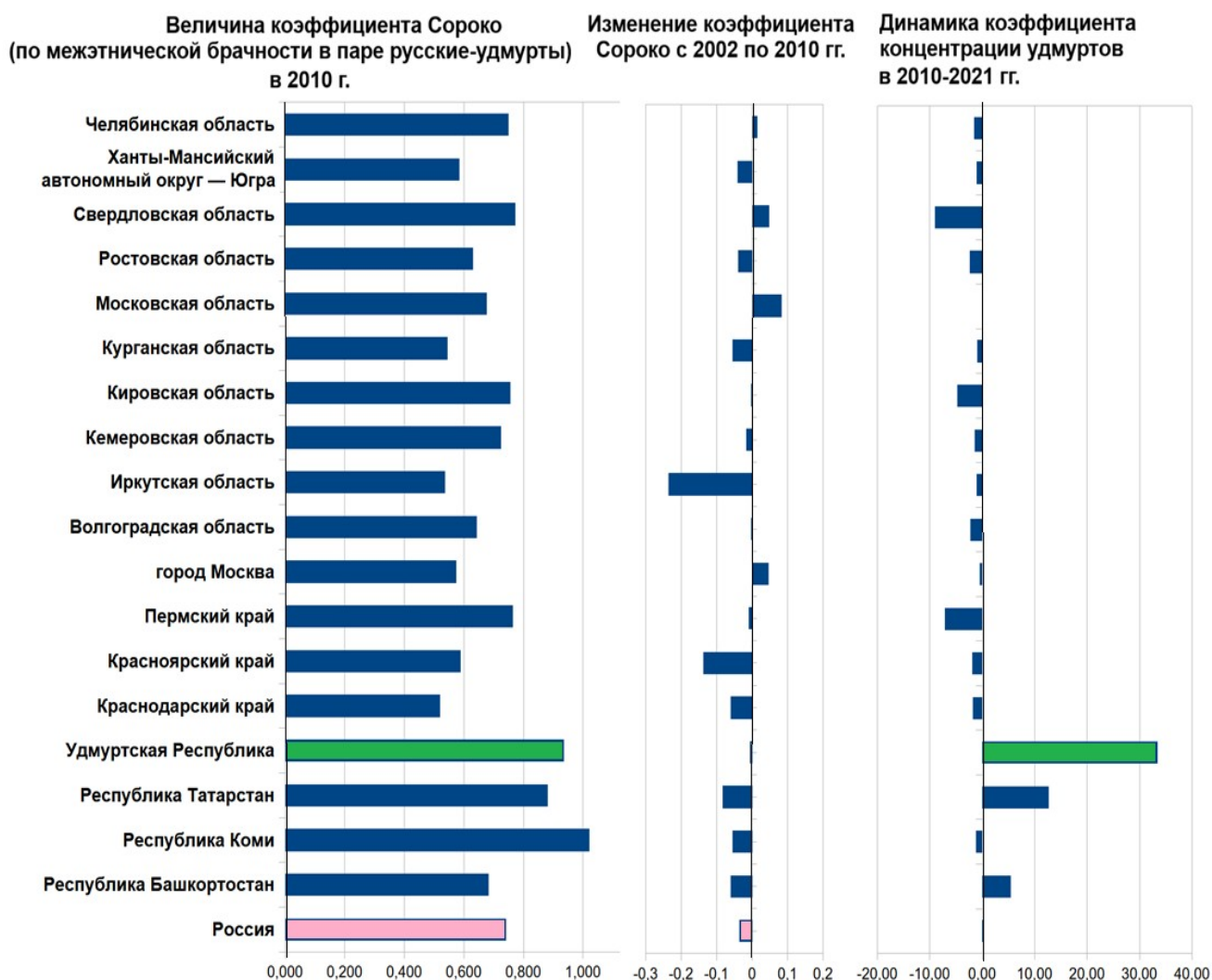

Рисунок 43 — Величина коэффициента Сороко в паре «русские — удмурты» в 2010 г., изменение коэффициента Сороко с 2002 по 2010 гг. и динамика коэффициента концентрации удмуртов между 2010 и 2021 гг. в ряде регионов России (составлено автором по [273])

Коэффициент Сороко в паре «русские — марийцы» является высоким не только в Республике Марий Эл, и даже выше в близлежащих республиках — Чувашской, Удмуртской и Татарстане (рис. 44), что свидетельствует о низкой склонности проживающих там марийцев к ассимиляции. Но в период между

2002 и 2010 гг. почти во всех регионах России наблюдалось уменьшение коэффициента Сороко в этой паре народов. На этом фоне происходил рост концентрации марийцев в своей республике, а также в Башкортостане.

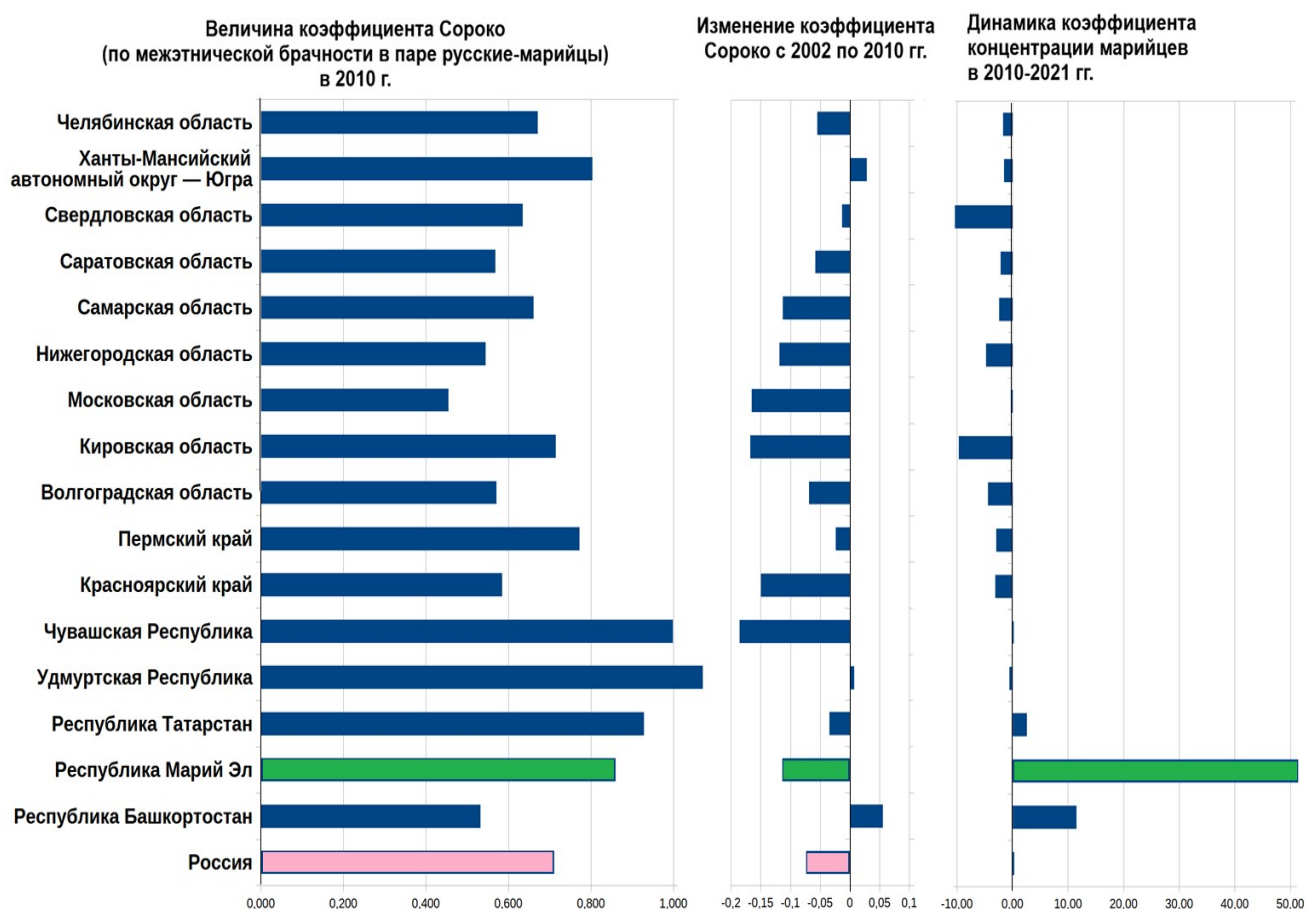

Рисунок 44 — Величина коэффициента Сороко в паре «русские — марийцы» в 2010 г., изменение коэффициента Сороко с 2002 по 2010 гг. и динамика коэффициента концентрации марийцев между 2010 и 2021 гг. в ряде регионов России (составлено автором по [273])

Наибольшая величина коэффициента Сороко в паре «русские — марийцы» характеризует, кроме Республики Мордовии, Ульяновскую и Пензенскую области (рис. 45). Хотя в большинстве регионов России между 2002 и 2010 гг. произошло уменьшение коэффициента Сороко в данной паре народов, показатель немного вырос в Республике Мордовии. Также Мордовия характеризовалась ростом концентрации мордовского этноса в период между переписями населения 2010 и 2021 гг.

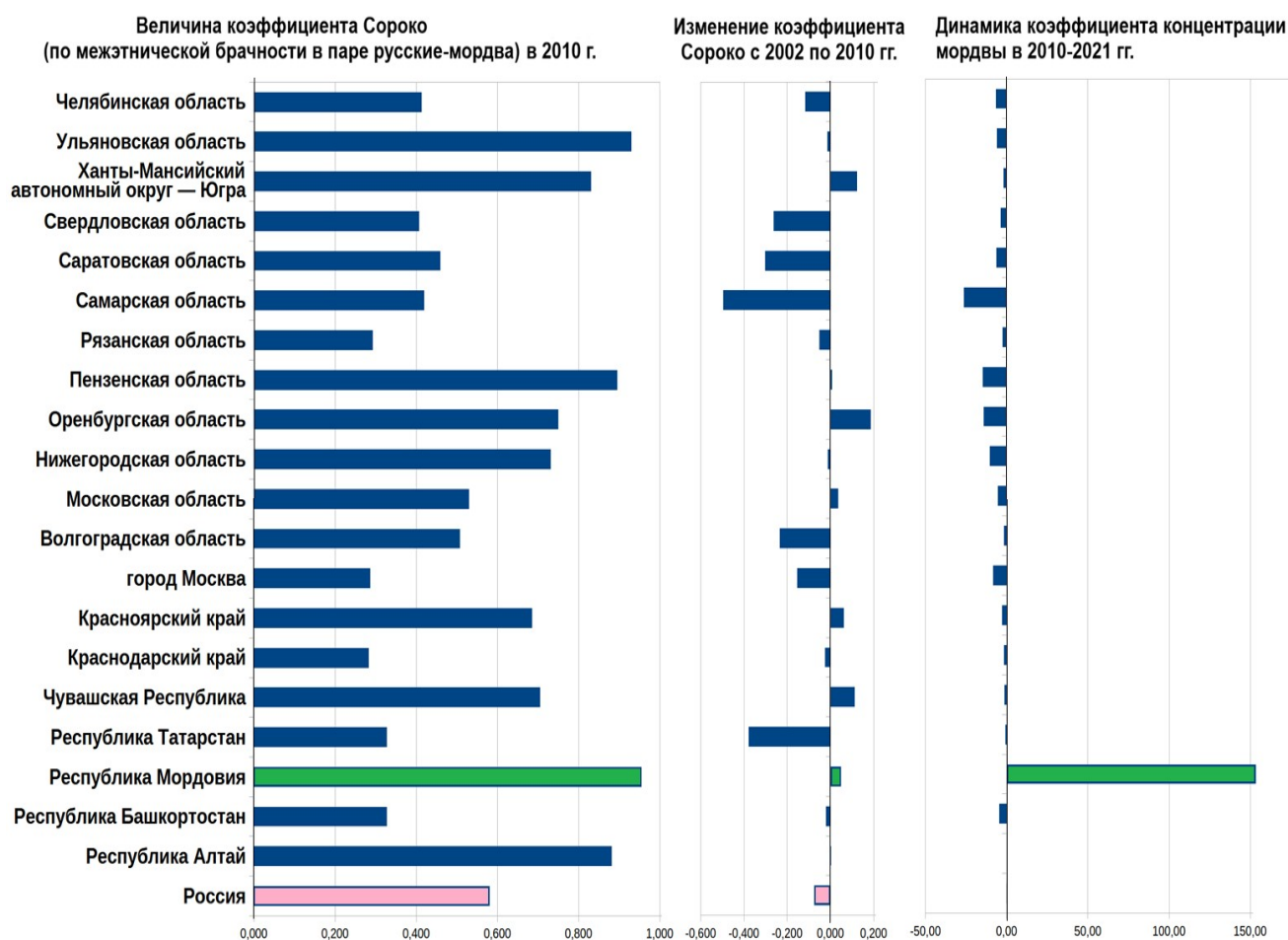

Рисунок 45 — Величина коэффициента Сороко в паре «русские — мордва» в 2010 г., изменение коэффициента Сороко с 2002 по 2010 гг. и динамика коэффициента концентрации мордвы между 2010 и 2021 гг. в ряде регионов России (составлено автором по [273])

Кроме выявления связи между величиной коэффициента Сороко в парах между русскими и финно-угорскими народами, с одной стороны, и динамикой коэффициента концентрации народов в разных регионах России, с другой стороны, изучалась также зависимость величины коэффициента Сороко от соотношения городских и сельских представителей финно-угорских народов в регионах страны (табл. 2). Было выявлено, что более высокий коэффициент Сороко (а значит, большую устойчивость к ассимиляции) характеризует проживающих в сельской местности карелов и коми, что объясняется высокой долей представителей этих народов, проживающих именно в сельской местности Республики Карелии и Тверской области (карелов), а также Республики Коми и

трех соседних автономных округов (коми). У других титульных финно-угорских народов такая зависимость не прослеживается.

Таблица 2 — Величина коэффициента корреляции между количественными характеристиками по регионам России (КС-2002 — коэффициент Сороко в паре с русскими в 2002 г., КС-2010 — коэффициент Сороко в паре с русскими в 2010 г., КЭК-2021 — коэффициент этнической концентрации в 2021 г., динамика КЭК 2010-2021 — изменение коэффициента этнической концентрации с 2010 по 2021 гг.) (составлено автором по [273])

Народы	Величина коэффициента корреляции			
	КС-2002 — доля сельского населения	КС-2010 — доля сельского населения	КС-2010 — КЭК-2021	КС-2010 — динамика КЭК 2010-2021
Карелы	0,918		0,695	0,195
Коми	0,757	0,747	0,122	0,690
Удмурты	0,175	0,085	0,447	0,423
Марийцы	-0,228	-0,173	0,155	0,231
Мордва	0,116	0,207	0,400	0,553

Также корреляционный анализ свидетельствует о наличии большей устойчивости титульных финно-угорских народов к ассимиляции (более высоким значениям коэффициента Сороко) в основных регионах их концентрации, в первую очередь, в своих республиках. Из данной закономерности выпадают коми и марийцы, первые — по причине даже большей устойчивости к ассимиляции в трех соседних автономных округах (Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском — Югре), вторые — опять же по причине высокой устойчивости к ассимиляции представителей этноса, проживающих в близлежащих республиках (Чувашской, Удмуртской и Татарстане).

4.1.3 Возрастно-половые пирамиды титульных финно-угорских народов в своих республиках и за их пределами в 2021 году

Возрастно-половая структура рассматриваемых народов также может рассматриваться с позиции оценки хода ассимиляционных процессов. Как пишет А.Ю. Орлов [131], на возрастную-половую пирамиду данных народов нужно смотреть, исходя из «предположения о том, что при ассимиляции посредством межэтнической брачности более молодых представителей этноса должно быть непропорционально меньше, чем старших» [131, с. 132]. При этом очевидным является то, что все финно-угорские народы России характеризуются непропорционально низкой, даже с учетом суженного воспроизводства населения, долей молодежи и высокой долей пожилых людей, что как раз свидетельствует о наличии ассимиляционных процессов.

Причем различия в представительстве различных возрастных групп в возрастно-половой структуре финно-угорских народов легко прослеживаются по современным возрастным-половым пирамидам народов, а точнее, составленным по итогам переписи населения 2021 г. Вместе с тем, проверялась гипотеза о влиянии на ход этнической ассимиляции территорий проживания представителей народов, для чего были составлены возрастная-половые пирамиды отдельно для представителей титульных финно-угорских народов, проживающих в своих республиках и за их пределами, т.е. в других регионах России (рис. 46). Даже опираясь на визуальное сравнение данных возрастных-половых пирамид, можно сделать целый ряд важных выводов.

Во-первых, у всех титульных финно-угорских народов, кроме мордвы, четко прослеживается кризис рождаемости, пришедшийся на вторую половину 1990-х гг., о чем свидетельствует значительное «проседание» возрастной группы 20-24 года. При этом у мордвы уже не наблюдается расширения пирамиды в более ранних возрастах, как у других финно-угорских народов, что говорит о более интенсивном ассимиляционном «съедании» поколений, родившихся в начале XXI в.

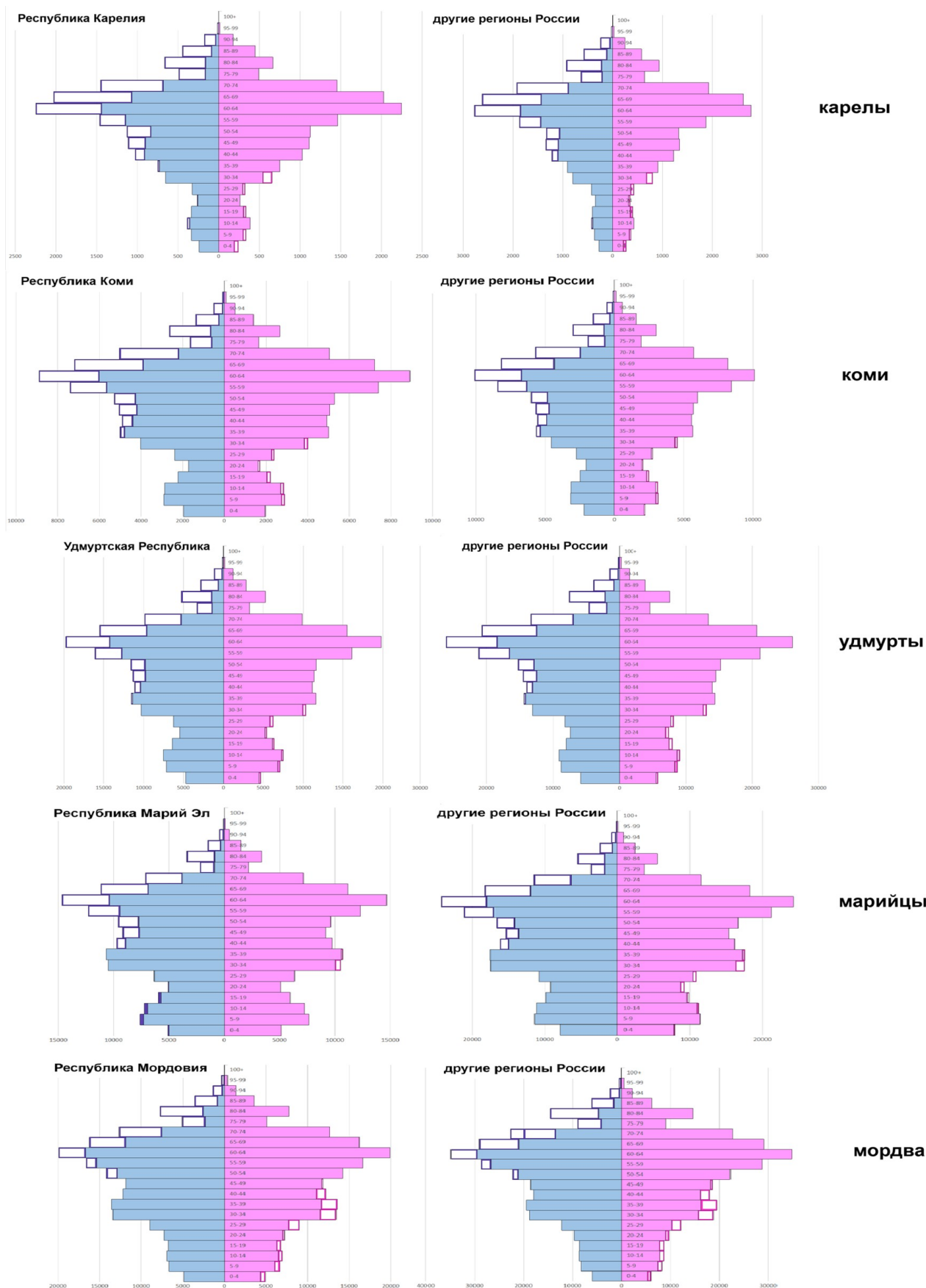

Рисунок 46 — Возрастно-половые пирамиды титульных финно-угорских народов в своих республиках и за их пределами в 2021 г. (составлено автором по [269])

Во-вторых, более заметное сужение в молодых возрастах возрастнополовых пирамид представителей титульных финно-угорских народов, проживающих за пределами своих республик, прослеживается у карелов, коми и мордвы, но не у удмуртов и марийцев, что свидетельствует о более значительной устойчивости к ассимиляции представителей двух последних народов, живущих в других регионах страны.

В-третьих, по возрастнополовым пирамидам можно определить лидеров по этнической ассимиляции среди титульных финно-угорских народов. К таковым, без сомнения, относятся карелы, которым несколько уступают в этом плане мордва и коми. В меньшей степени ассимиляционными процессами охвачены удмурты и марийцы, причем наиболее устойчивыми к ассимиляции среди титульных финно-угорских народов, судя по возрастнополовым пирамидам, в данный момент нужно признать марийцев.

Данные выводы не строго совпадают с результатами анализа других признаков этнической ассимиляции, рассмотренных выше, т.е. языковой ассимиляции и межэтнической брачности. Но это можно объяснить тем, что данные признаки этнической ассимиляции позволяют лишь косвенно оценить предрасположенность народов к ассимиляции, реальный же результат ассимиляционных процессов отражается в сокращении численности этносов, точнее, в той части уменьшении численности, которая не вызвана естественным движением и миграциями данных народов.

С этой точки зрения можно сделать предположение о том, что в постсоветский период наиболее интенсивные ассимиляционные процессы среди титульных финно-угорских народов происходили у карелов, второе место в этом плане можно отдать мордве. Среднюю позицию по интенсивности ассимиляции среди рассматриваемых народов занимали коми. Наиболее устойчивыми к ассимиляции можно считать марийцев, которым несколько уступали в этом отношении удмурты, что в общем-то соответствует динамике численности титульных финно-угорских народов в постсоветский период (см. рис. 2, 3).

4.2 Количественная оценка ассимиляционных процессов среди титульных финно-угорских народов в советский и постсоветский периоды

4.2.1 Суммарный коэффициент рождаемости титульных финно-угорских народов во второй половине XX в. — начале XXI в.

При осуществлении количественной оценки ассимиляции удмуртов в период между переписями населения 1959 и 1989 гг. С.Н. Уваров [196] опирался на такие показатели, как рождаемость, смертность и естественный прирост удмуртов за каждый год в данный временной интервал, для чего автором использовались данные Центрального государственного архива Удмуртской Республики. Что касается демографической динамики удмуртов за пределами своей республики, то принималось допущение, что естественный прирост там совпадал с соответствующим показателем внутри республики [196, с. 150]. Также в расчет принималась статистика по сальдо миграции удмуртов в республике, при этом внешние миграции удмуртов не учитывались из-за своей незначительности [196, с. 151].

С.Н. Уваров [196] подчеркивает уникальность разработанной им методики количественного измерения ассимиляции удмуртов, точнее, результатов ее использования, т.к. используемый им массив первичной статистики действительно можно считать уникальным. Причем, как отмечает сам автор, методика применима только для временного интервала с 1959 по 1989 гг. по причине специфики сбора текущей этнической статистики в этот период. Перед этим С.Н. Уваров апробировал свою методику для количественной оценки ассимиляции удмуртов между переписями населения 1979 и 1989 гг. [202].

При этом, в других своих работах, посвященных оценке ассимиляционных процессов среди удмуртов в постсоветский период, как в 1990-е гг. [194], так и в 2010-е гг. [200], С.Н. Уваров не дает количественного измерения ассимиляции удмуртов, ограничиваясь лишь анализом косвенных характеристик этнической ассимиляции — родного языка удмуртов и межэтнической брачности. Но, на основании этих характеристик, а также того, что рождаемость у удмуртов в этот

период была выше общереспубликанского уровня, автор делает вывод, что «наибольшую роль в снижении численности удмуртов во втором десятилетии XXI в. сыграли ассимиляционные процессы» [200, с. 468].

Таким образом, методика, предложенная С.Н. Уваровым для количественной оценки ассимиляции удмуртов в период с 1959 по 1989 гг. [196], не может быть применена в постсоветский период по причине отсутствия первичной статистики, которая была представлена в позднесоветское время, но которую нельзя получить в настоящее время. Тем не менее, нужен поиск показателя, который смог бы компенсировать, хотя бы частично, отсутствие ежегодной статистики по естественному приросту финно-угорских народов. В качестве такого показателя в диссертационном исследовании выбран суммарный коэффициент рождаемости титульных финно-угорских народов за годы проведения переписей, который сравнивается с аналогичным общесоюзным (в советский период) и общероссийским показателем за те же годы.

Суммарный коэффициент рождаемости титульных финно-угорских народов в пределах России представлен в официальных итогах переписей населения 1979, 1989, 2002, 2010 и 2021 гг. Также для сравнительного анализа динамики данного показателя были взяты как суммарный коэффициент рождаемости русских за эти же годы, так и его средние значения на уровне СССР и России, для чего использована статистика, опубликованная И.Г. Калабековым в справочниках «СССР и страны мира в цифрах» [272] и «Российские реформы в цифрах и фактах» [271]. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России в целом, и отдельно для рассматриваемой пятерки финно-угорских народов и русских, в период между 1979 и 2021 гг. представлена на рисунке 47.

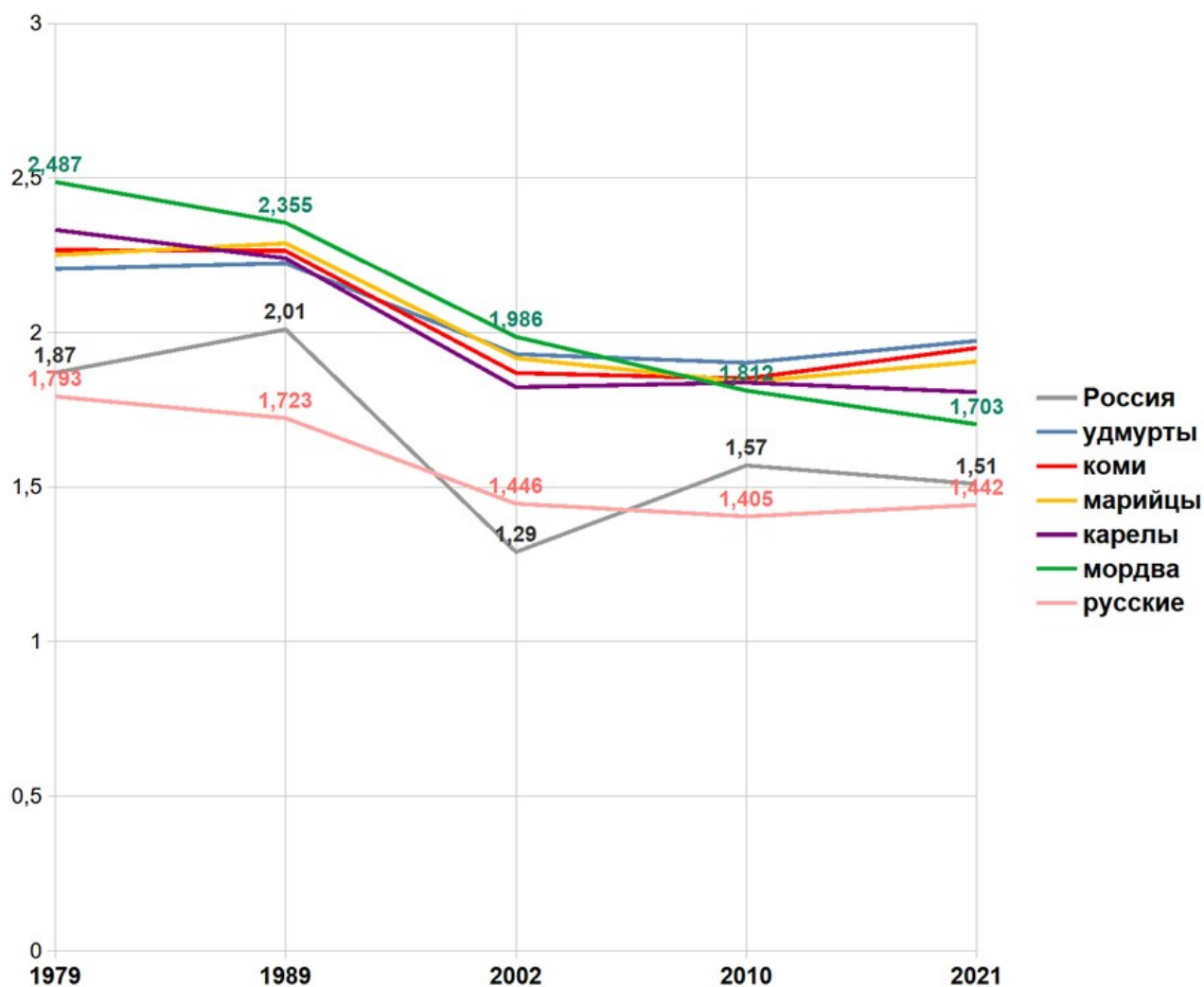

Рисунок 47 — Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России, а также отдельно у русских и титульных финно-угорских народов, в период с 1979 по 2021 гг. (составлено автором по [263; 264; 267; 268; 270; 271; 272])

Анализ динамики суммарного коэффициента рождаемости позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, у всей пятерки рассматриваемых финно-угорских народов данный показатель был больше, чем у русских, а также выше среднероссийского на протяжении всего периода с 1979 по 2021 гг., причем с достаточно большим разрывом. Во-вторых, величина данного показателя в советский период (в данном случае, до 1989 г.) у всех титульных финно-угорских народов позволяет говорить об их расширенном воспроизводстве, что должно было вести к росту их численности. Но и в постсоветский период величина показателя была лишь немного ниже уровня, свидетельствующего о

простом воспроизводстве (примерно 2,1-2,2), а значит, численность финно-угорских народов в этот период не должна была испытывать значительное сокращение, или, во всяком случае, данное уменьшение должно быть намного ниже общероссийского уровня. В-третьих, титульные финно-угорские народы на протяжении всего рассматриваемого периода имели очень близкие значения суммарного коэффициента рождаемости. Но из общего тренда динамики заметно выпадает мордва, которая лидировала по данному показателю вплоть до 2002 г., но с 2010 г. перешла на последнюю позицию среди титульных финно-угорских народов. Также можно отметить относительно низкие значения показателя у карелов, но только в постсоветский период.

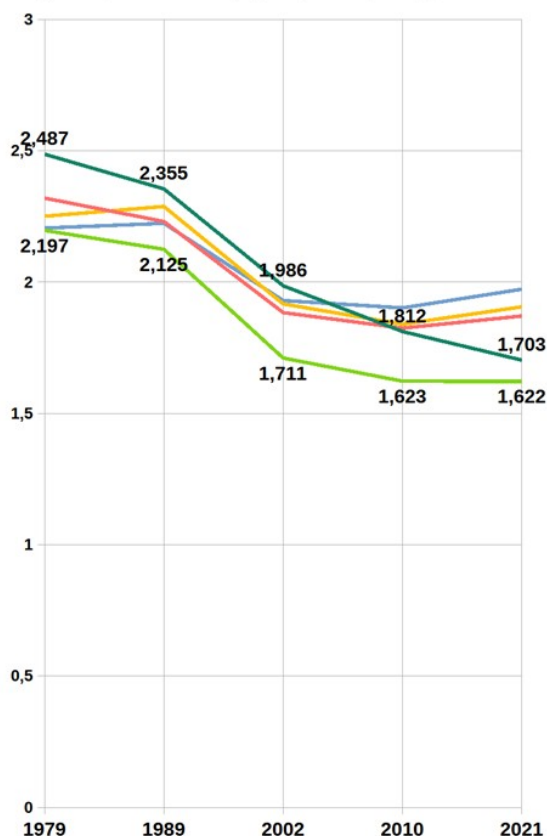
Вплоть до 1970-х гг. суммарный коэффициент рождаемости титульных финно-угорских народов (кроме карелов) превышал не только общероссийский, но и общесоюзный уровень. В дальнейшем данный показатель вышел на примерно один уровень с общесоюзным, и стал уже немного ниже последнего перед распадом СССР. Но у всех титульных финно-угорских народов данный показатель был выше 2,2 даже перед распадом СССР, что формально свидетельствовало об их расширенном воспроизводстве в течение всего советского периода, хотя в реальности наблюдалось значительное уменьшение с 1939 г. численности карелов и мордвы.

4.2.2 Суммарный коэффициент рождаемости и динамика численности в постсоветский период: сравнение титульных финно-угорских и тюркских народов Поволжья

А.Ю. Орлов [131], сравнивая суммарный коэффициент рождаемости с динамикой численности этносов, проживающих в Приволжском федеральном округе, пришел к выводу, что «этносы, имеющие сравнительно высокую рождаемость, — удмурты, чувашаи, марийцы... — сократили свою численность. С другой стороны, численность татар, имеющих низкий уровень итоговой рождаемости, возросла... Этнос с невысоким уровнем рождаемости — мордва — значительно снизил свою численность» [131, с. 131]. Однако А.И. Орлов использовал сравнение суммарного коэффициента рождаемости с динамикой численности этносов только для классификации основных народов Поволжья по интенсивности процессов смены этнической идентичности, но не дал количественную оценку ассимиляции этих народов.

Чтобы оценить степень зависимости динамики численности титульных финно-угорских народов от суммарного коэффициента рождаемости был проведен сравнительный анализ с изменением соответствующих показателей у проживающих по соседству титульных тюркоязычных народов Поволжья. Для сравнительного анализа были взяты три наиболее многочисленных финно-угорских народа — мордва, марийцы и удмурты, а также два тюркских народа — чувашаи и татары (рис. 48). Из данного анализа были исключены наименее многочисленные титульные финно-угорские народы — коми и карелы, а из тюркских народов — башкиры, что связано, в частности, с труднообъяснимыми колебаниями динамики численности последних в постсоветский период.

Суммарный коэффициент рождаемости

Динамика численности этносов, раз

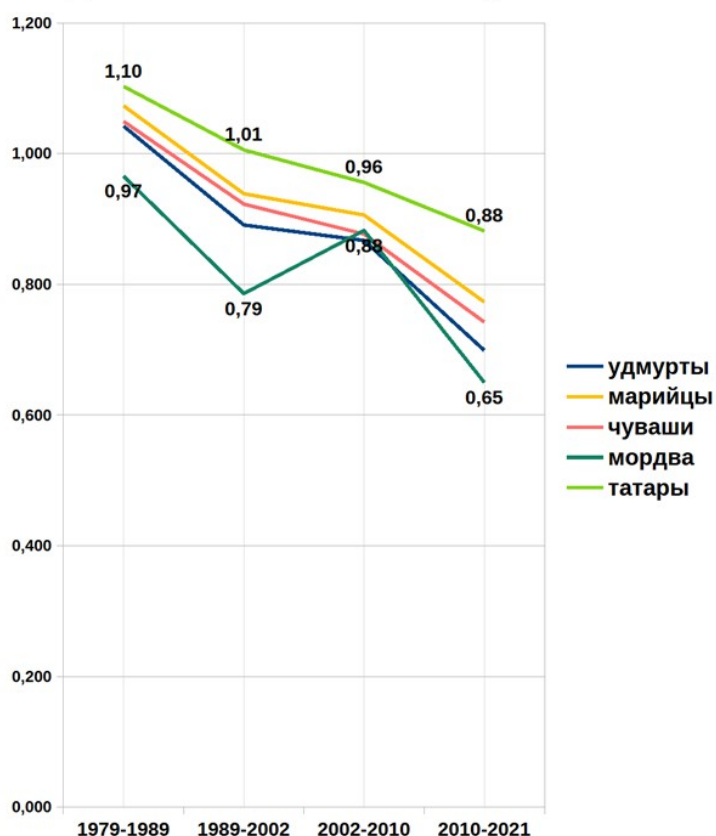

Рисунок 48 — Динамика суммарного коэффициента рождаемости и темпы роста численности титульных народов финно-угорских и тюркских республик Поволжья на уровне России с 1979 по 2021 гг. (составлено автором по [263; 264; 267; 268; 270-273])

Данный анализ охватывает все межпереписные интервалы с 1979 по 2021 гг. Как видно на графике слева (см. рис. 48), наименьший суммарный коэффициент рождаемости на протяжении всего данного периода характеризовал татар. Тем не менее, на графике справа можно видеть, что именно татары отличаются наиболее высокими темпами роста численности в позднесоветский период и наименьшими темпами сокращения численности в постсоветский период среди всей рассматриваемой пятерки народов. Чувашы заняли промежуточную позицию по динамике численности между марийцами и удмуртами, хотя по суммарному коэффициенту рождаемости в постсоветский период они уступали двух данным народам. Также на графике справа четко

виден «взлет» численности мордвы в период 2002-2010 гг., который был объяснен выше (см. раздел 2.1.1).

Таким образом, можно наблюдать парадоксальную ситуацию, когда наименьшим уменьшением численности в постсоветский период характеризуются татары, которые имеют наименьший из рассматриваемых народов суммарный коэффициент рождаемости, а марийцы, будучи народом с наиболее высоким суммарным коэффициентом рождаемости вплоть до начала XXI в., отличаются максимальными темпами сокращения численности. Отсюда можно сделать выводы как о наименьшей подверженности ассимиляции татар, так и наибольшей — мордвы. Что же касается чувашей, то их подверженность ассимиляции можно оценить немного ниже, чем марийцев и удмуртов. Объясняется это тем, что, как и у татар, у чувашей чуть более низкий суммарный коэффициент рождаемости по сравнению с этими двумя финно-угорскими народами, но динамика их численности такая же, как у последних.

В качестве внешнего фактора, влияющего на предрасположенность к ассимиляции со стороны русского населения, нужно отметить более ярко выраженную культурную близость русских, финно-угорских народов и чувашей, т.к. у всех этих народов традиционной религией является православие, в то время как у татар — ислам. В этой связи нужно вспомнить коэффициент Сороко для пар данных народов с русскими, рассчитанный по частоте межэтнических браков. В целом по России величина коэффициента, рассчитанного Е.Л. Сороко на 2010 г., составляла 0,84 в паре русских с татарами, 0,75 — с чувашами, 0,71 — с удмуртами и 0,68 — с мордвой [161, с. 113]. Такой же порядок сохраняют народы и по величине коэффициента Сороко, рассчитанного по микроданным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. учениками Е.Л. Сороко.

4.2.3 Оценка ассимиляции титульных финно-угорских народов с 1959 по 1989 годы и с 1989 по 2021 годы

Как было отмечено выше, количественное измерение этнической ассимиляции было осуществлено С.Н. Уваровым, но лишь у удмуртов, и только в период между переписями населения 1959 и 1989 гг. [196]. Данный период наиболее обеспечен статисткой, позволяющей дать количественную оценку этнической ассимиляции. Но важно также и тот результат, который был получен С.Н. Уваровым. А именно, им было подсчитано, что с 1959 по 1989 гг. «84,3 тыс. удмуртов сменили свою этническую идентичность в Удмуртии, еще 38,1 тыс. чел. — за ее пределами» [196, с. 148]. Таким образом, в сумме за этот период было ассимилировано 122,4 тыс. удмуртов, что и может быть взято за основу для количественной оценки уровня ассимиляции других титульных финно-угорских народов в этот временной интервал.

Количественная оценка ассимиляции титульных финно-угорских народов в период между 1959 и 1989 гг. включала следующие процедуры. Для начала принималось, что внешние миграции незначительно сказывались на численности рассматриваемых финно-угорских народов. Во-первых, был рассчитан рост численности финно-угорских народов и всего населения СССР с 1959 по 1989 гг. Во-вторых, определено среднее значение суммарного коэффициента рождаемости финно-угорских народов и в СССР в целом за данный период. В-третьих, рассчитан теоретический рост численности финно-угорских народов исходя из соотношения общесоюзного суммарного коэффициента рождаемости и аналогичного показателя для финно-угорских народов. Разность между теоретической и реальной численностью финно-угорских народов на 1989 г. и представляет собой ассимиляцию за период между 1959 и 1989 гг. (табл. 3, рис. 49). В абсолютных значениях наибольшая численность ассимилированных характеризовала мордву (727 тыс.), затем следовали удмурты (127 тыс.), карелы (90 тыс.), марийцы (71 тыс.) и коми (63 тыс.).

Таблица 3 — Динамика численности титульных финно-угорских народов и оценка их ассимиляции в период между переписями населения 1959 и 1989 гг.

(рассчитано автором по [267; 268; 270; 272; 273])

	Численность указавших национальность, чел.		Реальный прирост, чел.	Реальный рост, раз	Суммарный коэффициент рождаемости	Потенциальный рост, раз	Потенциальная численность, чел.	Ассимиляция, чел.	Ассимиляция, %
	1959 г.	1989 г.	1959-1989 гг.	1959-1989 гг.	1959-1989 гг. (средний)	1959-1989 гг.	1989 г.	1959-1989 гг.	1989 г.
СССР	208826650	285742511	76915861	1,368	2,343				
марийцы	504205	670868	166663	1,331	2,519	1,471	741733	70865	9,6
удмурты	624794	746793	121999	1,195	2,396	1,399	874013	127220	14,6
коми	287027	344519	57492	1,200	2,430	1,419	407216	62697	15,4
мордва	1285116	1153987	-131129	0,898	2,507	1,464	1881022	727035	38,7
карелы	167278	130929	-36349	0,783	2,257	1,318	220490	89561	40,6

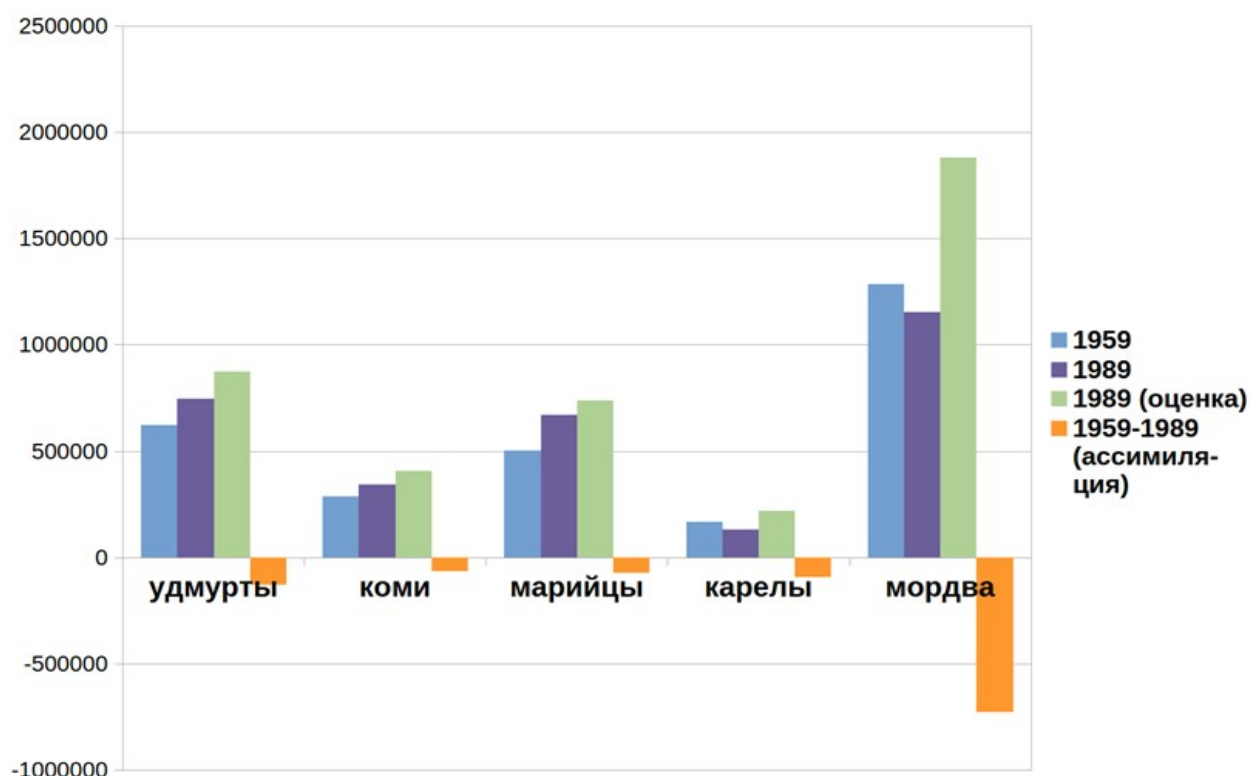

Рисунок 49 — Численность титульных финно-угорских народов в 1959 и 1989 гг., а также оценка их ассимиляции в период с 1959 по 1989 гг., чел.

(рассчитано автором по [267; 268; 270; 272; 273])

Согласно полученным результатам, лидерами по ассимиляционным процессам в пятерке рассматриваемых финно-угорских народов в период с 1959 по 1989 гг. являлись карелы, численность которых могла бы быть на 40,6 % больше, если бы ассимиляции не происходило. Второе место по потерям от ассимиляции заняла мордва (38,7 %), третье — коми (15,4 %), четвертое — удмурты (14,6 %), пятое — марийцы (9,6 %).

Следует обратить внимание на то, что численность удмуртов, которые, согласно проведенным расчетам, были ассимилированы в этот период, очень близка к рассчитанной С.Н. Уваровым (122 тыс.), что свидетельствует о том, что данная методика вполне может быть применена для количественной оценки этнической ассимиляции. Поэтому та же методика использовалась для количественной оценки ассимиляции титульных финно-угорских народов в постсоветский период, а точнее, между переписями населения 1989 и 2021 гг. (табл. 4, рис. 50).

Таблица 4 — Динамика численности титульных финно-угорских народов России и оценка ассимиляции в период между переписями населения 1989 и 2021 гг.

(рассчитано автором по [263; 264; 268; 269; 271; 273])

	Численность указавших национальность, чел.		Реальный прирост, чел.	Реальный рост, раз	Суммарный коэффициент рождаемости	Потенциальный рост, раз	Потенциальная численность, чел.	Ассимиляция и без национальности, чел.	Ассимиляция и без национальности, %
	1989 г.	2021 г.	1989-2021 гг.	1989-2021 гг.	1989-2021 гг. (средний)	1989-2021 гг.	2021 г.	1989-2021 гг.	2021 г.
Россия	147021869	107354693	-39667176	0,730	1,427				
марийцы	643698	423307	-220391	0,658	1,879	0,962	618957	195650	31,61
удмурты	624794	386063	-238731	0,618	1,916	0,981	612773	226710	37,00
мордва	1072939	483611	-589328	0,451	1,899	0,972	1042959	559348	53,63
коми	336309	143400	-192909	0,426	1,860	0,952	320198	176798	55,22
карелы	124921	32367	-92554	0,259	1,831	0,937	117050	84683	72,35

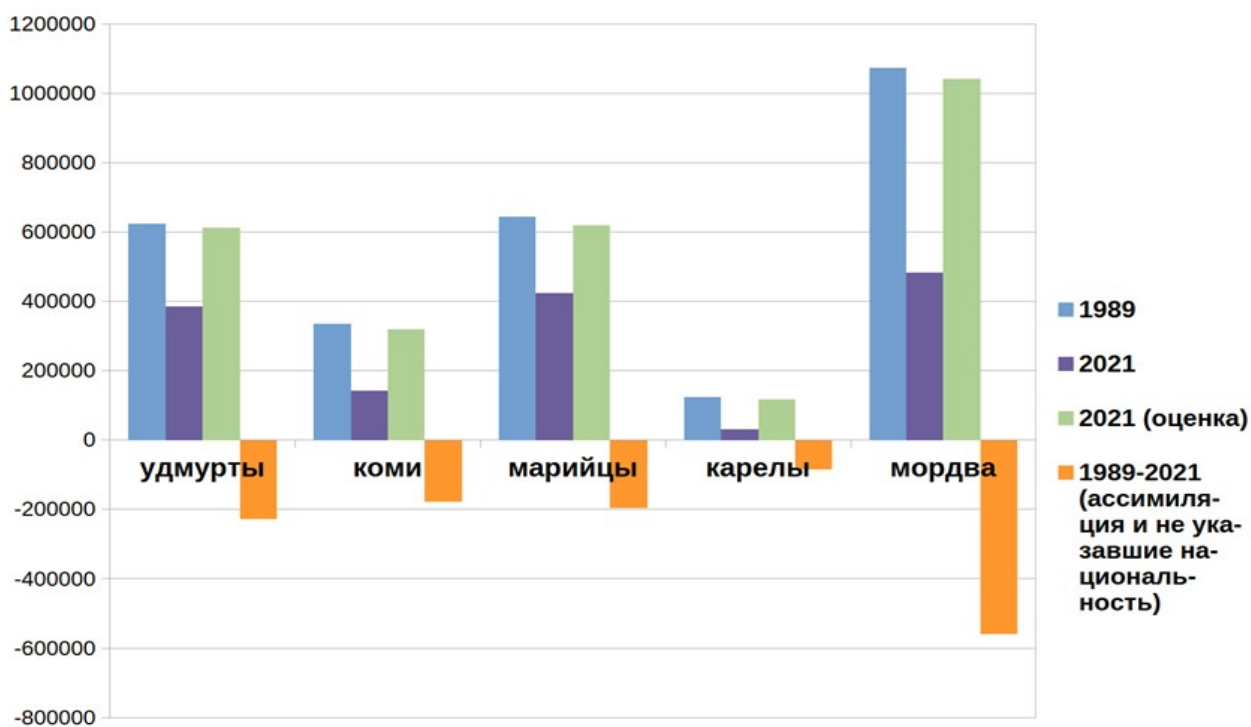

Рисунок 50 — Численность титульных финно-угорских народов в 1989 и 2021 гг., а также оценка их ассимиляции в период с 1989 по 2021 гг., чел. (рассчитано автором по [263; 264; 268; 269; 271; 273])

В отличие от количественной оценки ассимиляции в период с 1959 по 1989 гг., в постсоветский период расчет проводился по общероссийским показателям, включая и суммарный коэффициент рождаемости финно-угорских народов, и их численность. В абсолютном выражении наибольшей ассимиляцией в период с 1989 по 2021 гг. опять же характеризовалась мордва (559 тыс.), на втором месте были удмурты (227 тыс.), на третьем — марийцы (196 тыс.), на четвертом — коми (177 тыс.), на пятом — карелы (85 тыс.). Но более удобной для сравнения является относительная оценка уровня ассимиляции народов в этот период. Так, лидерство по потерям от ассимиляции в постсоветский период сохранилось за карелами (72 %), второе место заняли коми (55 %), которым лишь незначительно уступила мордва (54 %). Четвертую позицию по уровню ассимиляции заняли удмурты (37 %), пятое — марийцы (32 %).

Но, скорее всего, коми в постсоветский период по уровню ассимиляции должны занимать среднюю позицию среди титульных финно-угорских народов.

Объяснение этого следующее. Так, за 2021 г. бралась численность коми, зафиксированная переписью населения, но нужно вспомнить, что в Республике Коми была очень высока доля населения «без указанной национальности» (22,5 %), а значит, численность коми в республике и в целом по России даже на фоне других финно-угорских народов была сильно занижена.

По указанной выше причине в одну категорию вместе с ассимилированными в постсоветский период вошли и те, кто оказался в итогах переписи населения 2021 г. «без указанной национальности». В остальном же порядок титульных финно-угорских народов по уровню ассимиляции, как в советский, так и в постсоветский периоды, мало отличается от того, который был определен ранее по совокупности косвенных признаков, определяющих интенсивность ассимиляционных процессов.

4.3 Динамика финно-угорского населения на Севере Европейской России на уровне муниципальных образований с 2010 по 2021 годы

4.3.1 Доля финно-угорского населения на уровне муниципальных образований по итогам переписи 2021 года

Наличие в открытом доступе этнической статистики на уровне муниципальных образований (городских округов и муниципальных районов) по итогам Всероссийских переписей населения 2010 и 2021 гг. позволяет проследить проявление ассимиляционных процессов среди финно-угорских народов на муниципальном уровне. Для этого были составлена и проанализирована серия карт по удельному весу финно-угорского населения в муниципальных образованиях северо-запада и северо-востока европейской части России, а также динамике численности и доли финно-угорского населения между переписями 2010 и 2021 гг. [33]. В первую очередь, обратим внимание на долю финно-угорских народов в населении муниципальных образований северо-запада и северо-востока европейской части страны по итогам Всероссийской переписи населения 2021 г. (рис. 51, 52).

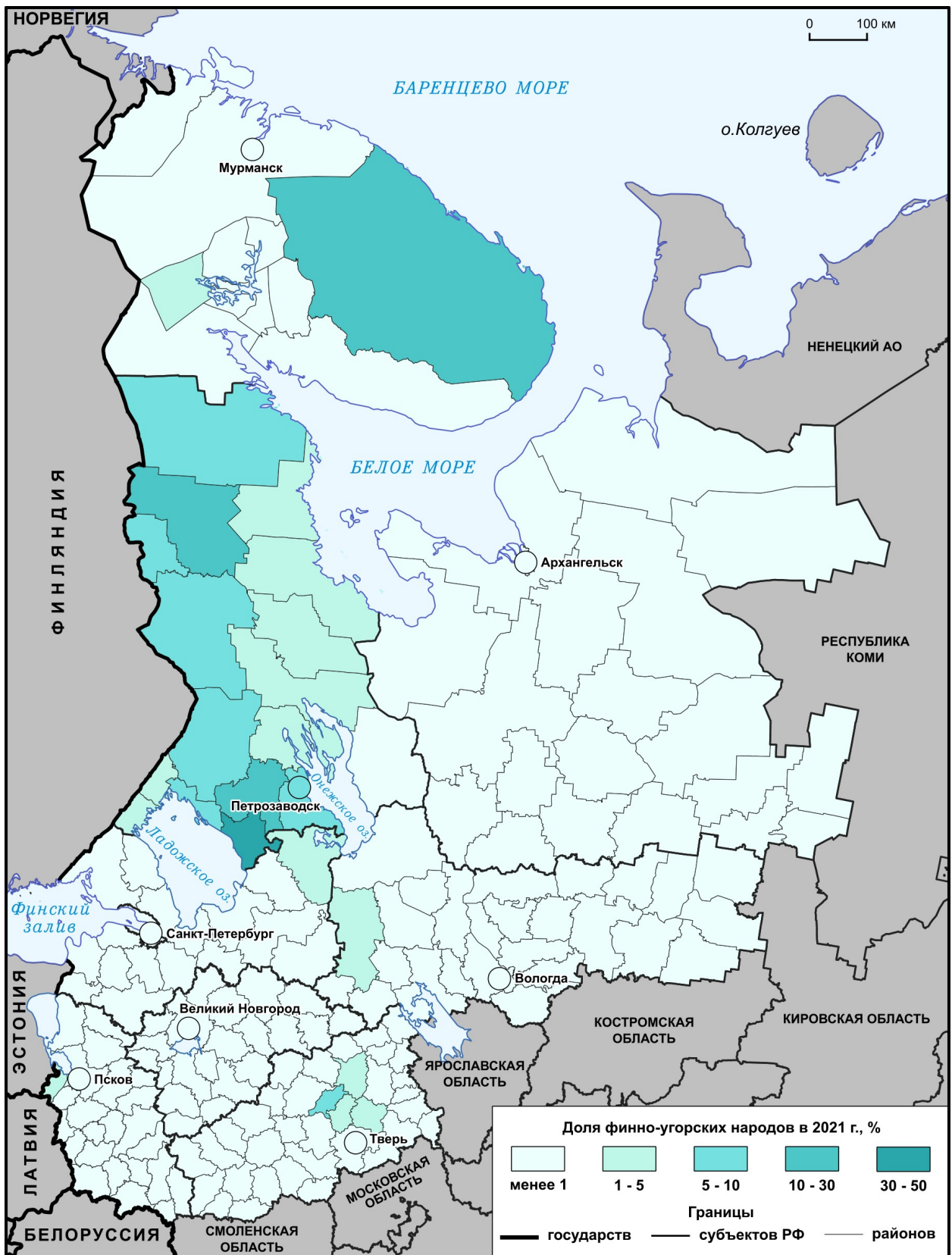

Рисунок 51 — Удельный вес финно-угорских народов в населении муниципальных образований северо-запада европейской части России по итогам Всероссийской переписи населения 2021 г. (источник: [33, с. 97])

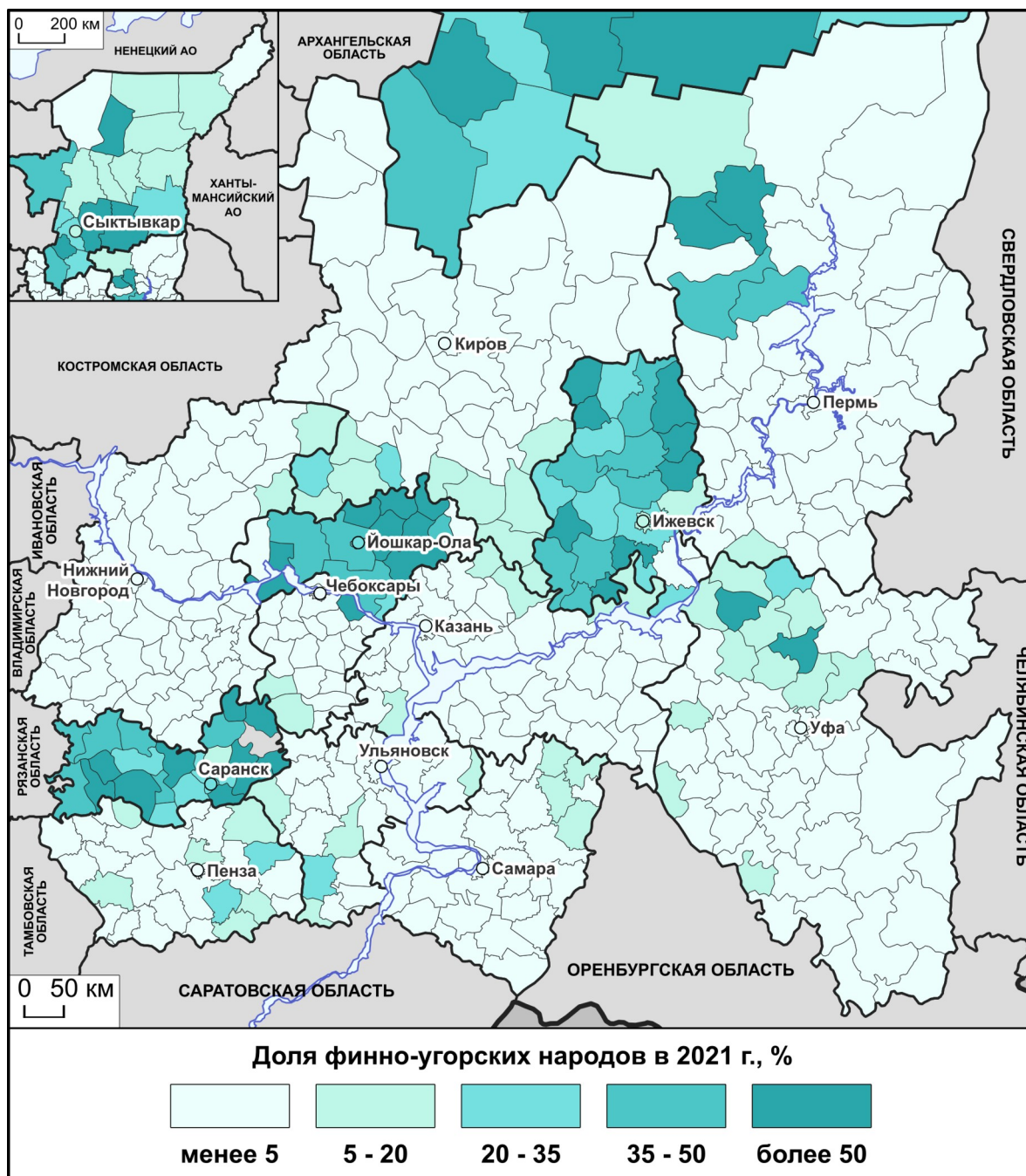

Рисунок 52 — Удельный вес финно-угорских народов в населении муниципальных образований северо-востока европейской части России по итогам Всероссийской переписи населения 2021 г. (источник: [33, с. 97])

На северо-западе европейской части России, кроме территории Республики Карелия, доля финно-угорского населения относительно повышена в отдельных районах Мурманской, Ленинградской, Вологодской, Псковской и Тверской областей. В Ловозерском районе Мурманской области, кроме саамов, проживают также коми-ижемцы (численность которых даже больше, чем

саамов), являющиеся субэтнической группой коми [85; 88; 216], т.е. входящие в число рассматриваемых титульных финно-угорских народов России. В восточной части Тверской области проживают также верхневожские (тверские) карелы, т.е. также входящие в список рассматриваемых в диссертационном исследовании финно-угорских народов. Но в число последних не входят вепсы, представленные в районах на стыке Ленинградской и Вологодской областей, а также сето, проживающие в Печорском районе Псковской области.

На северо-востоке европейской части России из рассмотрения в исследовании выпадают только коми-пермяки, проживающие на северо-западе Пермского края. Но в целом ряде других регионов имеют заметное представительство титульные народы финно-угорских республик — удмурты, марийцы и мордва. В число таких регионов входят республики Удмуртская, Башкортостан и Татарстан, Кировская, Нижегородская, Пензенская, Ульяновская и Самарская области. Финно-угорские народы на северо-востоке европейской части России образуют почти единый пояс расселения, правда, со все более углубляющимися разрывами в последние десятилетия. Также еще более локально ограниченными становятся ареалы расселения финно-угорских народов на северо-западе европейской части России [117; 252].

4.3.2 Динамика численности финно-угорского населения на уровне муниципальных образований в 2010-е годы

Численность финно-угорского населения на уровне муниципальных образований северо-запада и северо-востока европейской части России в период между 2010 и 2021 гг. испытывала почти повсеместное сокращение (рис. 53, 54), во что заметный вклад внесли естественная убыль (депопуляция) и рост категории лиц «без указанной национальности».

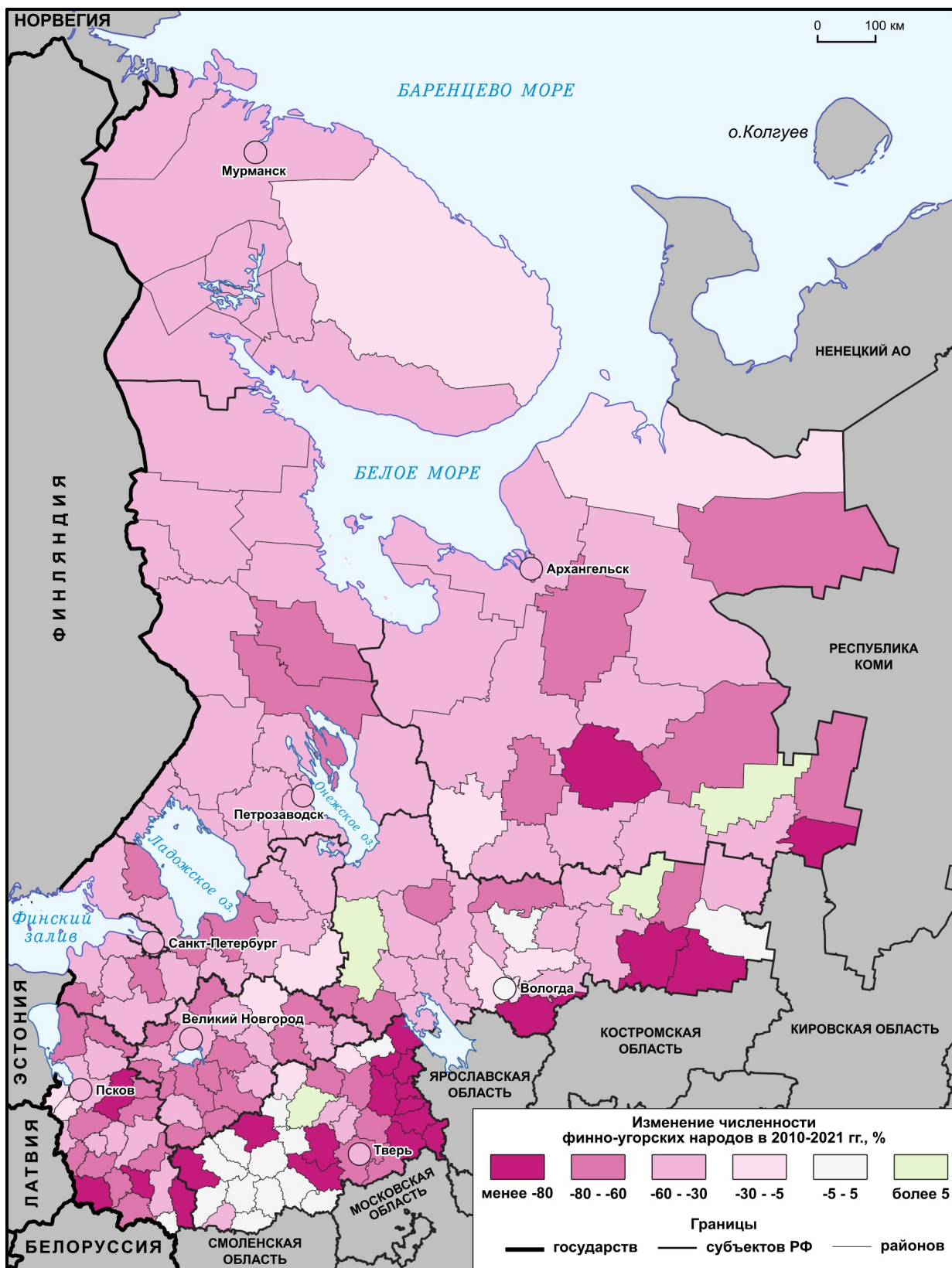

Рисунок 53 — Динамика численности финно-угорского населения в муниципальных образованиях северо-запада европейской части России с 2010 по 2021 гг. (источник: [33, с. 101])

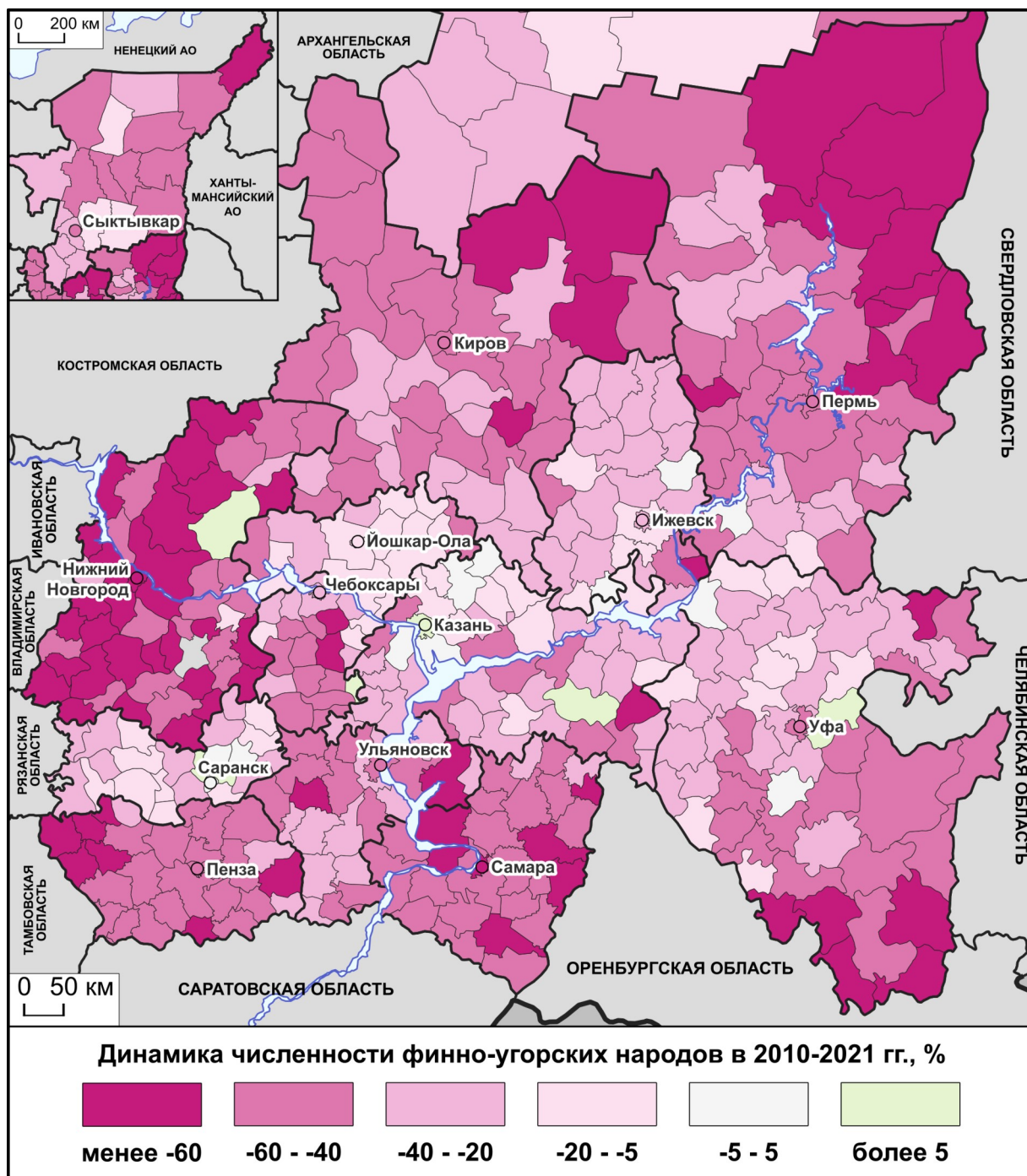

Рисунок 54 — Динамика численности финно-угорского населения в муниципальных образованиях северо-востока европейской части России с 2010 по 2021 гг. (источник: [33, с. 102])

Однако наиболее значимым, а иногда и доминирующим, фактором уменьшения численности финно-угорского населения, как было показано выше, стала этническая ассимиляция. В данном случае следует обратить внимание на то, что наибольшее сокращение численности финно-угорского населения в

муниципальных образованиях пришлось на регионы с более низкой долей финно-угорского населения, особенно за пределами финно-угорских республик. По картам с динамикой численности финно-угорского населения можно даже проследить основные ареалы проживания финно-угорских народов, т.к. последние характеризуются относительно более низкими темпами уменьшения численности этих народов. Данное явление может быть объяснено только более ускоренной ассимиляцией титульных финно-угорских народов, проживающих за пределами своих республик, и в целом вне ареалов компактного расселения этих народов.

4.3.3 Динамика доли финно-угорского населения на уровне муниципальных образований в 2010-е годы

Формально о ходе ассимиляционных процессов между переписями населения 2010 и 2021 гг. может свидетельствовать динамика удельного веса финно-угорских народов в населении муниципальных образований, т.к. последняя позволяет исключить фактор роста доли лиц «без указанной национальности». Но нужно учесть, что на динамику удельного веса народов в населении территориальных единиц влияет целая совокупность факторов. Во-первых, это динамика численности и доли представителей других этносов, представленных на данных территориях, которая является следствием различий в естественном воспроизводстве народов. Во-вторых, заметно большую значимость приобретает фактор этнических миграций, например, возросшего в постсоветский период миграционного притока в европейскую часть России представителей народов Кавказа и Центральной Азии.

По этим причинам нельзя сокращение удельного веса финно-угорского населения в муниципальных образованиях напрямую связывать с ассимиляционными процессами. Но некоторое представление о территориальных различиях в ассимиляции финно-угорских народов можно получить и в ходе анализа соответствующих картосхем (рис. 55, 56).

Рисунок 55 — Динамика удельного веса финно-угорского населения в муниципальных образованиях северо-запада европейской части России с 2010 по 2021 гг. (источник: [33, с. 99])

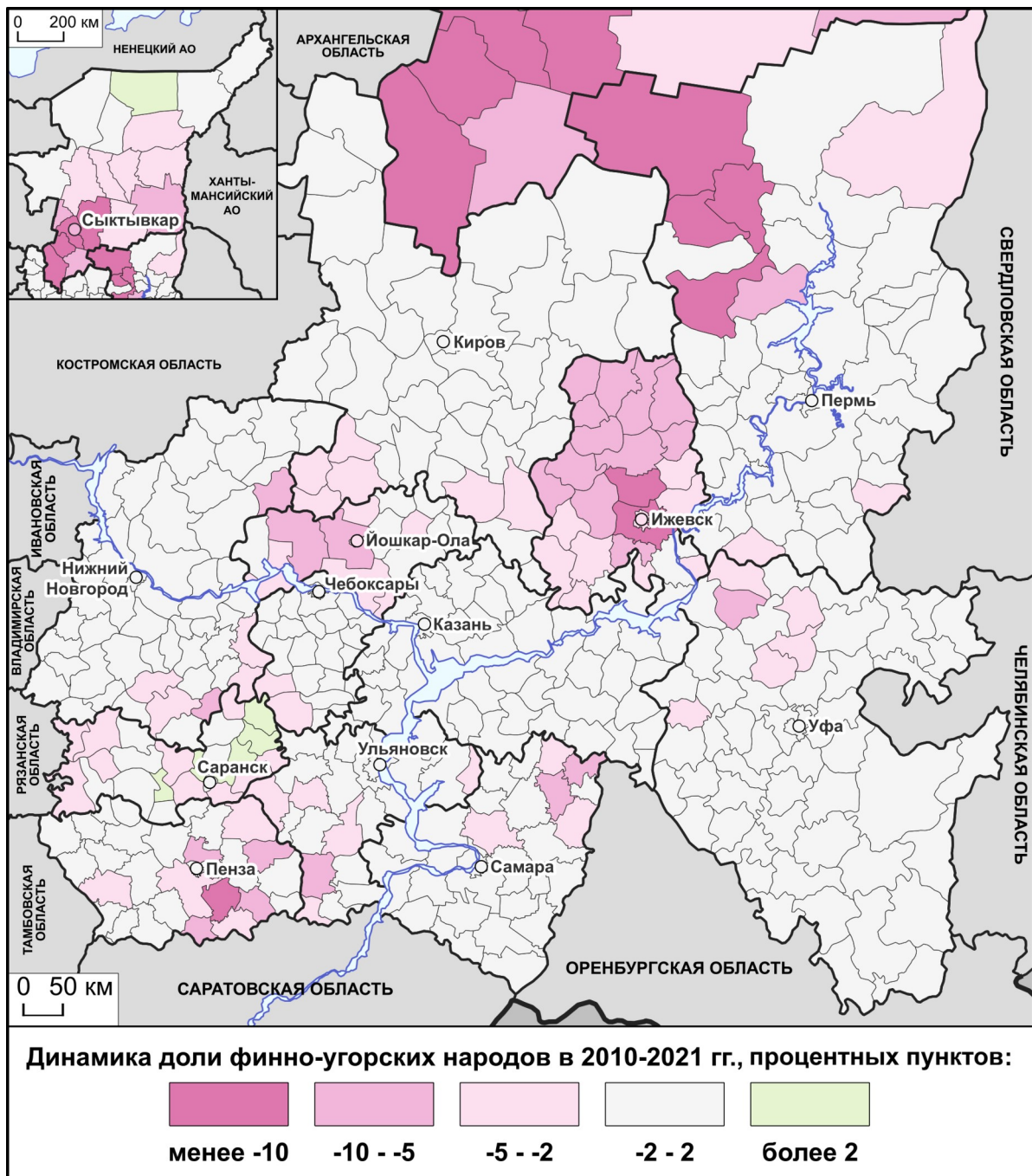

Рисунок 56 — Динамика удельного веса финно-угорского населения в муниципальных образованиях северо-востока европейской части России с 2010 по 2021 гг. (источник: [33, с. 100])

Во-первых, обращает на себя внимание значительная отрицательная динамика удельного веса финно-угорского населения на территории Республики Карелии, «Тверской Карелии», южной части Республики Коми и бывшего Коми-Пермяцкого автономного округа в Пермском крае, большей части Удмуртской

Республики, а также в меньшей степени — в Республике Марий Эл, Пензенской области, на северо-западе Башкортостана. Но сравнительный анализ этой динамики с изменением удельного веса русского населения выявляет прямую связь между данными явлениями [33, с. 99-100]. То есть сокращение доли финно-угорского населения на этих территориях сопровождалось ростом удельного веса русского населения, что как раз и свидетельствует об ускоренном протекании на обозначенных территориях процессов этнической ассимиляции.

Во-вторых, нужно отметить наличие единичных муниципальных образований, в населении которых происходил рост финно-угорских народов. Такие муниципалитеты встречаются, например, в Мурманской области (Ловозерский район, где проживают саамы и коми-ижемцы), в Вологодской области (вепсы), на севере Республики Коми и в Республике Мордовия. Однако в большинстве этих муниципалитетов не произошло увеличения численности финно-угорских народов, что можно проследить по картосхемам на рисунках 53 и 54. А рост доли финно-угорского населения в них объясняется более значительным сокращением численности русских и представителей других народов.

Что касается динамики удельного веса финно-угорского населения на территории республик, то в первую очередь следует отметить Мордовию с минимальным падением доли титульного этноса в большинстве муниципальных образований республики. Вторую позицию в этом плане занимает Республика Марий Эл. В Республике Коми значительное падение доли титульного этноса характеризовало только ее южную часть. И, наконец, отрицательная динамика удельного веса титульных народов характеризовала большую часть Удмуртской Республики и всю территорию Республики Карелии. Обозначенный порядок финно-угорских республик может рассматриваться и как их распределение по степени устойчивости титульных этносов к ассимиляционным процессам.

Выводы по главе 4. Опираясь на различия в динамике численности и значении суммарного коэффициента рождаемости в среднем по стране и у финно-угорских народов была дана оценка уровня ассимиляции этих народов в позднесоветский период (между 1959 и 1989 гг.) и постсоветский период (между 1989 и 2021 гг.). Явными лидерами по смене этнической идентичности среди титульных финно-угорских народов в период с 1959 по 1989 гг. являлись карелы и мордва, численность которых могла бы быть на две пятых больше в случае отсутствия ассимиляции. В позднесоветский период потери от ассимиляции среди коми и удмуртов составили примерно 15 %, среди марийцев — около 10 %. Между переписями населения 1989 и 2021 гг. сокращение численности карелов вследствие ассимиляции составляло уже около трех четвертых, коми и мордвы — свыше половины, удмуртов и марийцев — примерно на треть.

Картографический анализ динамики финно-угорского населения на уровне муниципальных образований на севере европейской части России между переписями населения 2010 и 2021 гг. подтвердил вывод о том, что наиболее значимым фактором уменьшения численности финно-угорских народов является этническая ассимиляция. Наибольшее сокращение численности финно-угорского населения пришлось на территории за пределами финно-угорских республик. Однако наиболее значительная отрицательная динамика удельного веса финно-угорского населения наблюдалась в Карелии и «Тверской Карелии», южной части Республики Коми, большей части Удмуртской Республики, и в меньшей степени — в Республике Марий Эл. Сокращение доли финно-угорского населения на этих территориях сопровождалось ростом удельного веса русского населения, что как раз и свидетельствует об ускоренном протекании на обозначенных территориях процессов этнической ассимиляции. На этом фоне наибольшей устойчивостью к ассимиляции характеризовалось финно-угорское население Республики Мордовии.

Заключение

Результатом проведенного исследования стали следующие выводы:

1. Геоэтнодемография рассматривается как междисциплинарное исследовательское поле, в формировании которого участвует целый ряд научных направлений, в первую очередь, геодемография, этнодемография и этническая география. Также геоэтнодемография имеет тесные связи с этнологией и этносоциологией, культурной и конфессиональной географией. В рамках геоэтнодемографии рассматриваются региональные (территориальные) аспекты этнической динамики, включая естественное движение этносов, этнические миграции и процессы этнической ассимиляции.

2. Динамика численности и удельного веса рассматриваемых финно-угорских народов в населении Российского государства и своих республик заметно отличалась на протяжении трех периодов: дореволюционного, советского и постсоветского. В течение XVIII и XIX вв., в период демографического взрыва в Российской империи, наблюдался многократный рост численности финно-угорских народов. Общим трендом динамики титульных финно-угорских народов в пределах России и своих республик являлся рост их численности в советский период (за исключением мордвы и карелов, перешедших к сокращению численности в России после переписи населения 1939 г.) и сокращение — в постсоветский период. Причем в советский период рост численности титульных этносов в своих республиках происходил одновременно с миграциями представителей данных этносов в другие регионы страны.

3. Рассматриваемые финно-угорские народы следовали общим трендам изменения коэффициента концентрации титульных этносов в своих национально-государственных образованиях — снижение показателя в советский период и его рост — в постсоветский период. Общим выводом является более быстрое сокращение в постсоветский период (а карелов и мордвы — также и в советский период) численности финно-угорских народов, имеющих

высокий уровень концентрации за пределами своих республик. В качестве важнейшего фактора такой динамики следует назвать более высокий уровень ассимиляции представителей титульных этносов, проживающих вне своих национально-государственных образований.

4. В дореволюционный период карелы были сконцентрированы преимущественно в трех крупных регионах Российской империи — в Озерном районе, Центрально-промышленном районе (верхневолжские, или же тверские карелы) и в меньшей степени — в Северном районе. В имперский период истории России наблюдалось уменьшение концентрации карелов в Верхневолжье и рост — на территории будущей Карелии. Коми-зыряне были почти полностью сконцентрированы в Северном районе. Удмурты (вотяки) проживали в основном в Северном Приуралье, но нужно отметить быстрый рост их концентрации за счет миграций в Южном Приуралье. Марийцы (черемисы) в XVIII в. были распределены почти поровну между двумя регионами — Северным Приуральем и Средним Поволжьем. Но происходило снижение их концентрации в Среднем Поволжье и рост — в Южном Приуралье. Мордву в этот период уже характеризовал широкий ареал расселения, входящий в несколько крупных регионов страны, но примерно половина мордвы проживала с Средним Поволжье.

5. В раннесоветский период (до Великой Отечественной войны) началось миграционное «растекание» финно-угорских народов по территории страны. Основными регионами миграционного притяжения карелов стали соседние с Карелией и «Тверской Карелией» области и города страны, включая Ленинград и Москву. Заметно расширился ареал повышенной концентрации удмуртов и марийцев, хотя лидерами по концентрации последних по прежнему оставались Марийская и Башкирская АССР, а также Кировская область. К концу 1930-х гг. за счет миграций в разные регионы СССР мордва стала самым широко расселенным финно-угорским народом страны. На этом фоне только концентрация коми-зырян в пределах традиционного ареала расселения уменьшилась незначительно.

6. В позднесоветский период (1959-1989 гг.) уже стало явным «растворение» верхневолжского ареала проживания карелов, на что повлияла его близость к Москве и Ленинграду. Только в 1980-е гг. обозначилось уменьшение концентрации коми в Коми АССР, что свидетельствовало о миграциях коми за пределы своей республики. Все три позднесоветских десятилетия характеризовались уменьшением концентрации удмуртов и марийцев в своих республиках и соседних с ними регионах и ростом концентрации большинстве других регионов страны, что свидетельствовало о миграциях этих народов за пределы основного ареала их проживания. Но уже в 1980-е гг. уменьшилась концентрация марийцев в Башкирской АССР и Кировской области, что может быть результатом как миграционного оттока из них, так и ассимиляционных процессов. В Мордовской АССР в 1960-е гг. наблюдался рост концентрации мордвы, что объясняется их высоким естественным приростом. В целом ряде регионов страны в позднесоветский период началось уменьшение концентрации мордвы, что стало результатом ассимиляционных процессов в них.

7. В постсоветский период (между переписями населения 1989 и 2021 гг.) ареал расселения тверских карелов, которые в течение длительного времени превосходили по численности карелов Республику Карелию, оказался на грани исчезновения. Концентрация удмуртов росла в трех республиках — в Удмуртии, Татарстане и Башкортостане, но быстро снижалась в других регионах России, что свидетельствовало об ускорении в них ассимиляционных процессов. Схожим с удмуртами стала динамика концентрации марийцев в регионах страны, которая росла в трех республиках (Марий Эл, Башкортостан и Татарстан), к которым с начала XXI в. добавилась еще и Чувашия. К настоящему времени география расселения мордвы утратила всероссийский масштаб и стала очень близкой к таковой у удмуртов и марийцев. С каждым постсоветским десятилетием происходило сужение ареала расселения мордвы, связанное с ускоренной ассимиляцией этноса фактически во всех регионах за пределами Мордовии.

8. Опираясь на различия в динамике численности и значении суммарного коэффициента рождаемости в среднем по стране и у финно-угорских народов была дана оценка уровня ассимиляции этих народов в позднесоветский период (между 1959 и 1989 гг.) и постсоветский период (между 1989 и 2021 гг.). Явными лидерами по смене этнической идентичности среди титульных финно-угорских народов в период с 1959 по 1989 гг. являлись карелы и мордва, численность которых могла бы быть на две пятых больше в случае отсутствия ассимиляции. В позднесоветский период потери от ассимиляции среди коми и удмуртов составили примерно 15 %, среди марийцев — около 10 %. Между переписями населения 1989 и 2021 гг. сокращение численности карелов вследствие ассимиляции составляло уже около трех четвертых, коми и мордвы — свыше половины, удмуртов и марийцев — примерно на треть.

9. Картографический анализ динамики финно-угорского населения на уровне муниципальных образований на севере европейской части России между переписями населения 2010 и 2021 гг. подтвердил вывод о том, что наиболее значимым фактором уменьшения численности финно-угорских народов является этническая ассимиляция. Наибольшее сокращение численности финно-угорского населения пришлось на территории за пределами финно-угорских республик. Однако наиболее значительная отрицательная динамика удельного веса финно-угорского населения наблюдалась в Карелии и «Тверской Карелии», южной части Республики Коми, большей части Удмуртской Республики, и в меньшей степени — в Республике Марий Эл. Сокращение доли финно-угорского населения на этих территориях сопровождалось ростом удельного веса русского населения, что как раз и свидетельствует об ускоренном протекании на обозначенных территориях процессов этнической ассимиляции. На этом фоне наибольшей устойчивостью к ассимиляции характеризовалось финно-угорское население Республики Мордовии.

Литература

1. Абрамов, В. К. Демографическая динамика мордовского населения России в XX веке / В. К. Абрамов // Финно-угорский мир. – 2011. – № 1(7). – С. 54-61.
2. Абрамов, В. К. Динамика численности мордовского народа по материалам переписей 1926-2002 гг / В. К. Абрамов // Проблемы новейшей истории и этнографии финно-угров России. – Саранск : Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2008. – С. 4-17.
3. Абрамова, О. В. Расселение и динамика численности мордовского этноса в конце XX – начале XXI в / О. В. Абрамова // Финно-угорский мир. – 2014. – № 1(18). – С. 56-61.
4. Ажигулова, А. И. Брачная структура населения Удмуртии в 1989-2021 гг / А. И. Ажигулова, С. Н. Уваров // Финно-угорский мир. – 2024. – Т. 16, № 4. – С. 459-470. – DOI 10.15507/2076-2577.016.2024.04.459-470
5. Ажигулова, А. И. Демографические процессы у финно-угорских народов Башкирии во второй половине 1920-х – 1930-е гг / А. И. Ажигулова, Н. В. Чернышева // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2024. – Т. 18, № 4. – С. 545-556. – DOI 10.35634/2224-9443-2024-18-4-545-556
6. Ажигулова, А. И. Динамика брачного состояния удмуртов Удмуртии в 1959-1989 гг / А. И. Ажигулова, Н. В. Чернышева, С. Н. Уваров // Финно-угорский мир. – 2023. – Т. 15, № 3. – С. 301-309. – DOI 10.15507/2076-2577.015.2023.03.301-309
7. Алексеев, А. И. Отечественная география населения в постсоветский период: основные направления и тренды их развития / А. И. Алексеев, М. С. Савоскул, С. Г. Сафронов // Региональные исследования. – 2016. – № 2(52). – С. 55-65.

8. Арутюнян, Ю. В. Этносоциология перед вызовами времени / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева // Социологические исследования. – 2008. – № 7(291). – С. 85-94.
9. Архипова, А. С. Динамика контактной зоны славян с народами уральской и алтайской семей в Сибири в 2010-е годы / А. С. Архипова, И. А. Иванов // Псковский регионологический журнал. – 2025. – Т. 21, № 2. – С. 103-120. – DOI 10.37490/S221979310033873-3
10. Архипова, А. С. Метаэтническая динамика муниципальных образований Дальневосточного федерального округа в 2010-е гг / А. С. Архипова, А. Г. Манаков // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 38-53.
11. Архипова, А. С. Метаэтническая динамика муниципальных образований Сибири между переписями населения 2010 и 2021 гг / А. С. Архипова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 46-61.
12. Архипова, А. С. Территориальная структура контактной зоны славян с коренными народами Дальнего Востока во втором десятилетии XXI века / А. С. Архипова, И. А. Иванов // Псковский регионологический журнал. – 2025. – Т. 21, № 3. – С. 74-92. – DOI 10.37490/S221979310034129-4
13. Балакирев, Н. В. Теоретико-методологические основы и современные тенденции этнокультурной идентичности мордовского народа в Республике Мордовия (по данным Всероссийской переписи населения 2020 года) / Н. В. Балакирев // Социальные нормы и практики. – 2025. – № 3(17). – С. 7-21. – DOI 10.24412/2713-1033-2025-3-07-21
14. Безносова, Н. П. Процессы языковой и этнической ассимиляции коренного этноса Республики Коми в 40-80-е годы (по материалам всесоюзных переписей населения) / Н. П. Безносова // Актуальные проблемы политико-правового, социально-экономического и культурного развития

- Европейского Севера Российской Федерации (история и современность). – Сыктывкар, 1995. – С. 112-118.
15. Белозеров, В. С. Миграции и расселение народов Дагестана в равнинном Предкавказье (на примере Ставрополья) / В. С. Белозеров, Н. А. Щитова, А. А. Черкасов // Эффективное развитие горных территорий России : Горный форум – 2016: материалы международной научно-практической конференции, Махачкала, 26–29 июля 2016 года. – Махачкала: ГАОУ ВПО "Дагестанский государственный институт народного хозяйства", 2016. – С. 146-152.
  16. Белозеров, В. С. Региональные особенности этнических миграций на Северном Кавказе / В. С. Белозеров, В. В. Чихичин, И. В. Глущенко // Наука. Инновации. Технологии. – 2016. – № 1. – С. 71-92.
  17. Богатова, О. А. Социальные факторы динамики этнической идентичности в республике мордовия / О. А. Богатова // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии : материалы пятой международной научной конференции: в 2 томах, Смоленск, 27–28 мая 2016 года. Том 1. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2016. – С. 72-75.
  18. Богоявленский, Д. Д. Вымирают ли народы Севера? / Д. Д. Богоявленский // Социологические исследования. – 2005. – № 8(256). – С. 55-61.
  19. Богоявленский, Д. Д. Перепись 2010: этнический срез / Д. Д. Богоявленский // Демоскоп Weekly. 2012. № 531-532. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/s_map.php#1
  20. Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. – Москва: Наука, 1973. – 284 с.
  21. Бубликов, В. В. Деконструкция переписей населения: комментарии и рассуждения / В. В. Бубликов, Е. А. Варшавер, В. В. Степанов // Этнографическое обозрение. – 2023. – № 4. – С. 212-242. – DOI 10.31857/S0869541523040097

22. Бубликов, В. В. Причины изменения этнического состава районов компактного проживания украинцев в России в оценках современных русско-украинских биэтноров: вынужденная vs. естественная ассимиляция / В. В. Бубликов // Журнал фронтальных исследований. – 2022. – Т. 7, № 3(27). – С. 63-91. – DOI 10.46539/jfs.v7i3.413
23. Бубликов, В. В. Украинская идентичность в России накануне 2022 года / В. В. Бубликов // Вестник антропологии. – 2023. – № 1. – С. 142-161. – DOI 10.33876/2311-0546/2023-1/142-161
24. Булкин, А. А. Географическая разобщенность и субэтнотопосы карел : специальность 25.00.24 "Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук / Булкин Александр Анатольевич. – Санкт-Петербург, 2005. – 23 с.
25. Буфетова, А. Н. Национальная неоднородность в регионах России / А. Н. Буфетова, Е. А. Коломак // ЭКО. – 2017. – № 4(514). – С. 110-123.
26. Буфетова, А. Н. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России / А. Н. Буфетова, Е. А. Коломак, М. М. Михалева // Мир экономики и управления. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 143-157. – DOI 10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157
27. Васина, Т. А. Динамика численности удмуртов в структуре населения Татарской АССР и Республики Татарстан в XX – начале XXI в.: статистические данные / Т. А. Васина // Финно-угорский мир. – 2013. – № 3(16). – С. 105-110.
28. Вершинский, А. Н. Очерки истории верхневолжских карел в XVI-XIX вв. / А. Н. Вершинский // Исторический сборник. – Москва, 1935. – Т. 4. – С. 73-105.
29. Винер, Б. Е. Российская этносоциология: границы, исследовательские области и исследовательские группирования / Б. Е. Винер, К. С. Дивисенко // Социология науки и технологий. – 2015. – Т. 6, № 4. – С. 177-196.

30. Владыкин, Б. А. Динамика численности наиболее многочисленных финно-угорских народов России с середины XVIII века по настоящее время / Б. А. Владыкин // Псковский регионологический журнал. – 2026. – Т. 22, № 1. – С. 171–188. – DOI: 10.37490/S221979310037648-5
31. Владыкин, Б. А. Изменение этнической мозаичности финно-угорских республик Предуралья и Поволжья с 1926 по 2021 год / Б. А. Владыкин, О. С. Алексеева, Н. К. Теренина // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 108-126.
32. Владыкин, Б. А. Расселение наиболее многочисленных финно-угорских народов в регионах России в 1926 и 1939 годах: картографический анализ / Б. А. Владыкин // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2026. – Т. 19, № 1. – С. 93–107. – DOI: 10.37490/S0037657-2
33. Владыкин, Б. А. Территориальные различия в динамике финно-угорского населения севера Европейской России в 2010-2021 гг. / Б. А. Владыкин, О. С. Алексеева // Псковский регионологический журнал. – 2025. – Т. 21, № 3. – С. 93-107. – DOI 10.37490/S221979310035235-1
34. Волков, А. Г. Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав / А. Г. Волков // Вестник статистики. – 1989. – № 7. – С. 12-26.
35. Герасименко, Т. И. Бурятия как этноконтактная зона / Т. И. Герасименко, Е. Б. Болхосоева, М. А. Котомина // География и природные ресурсы. – 2025. – Т. 46, № 2. – С. 124-134. – DOI 10.15372/GIPR20250212
36. Герасименко, Т. И. Роль трансграничных миграций в формировании и трансформации этноконтактных зон (пример Российско-Казахстанского порубежья) / Т. И. Герасименко, Н. Ю. Святоха // Географический вестник. – 2024. – № 1(68). – С. 41-58. – DOI 10.17072/2079-7877-2024-1-41-58
37. Герасименко, Т. И. Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве городов: специфика и подходы к классификации / Т. И. Герасименко,

- Б. Б. Родоман // Вестник ЗКУ. – 2023. – № 4(92). – С. 170-188. – DOI 10.37238/1680-0761.2023.92(4).83
38. Герасименко, Т. И. Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве России / Т. И. Герасименко // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 152-161. – DOI 10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161
39. Горохов, С. А. География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства / С. А. Горохов. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2020. – 235 с.
40. Горохов, С. А. Динамика конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции : специальность 25.00.24 "Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география" : диссертация на соискание ученой степени доктора географических наук / Горохов Станислав Анатольевич. – Москва, 2017. – 394 с.
41. Горохов, С. А. Конфессиональное геопространство как объект изучения географии религий / С. А. Горохов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2014. – № 2. – С. 21-30.
42. Дашинамжилов, О. Б. Статистические источники исследования этнической ассимиляции в 1959-1989 гг / О. Б. Дашинамжилов // Исторический курьер. – 2019. – № 4(6). – С. 153-158. – DOI 10.31518/2618-9100-2019-4-14
43. Дегтева, Ж. Ф. Проблемы определения этнических территорий коренных малочисленных народов России (на примере Якутии) / Ж. Ф. Дегтева // Успехи современного естествознания. – 2022. – № 11. – С. 47-52. – DOI 10.17513/use.37927
44. Дегтева, Ж. Ф. Пространственная организация и динамика этнической структуры Якутии / Ж. Ф. Дегтева // Региональные исследования. – 2015. – № 4(50). – С. 99-105.
45. Дементьев, В. С. Подходы к оценке современного конфессионального состава населения России / В. С. Дементьев // Псковский

- регионологический журнал. – 2025. – Т. 21, № 1. – С. 75-92. – DOI 10.37490/S221979310032666-5
46. Демографическая динамика финно-угорских народов России / Н. Н. Логинова, Н. А. Кильдишова, И. А. Семина, В. Н. Куманев // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2013. – Т. 27, № 3. – С. 7-20.
  47. Динамика контактной зоны между славянскими и финно-угорскими народами на северо-востоке Европейской России в 2010-е годы / Н. К. Теренина, И. А. Иванов, Б. А. Владыкин, О. С. Алексеева // Псковский регионологический журнал. – 2024. – Т. 20, № 4. – С. 68-83. – DOI 10.37490/S221979310032224-9
  48. Динамика расселения чувашей в России и сопредельных государствах с 1926 года по 2010 год / З. А. Трифонова, О. А. Лобастова, М. М. Ростовцева, О. Н. Викторов // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 146-153.
  49. Дишин, Д. А. Геокультурное пространство: понятие, структура, основные свойства и факторы дифференциации / Д. А. Дишин // География и природопользование Сибири. – 2015. – № 19. – С. 45-56.
  50. Дишин, Д. А. Концепт "геокультурное пространство" в общественной географии / Д. А. Дишин // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2018. – № 7. – С. 146-160.
  51. Дмитриева, И. С. Мордва: краткий экскурс в историю, динамика численности и причины ее снижения / И. С. Дмитриева, Е. Н. Рассолова // В мире научных открытий. – 2015. – № 3-6(63). – С. 2464-2474.
  52. Дорофеева, Д. Ю. Изменение этнической мозаичности регионов России / Д. Ю. Дорофеева, М. С. Савоскул // Этническая демография : сборник / под редакцией: И. А. Даниловой, О. А. Хараевой. – Москва : МАКС Пресс, 2010. – С. 72-93.

53. Дробижеева, Л. М. Этносоциология: от пограничной области исследований к отрасли социологии / Л. М. Дробижеева // Социологические исследования. – 2018. – № 6(410). – С. 17-29. – DOI 10.7868/S013216251806-001X
54. Дружинин, А. Г. Полиэтничен ли современный Юг России? / А. Г. Дружинин // Региональные исследования. – 2024. – № 2(84). – С. 28-39. – DOI 10.5922/1994-5280-2024-2-3
55. Дружинин, А. Г. Современная этническая структура муниципальных образований Юга России: типологическая инвариантность / А. Г. Дружинин // Научная мысль Кавказа. – 2024. – № 3(119). – С. 5-16. – DOI 10.18522/2072-0181-2024-119-5-16
56. Дружинин, А. Г. Этногеографические дихотомии Юга России: полимасштабный анализ / А. Г. Дружинин // Псковский регионологический журнал. – 2024. – Т. 20, № 4. – С. 31-45. – DOI 10.37490/S221979310032048-5
57. Дружинин, А. Г. Этнодемографические трансформации в центр-периферийной структуре Ростовской области (постсоветские тренды) / А. Г. Дружинин // Региональные исследования. – 2015. – № 3(49). – С. 78-85.
58. Евдокимов, С. И. Население без указанной национальности в зеркале этнической статистики 2021 года в Приволжском федеральном округе / С. И. Евдокимов, А. Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2025. – Т. 21, № 4. – С. 97-112. – DOI 10.37490/S221979310036046-3
59. Ермолин, И. В. Анализ выживаемости и модель пропорциональных рисков для оценки репродуктивного поведения этнических групп / И. В. Ермолин, П. Э. Суворков // Демография и этнокультурная география: тенденции развития в современном мире : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Псков, 01 октября 2021 года. – Псков: Псковский государственный университет, 2021. – С. 3-9.
60. Ефименко, Е. Л. Особенности этнонационального самоопределения финно-угорских народов Волго-Уральского региона России в постсоветский период / Е. Л. Ефименко. – Уфа: Мыслитель, 2010. – 125 с.

61. Ефименко, Е. Л. Особенности этнонационального самоопределения финно-угорских народов России вне "титულных" национально-государственных образований / Е. Л. Ефименко // Регионоведение. – 2007. – № 3(60). – С. 260-269.
62. Житин, Д. В. Пространственные характеристики локализации этнических групп в Санкт-Петербурге / Д. В. Житин // Балтийский регион. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 163-186. – DOI 10.5922/2079-8555-2024-3-8
63. Житин, Д. В. Территориальная концентрация этнических групп населения в Санкт-Петербурге / Д. В. Житин, А. И. Краснов // Известия Русского географического общества. - 2015. - Т. 147, № 2. - С. 56-72.
64. Захаров, И. А. Трансформация конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI веков : специальность 25.00.24 "Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география" : диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук / Захаров Иван Андреевич. – Москва, 2019. – 168 с.
65. Захаров, С. В. Эволюция региональных особенностей воспроизводства населения России : специальность 08.00.18: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Захаров, Сергей Владимирович. – Москва, 1990. – 199 с.
66. Иванов, В. П. Мордва в Чувашии: особенности расселения и динамика численности / В. П. Иванов // Мордва в Чувашии: история и современность : Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, с. Порецкое, 03 декабря 2021 года / Сост. и отв. редактор Д.В. Егоров. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2022. – С. 6-14.
67. Иванов, И. А. Пространственные аспекты развития этноконтактной зоны в Карелии / И. А. Иванов, А. Г. Манаков, Н. К. Теренина // Арктика и Север. – 2024. – № 55. – С. 116-129. – DOI 10.37482/issn2221-2698.2024.55.116
68. Ивлиева, Н. Г. Картографические исследования особенностей размещения мордовского этноса на территории России по материалам переписей

- населения / Н. Г. Ивлиева, В. Ф. Манухов // ИнтерКарто. ИнтерГИС. – 2016. – Т. 22, № 1. – С. 321-333.
69. Изменения в динамике современных демографических процессов у финно-угорских народов России / Н. Н. Логинова, Н. А. Кильдишова, И. А. Семина, Л. Н. Фоломейкина // Наука и мир. – 2013. – № 4(4). – С. 271-273.
70. Кабузан, В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав / В. М. Кабузан. – Москва: Наука, 1992. – 216 с.
71. Кабузан, В. М. Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав / В. М. Кабузан. – Москва: 1990. – 256 с.
72. Казенин, К. И. Демографическая модернизация и возраст вступления в первый брак у народов Северного Кавказа / К. И. Казенин, Е. Л. Сороко // Демографическое обозрение. – 2021. – Т. 8, № 2. – С. 95-127. – DOI 10.17323/demreview.v8i2.12784
73. Казьмина, О. Е. Этнодемография / О. Е. Казьмина // Общенациональный интерактивный энциклопедический портал "Знания". – 2022. – № 10. – DOI 10.54972/00000030_2022_10_40
74. Калуцков, В. Н. Концептуализация геокультурного пространства: теоретические и прикладные вопросы / В. Н. Калуцков // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2020. – № 1(9). – С. 25-37.
75. Картографический анализ сдвигов в расселении основных народов Крыма с 1926 по 2014 гг / А. Г. Манаков, Л. Б. Вампилова, Ф. Н. Лисецкий, Ж. А. Буряк // ИнтерКарто. ИнтерГИС. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 121-136. – DOI 10.35595/2414-9179-2023-2-29-121-136
76. Картографическое обеспечение проекта "Атлас расселения народов в России" / В. С. Белозеров, А. А. Черкасов, В. В. Чихичин, Н. А. Щитова // ИнтерКарто. ИнтерГИС. – 2017. – Т. 23, № 1. – С. 70-81. – DOI 10.24057/2414-9179-2017-1-23-70-81

77. Клоков, К. Б. Динамика демографического воспроизводства популяций коренных малочисленных народов Севера России и ее региональные особенности / К. Б. Клоков, С. А. Хрущев // Региональные исследования. – 2008. – № 5(20). – С. 39-51.
78. Клоков, К. Б. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития в современных условиях / К. Б. Клоков // Этногеографические и этноэкологические исследования. – Вып. 5. – Санкт-Петербург : НИИ Географии СПбГУ, 1997. – С. 1-88.
79. Клупт, М. А. Демография регионов Земли. События новейшей демографической истории / М. А. Клупт. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 346 с.
80. Козлов, В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор / В. И. Козлов. – Москва : Статистика, 1975. – 263 с.
81. Козлов, В. И. Расселение мордвы (исторический очерк) / В. И. Козлов // Вопросы этнической истории мордовского народа: тр. Мордов. этногр. экспедиции. – Москва: Наука, 1960. – Вып. 1. – С. 5-62.
82. Козлов, В. И. Этническая демография / В. И. Козлов. – Москва : Статистика, 1977. – 240 с.
83. Козлов, В. И. Этнография и география / В. И. Козлов, В. В. Покшишевский // Советская этнография. – 1973. – № 1. – С. 3-13.
84. Козлов, В. И. Этнодемография как зеркало российских трансформаций / В. И. Козлов // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 6. – С. 57-68.
85. Конаков, Н. Д. Этноареальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние / Н. Д. Конаков, О. В. Котов. – Москва : Наука, 1991. – 232 с.
86. Кондрашкина, Е. А. Финно-угорские диаспоры России: историко-культурная и социолингвистическая характеристика / Е. А. Кондрашкина // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 94-106.
87. Корнишина, Г. А. Динамика численности мордовского населения Пензенской области в XX – начале XXI века / Г. А. Корнишина //

- Современное финно-угроведение: наука – общество – культура : Сборник статей по материалам VII Всероссийской научной конференции финно-угроведов, посвященной 300-летию Российской академии наук, Йошкар-Ола, 27–30 июня 2024 года. – Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, 2024. – С. 514-519.
88. Кривоногов, В. П. Современные этнические процессы у коми-ижемцев Кольского полуострова / В. П. Кривоногов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2023. – № 8(66). – С. 117-124. – DOI 10.19110/1994-5655-2023-8-117-124
89. Кривоногов, В. П. Современные этнические процессы у тверских карел / В. П. Кривоногов // Северные Архивы и Экспедиции. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 109-123.
90. Кроток, Р. Н. Трансформация конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики в XIX – начале XXI вв : диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук / Кроток Роман Николаевич. – Псков, 2025. – 203 с.
91. Курбанов, М. Р. Этноатлас Республики Дагестан / М. Р. Курбанов, Г. М. Курбанов. – Махачкала : Дагестанское кн. изд-во, 2011. – 178 с.
92. Куцаева, М. В. «Еще не русские и уже не марийцы»: об этнической идентичности, языке и культуре кировских марийцев (по результатам обследования в марийской диаспоре московского региона) / М. В. Куцаева // Социолингвистика. – 2024. – № 1(17). – С. 25-43. – DOI 10.37892/2713-2951-1-17-25-43
93. Куцаева, М. В. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры / М. В. Куцаева // Родной язык: лингвистический журнал. – 2020. – № 2. – С. 124-150. – DOI 10.37892/2313-5816-2020-2-124-150

94. Лаллука С. Восточно-финские народы России: Анализ этнодемографических процессов / пер. с англ. Л. И. Леденевой, С. В. Голованова. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 1997. 390 с.
95. Логинова, Н. Н. Геодемографические и экистические особенности финно-угорских народов России / Н. Н. Логинова // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. – 2011. – № 2. – С. 128-133.
96. Логинова, Н. Н. Динамика численности мордовского народа на территории Российской Федерации и Республики Мордовия / Н. Н. Логинова, О. У. Переточенкова // Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России : материалы XXXII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, Псков, 08–11 июня 2015 года. – Псков: Эслан, 2016. – С. 329-338.
97. Логинова, Н. Н. Динамика численности финно-угорских народов Казахстана / Н. Н. Логинова, А. М. Носонов, С. К. Есетов // Финно-угорский мир. – 2014. – № 1(18). – С. 107-114.
98. Логинова, Н. Н. Динамика численности финно-угорских народов России / Н. Н. Логинова, Т. П. Реброва // Финно-угорский мир. – 2013. – № 3(16). – С. 89-97.
99. Логинова, Н. Н. Плотность и размещение мордовского этноса по областям Республики Казахстан во второй половине XX – начале XXI в / Н. Н. Логинова, А. М. Носонов, А. В. Шурр // Финно-угорский мир. – 2015. – № 2(23). – С. 67-76.
100. Логинова, Н. Н. Сохранение уральских языков в контексте этнокультурного развития / Н. Н. Логинова // Трансформация социальных отношений в региональном социуме. VI Сухаревские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саранск, 12 октября 2016 года. – Саранск: Государственное казенное учреждение Республики Мордовия "Научный центр социально-экономического мониторинга", 2016. – С. 432-437.

101. Логинова, Н. Н. Финно-угорские народы мира и России: геодемографический аспект / Н. Н. Логинова, М. А. Жулина // Финно-угорский мир. – 2011. – № 2-3(8-9). – С. 75-81.
102. Логинова, Н. Н. Финно-угорские регионы России: проблемы демографической ситуации / Н. Н. Логинова // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2014. – № 3. – С. 134-141.
103. Логинова, Н. Н. Финно-угры в меняющейся структуре населения Российской Федерации / Н. Н. Логинова, Ю. Д. Федотов // Сборник научных трудов SWorld. – 2014. – Т. 17, № 2. – С. 47-52.
104. Лыткина, Т. С. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930-1950-е гг / Т. С. Лыткина, В. В. Фаузер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Т. 19, № 1. – С. 90-109.
105. Манаков, А. Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия / А. Г. Манаков. – Псков : Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 2002. – 300 с.
106. Манаков, А. Г. Динамика индекса этнической поляризации в республиках России в контексте концепции этноконтактных зон / А. Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 33-52. – DOI 10.37490/S221979310026861-0
107. Манаков, А. Г. Динамика концентрации марийцев в регионах России с 1959 по 2021 гг.: картографический анализ / А. Г. Манаков, Б. А. Владыкин, Т. А. Коротаева // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2025. – Т. 18, № 4. – С. 36-50.
108. Манаков, А. Г. Динамика распределения карелов по регионам России с 1959 по 2021 год / А. Г. Манаков, Б. А. Владыкин, С. И. Евдокимов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия:

- Естественные науки. – 2025. – № 4. – С. 5-18. – DOI 10.5922/vestniknat-2025-4-1
109. Манаков, А. Г. Динамика этноконттактных зон в финно-угорских республиках Предуралья и Поволжья в постсоветский период / А. Г. Манаков, Н. К. Теренина, Б. А. Владыкин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. – 2024. – № 4. – С. 60-70. – DOI 10.17308/geo/1609-0683/2024/4/60-70
110. Манаков, А. Г. Изменение этнической структуры населения республик Урало-Поволжья: выявление трендов с 1926 по 2010 гг / А. Г. Манаков, О. А. Григорьева // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 13-30.
111. Манаков, А. Г. Картографическая классификация регионов России по рангам в этнической структуре населения / А. Г. Манаков, А. А. Горелов // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 30-43.
112. Манаков, А. Г. Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 гг / А. Г. Манаков // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2019. – № 2. – С. 117-128. – DOI 10.31857/S2587-556620192117-128
113. Манаков, А. Г. Оценка этнической контрастности политических границ (на примере российско-казахстанской границы) / А. Г. Манаков, Е. Д. Николаева, С. И. Евдокимов // Псковский регионологический журнал. – 2025. – Т. 21, № 3. – С. 61-73. – DOI 10.37490/S221979310035480-1
114. Манаков, А. Г. Структура геокультурного пространства России: подходы к делимитации / А. Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2012. – № 14. – С. 22-35.
115. Манаков, А. Г. Структура и динамика геокультурного пространства Северо-Запада России : специальность 25.00.24 "Экономическая, социальная,

- политическая и рекреационная география" : диссертация на соискание ученой степени доктора географических наук / Манаков Андрей Геннадьевич. – Санкт-Петербург, 2003. – 290 с.
116. Манаков, А. Г. Титульные народы республик России: этнодемографические тренды с 1939 года / А. Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 43-64. – DOI 10.37490/S221979310019231-7
117. Манаков, А. Г. Факторы динамики численности разделенных границами частей малочисленных народов вепсов и сету (сето) / А. Г. Манаков, А. В. Бочарникова, Н. К. Теренина // Этнография. – 2022. – № 3(17). – С. 49-69. – DOI 10.31250/2618-8600-2022-3(17)-49-96.
118. Манаков, А. Г. Этническая неоднородность регионов России: динамика по десятилетиям в постсоветский период / А. Г. Манаков, Н. К. Теренина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. – 2023. – Т. 68, № 4. – С. 783-797. – DOI 10.21638/spbu07.2023.410
119. Манаков, А. Г. Этнодемографические процессы в Крыму в начале XXI века / А. Г. Манаков, Н. К. Теренина // Известия Русского географического общества. – 2024. – Т. 156, № 1. – С. 77-90. – DOI 10.31857/S0869607124010066
120. Мартынова, М. Ю. Наука о народах и национальная политика государства в эпоху СССР / М. Ю. Мартынова, В. А. Тишков // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2023. – № 1(112). – С. 31-47. – DOI 10.22204/2587-8956-2023-112-01-31-47
121. Медведев, В. В. Мордва Обь-Иртышского Севера в материалах переписей населения: динамика численности и расселение / В. В. Медведев, Л. П. Малахова // Вестник Таджикского национального университета. – 2022. – № 6. – С. 53-63.
122. Медведев, В. В. Мордва Тобольской губернии – Ханты-Мансийского автономного округа - Югры: к вопросу о расселении и численности в 1897-

- 2010 гг / В. В. Медведев // Северный регион: наука, образование, культура. – 2021. – № 2(48). – С. 57-62. – DOI 10.34822/2312-377X-2021-2-57-62
123. Мингазова, Л. П. Этнические группы удмуртов и их расселение на территории Республики Татарстан / Л. П. Мингазова // Национальное культурное наследие России: региональный аспект : Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию СГИК, Самара, 14–15 мая 2021 года. – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2021. – С. 116-118.
124. Мокшин, Н. Ф. Мордовский этнос / Н. Ф. Мокшин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. – 160 с.
125. Мурзабулатов, М. В. Финно-угорские народы Башкортостана / М. В. Мурзабулатов. – Уфа : Гилем, 2010. – 112 с.
126. Мясникова, А. Б. Демографические потери финно-угорского мира в конце XX - начале XXI веков / А. Б. Мясникова // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 2. – С. 96-101.
127. Набиева, У. Н. Факторы формирования и современная структура геокультурного пространства Дагестана : специальность 25.00.24 "Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук / Набиева Умукусум Набиевна. – Москва, 2006. – 48 с.
128. Народы России: Атлас культур и религий / отв. ред. В. А. Тишков, А. В. Журавский, О. Е. Казьмина. – Москва : ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2011. – 256 с.
129. Никитина, Г. А. Человеческий ресурс удмуртов в 2000-2010-е годы / Г. А. Никитина // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ : Сборник статей, Екатеринбург, 02–03 июня 2016 года / Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук. Том 1. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2016. – С. 390-395.

130. Носов, И. С. Расселение мордвы в Оренбургской области / И. С. Носов // Актуальные проблемы геологии, географии, техносферной и экологической безопасности : Материалы XLVII Студенческой научной конференции института наук о Земле, Оренбург, 02–09 апреля 2025 года. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2025. – С. 134-138.
131. Орлов, А. Ю. Геодемографические исследования этноассимиляционных процессов (на примере населения Приволжского федерального округа) / А. Ю. Орлов // География и природные ресурсы. – 2011. – № 1. – С. 129-136.
132. Орлов, А. Ю. Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации / А. Ю. Орлов // Региональные исследования. – 2013. – № 2(40). – С. 120-124.
133. Паин, Э. А. Нация и этнос: нелинейная эволюция этнологических концепций в России / Э. А. Паин // Мир России. Социология. Этнология. – 2024. – Т. 33, № 1. – С. 6-28. – DOI 10.17323/1811-038X-2024-33-1-6-28
134. Поздеев, И. Л. Марийцы Удмуртии: факторы сохранения традиционной культуры в современных условиях / И. Л. Поздеев // Научный диалог. – 2021. – № 12. – С. 380-395. – DOI 10.24224/2227-1295-2021-12-380-395
135. Попова, Е. В. Некоторые историко-этнографические сведения о марийцах Удмуртии / Е. В. Попова // Марийский архивный ежегодник – 2016 : научно-методический сборник. – Йошкар-Ола : Министерство культуры и печати по делам национальностей Республики Марий Эл, 2016. – С. 233-245.
136. Прокаева, О. Н. Влияние глобализации на финно-угорские народы России / О. Н. Прокаева // Вестник Мордовского университета. – 2014. – Т. 24, № 4. – С. 224-230. – DOI 10.15507/VMU.024.201404.224
137. Пространственное развитие России: муниципальное измерение / О. В. Кузнецова, А. Г. Дружинин, С. Н. Леонов [и др.]. – Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2026. – 160 с.
138. Пространственные особенности развития контактной зоны между славянскими и финно-угорскими народами на северо-западе Европейской

- России / Н. К. Теренина, О. С. Алексеева, Б. А. Владыкин, И. А. Иванов // Арктика и Север. – 2025. – № 60. – С. 263-276. – DOI 10.37482/issn2221-2698.2025.60.263
139. Русских, Т. Н. Межэтнические семьи в Удмуртии: взгляд современных удмурток (на материале глубинного интервью) / Т. Н. Русских, С. Н. Уваров // Вестник угроведения. – 2024. – Т. 14, № 4(59). – С. 745-758. – DOI 10.30624/2220-4156-2024-14-4-745-758
140. Савинова, А. И. Карельская диаспора южных районов Тверского Поволжья: история формирования и историческая судьба / А. И. Савинова, Ю. В. Степанова // CARELiCA. – 2018. – № 1(19). – С. 26-37. – DOI 10.15393/j14.art.2018.110
141. Савинова, А. И. Переселение "корелян" в Верхневолжье в XVII в.: анализ с применением ГИС-технологий / А. И. Савинова, Ю. В. Степанова // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. – 2018. – № 47. – С. 124-125.
142. Савинова, А. И. Переселение карел на территорию Верхневолжья по данным переписных книг 1640-1670-х годов / А. И. Савинова, Ю. В. Степанова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2017. – № 3(69). – С. 118.
143. Савинова, А. И. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика / А. И. Савинова, Ю. В. Степанова // CARELiCA. – 2014. – № 2(12). – С. 57-74. – DOI 10.15393/j14.art.2014.36
144. Савка, В. П. Динамика численности мордвы на Дальнем Востоке: история и современность / В. П. Савка // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – Т. 85, № 6-1. – С. 217-223.
145. Садилов, Р. Р. Удмурты Башкортостана: современные тенденции национально-культурного развития / Р. Р. Садилов // Ватандаш. – 2020. – № 11(290). – С. 128-139.

146. Садиков, Р. Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография) / Р. Р. Садиков. – Уфа, 2016. – 276 с.
147. Садохин, А. П. Региональные этнополитические практики в современной России : Сборник статей: монографический сборник / А. П. Садохин, Ю. П. Шабает. – Москва : Издательство «Русайнс», 2016. – 156 с.
148. Сайфуллина, Л. Ф. Финно-угорские народы Среднего Поволжья на Южном Урале по материалам Всероссийской переписи 1920 г.: новые данные / Л. Ф. Сайфуллина // Финно-угорский мир. – 2025. – Т. 17, № 2. – С. 165-178. – DOI 10.15507/2076-2577.017.2025.02.165-178
149. Сафин, Ф. Г. Проявление форм идентичности у финно-угорских народов в Башкортостане (по данным этносоциологического исследования среди марийцев и удмуртов) / Ф. Г. Сафин // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 4(40). – С. 316-326. – DOI 10.30914/2411-3522-2024-10-4-316-326
150. Сафин, Ф. Г. Этнодемографические и языковые проблемы удмуртского населения в Башкортостане / Ф. Г. Сафин, Э. А. Мухтасарова, А. И. Халиулина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2019. – Т. 29, № 4. – С. 660-668. – DOI 10.35634/2412-9534-2019-29-4-660-668
151. Сафин, Ф. Г. Этнодемографическое и этноязыковое развитие финно-угорских народов в Урало-Поволжье / Ф. Г. Сафин, Э. А. Мухтасарова, А. И. Халиулина // Финно-угорский мир. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 152-167. – DOI 10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167
152. Сафин, Ф. Г. Этноязыковые процессы финно-угорских народов в республиках Урало-Поволжья / Ф. Г. Сафин, А. А. Илиева, Е. М. Гильмитдинова // Финно-угроведение. – 2023. – № 1(64). – С. 141-150. – DOI 10.51254/2312-0312-2023-64-141-150
153. Сафронов, С. Г. Конфессиональное пространство России в начале и конце XX века / С. Г. Сафронов // Город и деревня в Европейской России: сто лет

- перемен : Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского / Российская академия наук, Институт географии; редакторы-составители: Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш. – Москва : ОГИ, 2001. – С. 443-460.
154. Сафронов, С. Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России / С. Г. Сафронов // Балтийский регион. – 2015. – № 3(25). – С. 138-153. – DOI 10.5922/2074-9848-2015-3-9
155. Сепеев, Г. А. История расселения марийцев / Г. А. Сепеев. Марийский науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории им. В. М. Васильева при Правительстве Респ. Марий Эл. – Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2006.
156. Сиразетдинов, К. О. Этнодемографический аспект идентичности марийского населения в Башкортостане (1979-2010 гг.) / К. О. Сиразетдинов // II Ёпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Йошкар-Ола, 09–10 декабря 2022 года. – Йошкар-Ола: Б. и., 2023. – С. 443-452.
157. Сквозников, В. Я. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи) / В. Я. Сквозников, И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер, Н. П. Безносова. –Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001. – 202 с.
158. Слука, Н. А. Геодемографические феномены глобальных городов / Н. А. Слука. – Москва-Смоленск : Ойкумена, 2009. – 317 с.
159. Сороко, Е. Л. Показатели для описания этнодемографических процессов / Е. Л. Сороко // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. – Кн. 3. – Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016. – С. 328–338. – URL: <https://publications.hse.ru/chapters/180603683>
160. Сороко, Е. Л. Построение прогноза этнической структуры населения страны или региона: как учесть этнические процессы? / Е. Л. Сороко, П. Э. Суворков // Этнодемографические и этнокультурные процессы в России и мире: тенденции, перспективы, модели и прогнозы : Материалы

- Международной научно-практической конференции, Псков, 27 октября 2020 года. – Псков: Псковский государственный университет, 2020. – С. 3-13.
161. Сороко, Е. Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации / Е. Л. Сороко // Демографическое обозрение. – 2014. – Т. 1, № 4. – С. 96-123.
162. Степанова, Ю. В. Расселение карел в Верхневолжье в середине – второй половине XVII в.: опыт изучения с применением гис-технологий / Ю. В. Степанова, А. И. Савинова // Историческая информатика. – 2018. – № 4(26). – С. 57-72. – DOI 10.7256/2585-7797.2018.4.28508
163. Стрелецкий, В. Н. Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX – начале XXI веков и их некоторые культурно-географические аспекты / В. Н. Стрелецкий // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. – 2011. – № 1(2). – С. 51-72.
164. Суворков, П. Э. Феномен этнической идентичности в условиях смешения этнических групп и цифровизации / П. Э. Суворков, В. В. Симонова, И. В. Ермолин // Исторический подход в географии и геоэкологии : Материалы VII Международной научно-образовательной конференции по исторической географии, Санкт-Петербург, 21–23 сентября 2023 года / отв. редактор Л.Б. Вампилова. – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2023. – С. 734-740.
165. Сусоколов, А. А. Межнациональные браки в СССР / А. А. Сусоколов. – Москва : Мысль, 1987. –144 с.
166. Суций, С. Я. Армяне юга России – современная геодемографическая динамика региональных общин (2010-е - начало 2020-х гг.) / С. Я. Суций // Демографическое обозрение. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 104-123. – DOI 10.17323/demreview.v11i1.20934
167. Суций, С. Я. Очерки географии русской культуры / С. Я. Суций, А. Г. Дружинин. – Ростов-на-Дону : Северо-Кавказский научный центр

- высшей школы федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования Южный федеральный университет, 1994. – 576 с.
168. Суций, С. Я. Русские Казахстана – геодемографическая динамика постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века / С. Я. Суций // Социологические исследования. – 2018. – № 8(412). – С. 22-37. – DOI 10.31857/S013216250000759-7.
169. Суций, С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода / С. Я. Суций // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 6-30. – DOI 10.17323/demreview.v7i2.11137.
170. Тебенко, В. А. Исчезающая Карелия. Изменение численности карельского населения на территории Карелии в XX веке / В. А. Тебенко // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 4. – С. 47-50.
171. Теренина, Н. К. Динамика коэффициента этнической контрастности в республиках Урало-Поволжья с 1926 по 2021 гг / Н. К. Теренина, Б. А. Владыкин // Псковский регионологический журнал. – 2024. – Т. 20, № 1. – С. 60-76. – DOI 10.37490/S221979310029516-0
172. Теренина, Н. К. Динамика этнической неоднородности регионов России с 1959 по 2021 Г / Н. К. Теренина // Географический вестник. – 2024. – № 3(70). – С. 38-48. – DOI 10.17072/2079-7877-2024-3-38-48
173. Теренина, Н. К. Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения / Н. К. Теренина // Псковский регионологический журнал. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 101-116. – DOI 10.37490/S221979310018427-2
174. Теренина, Н. К. Контактные зоны славян с коренными народами азиатской части Российской империи в конце XIX века / Н. К. Теренина, Е. Д. Николаева, А. С. Архипова // Тихоокеанская география. – 2025. – № 2(22). – С. 20-28. – DOI 10.35735/26870509_2025_22_2

175. Теренина, Н. К. Опыт оценки этнической контрастности границ республик Урало-Поволжья / Н. К. Теренина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. – 2023. – № 3. – С. 40-50. – DOI 10.5922/gikbfu-2023-3-3
176. Теренина, Н. К. Опыт расчета коэффициента религиозной контрастности по регионам России / Н. К. Теренина, Р. Н. Кроток // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 82-94.
177. Теренина, Н. К. Оценка разнородности этнической структуры населения муниципальных образований Приволжского федерального округа / Н. К. Теренина, П. Э. Суворков // Псковский регионологический журнал. – 2025. – Т. 21, № 3. – С. 45-60. – DOI 10.37490/S221979310035315-9
178. Теренина, Н. К. Оценка сложности структуры и разнородности компонентов этноконтактных зон Крыма / Н. К. Теренина // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2024. – Т. 20, № 4. – С. 211-224.
179. Теренина, Н. К. Оценка степени выраженности локальных этноконтактных зон Республики Башкортостан / Н. К. Теренина // Псковский регионологический журнал. – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 83-95. – DOI 10.37490/S221979310030064-3
180. Теренина, Н. К. Развитие зон контакта с коренными народами Урало-Поволжья на протяжении XIX века / Н. К. Теренина, Б. А. Владыкин // Псковский регионологический журнал. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 90-107. – DOI 10.37490/S221979310027007-0
181. Теренина, Н. К. Расчет коэффициента этнической контрастности на примере республик Урало-Поволжья / Н. К. Теренина // Псковский регионологический журнал. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 81-94. – DOI 10.37490/S221979310027528-3
182. Типологическое разнообразие муниципальных образований России с русской моноэтничностью / А. Г. Дружинин, О. В. Кузнецова,

- В. В. Потапенко, Д. А. Вольхин // Региональные исследования. – 2025. – № 1(87). – С. 52-64. – DOI 10.5922/1994-5280-2025-1-4
183. Титульные этносы стран Южного Кавказа в России: комплексный анализ миграции и расселения / В. Белозеров, В. Чихичин, И. Соловьев, А. Черкасов // Центральная Азия и Кавказ. – 2016. – Т. 19, № 4. – С. 64-78.
184. Тишков, В. А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2023. – № 4. – С. 183-211. – DOI 10.31857/S0869541523040085
185. Тишков, В. А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву) / В. А. Тишков // Этнография. – 2023. – № 1(19). – С. 6-25. – DOI 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25
186. Тишков, В. А. Очерки теории этничности: Ревизия категорий и практик / В. А. Тишков. – Москва : Издательство "Наука", 2025. – 275 с.
187. Тишков, В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков ; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – Москва : Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр РАН "Издательство "Наука", 2003. – 544 с.
188. Тишков, В. А. Этнополитология. Политические функции этничности / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев. – Москва : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2013. – 416 с.
189. Трифонова, З. А. Особенности расселения чувашей в России и сопредельных государствах с 1926 по 1989 г / З. А. Трифонова, М. М. Ростовцева // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика : сборник научных статей, Смоленск, 14–16 октября 2016 года. – Смоленск: Универсум, 2016. – С. 569-576.

190. Трифонова, З. А. Расселение этнических групп в России (1926-2002) / З. А. Трифонова // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2008. – № 2. – С. 62-67.
191. Трушкова, И. Ю. Этнокультурная ситуация у марийцев в Кировской области в 2010-20-х годах / И. Ю. Трушкова, Е. И. Титова // Цифровая экономика и управление знаниями: проблемы и перспективы развития : сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции, Киров, 15 июня 2022 года. – Киров: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Вятский государственный агротехнологический университет, 2022. – С. 194-196.
192. Уваров, С. Н. Брачно-семейные отношения у удмуртов России во второй половине XX – начале XXI века / С. Н. Уваров // Вестник антропологии. – 2024. – № 4. – С. 254-268. – DOI 10.33876/2311-0546/2024-4/254-268
193. Уваров, С. Н. Брачное поведение удмуртов по данным микропереписи 1994 г. / С. Н. Уваров // Народы и религии Евразии. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 142-154. – DOI 10.14258/nreur(2025)3-08
194. Уваров, С. Н. Демографические и ассимиляционные процессы среди удмуртов во второй половине XX века / С. Н. Уваров // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2018. – Т. 12, № 1. – С. 107-122.
195. Уваров, С. Н. Демографическое эхо войны у удмуртов (по материалам переписей 1970 и 1979 гг.) / С. Н. Уваров // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 257-266. – DOI 10.35634/2224-9443-2024-18-2-257-266
196. Уваров, С. Н. К вопросу о методике определения количественных размеров этнической ассимиляции в 1959-1989 гг. (на примере удмуртов) / С. Н. Уваров // Вестник Томского государственного университета. История. – 2023. – № 84. – С. 148-153. – DOI 10.17223/19988613/84/19

197. Уваров, С. Н. Миграция удмуртов из Удмуртской АССР в Казахстан в 1960-е гг. / С. Н. Уваров, Н. В. Чернышева // Журнал фронтальных исследований. – 2024. – Т. 9, № 3(35). – С. 245-262. – DOI 10.46539/jfs.v9i3.632
198. Уваров, С. Н. Национальный состав населения Удмуртии в 1939-1959 гг. / С. Н. Уваров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9-2(47). – С. 176-178.
199. Уваров, С. Н. Региональная этническая миграция по материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г. (на примере Удмуртии) / С. Н. Уваров // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2018. – № 1(25). – С. 180-188. – DOI 10.32516/2303-9922.2018.25.17
200. Уваров, С. Н. Удмурты: ассимиляция или депопуляция? (к итогам Всероссийской переписи населения 2021 г.) / С. Н. Уваров // Финно-угорский мир. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 461-471. – DOI 10.15507/2076-2577.015.2023.04.461-471
201. Уваров, С. Н. Этническая миграция в Удмуртии в 1970-1980-е годы: историко-статистический анализ / С. Н. Уваров // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2017. – № 1(21). – С. 160-179.
202. Уваров, С. Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1980-е годы / С. Н. Уваров // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2017. – Т. 27, № 4. – С. 569-580.
203. Уставщикова, С. В. Изменения в этнической гетерогенности регионов Приволжского Федерального Округа / С. В. Уставщикова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Науки о Земле. – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 20-26. – DOI 10.18500/1819-7663-2017-17-1-20-26
204. Файбусович, Э. Л. Перспективы геодемографии как научного направления гуманитарной географии / Э. Л. Файбусович, С. Ю. Корнекова // Известия Русского географического общества. – 2013. – Т. 145, № 1. – С. 31-35.

205. Фаузер, В. В. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 151-168.
206. Фаузер, В. В. Коми народ в изменившейся внешней среде: мониторинг ситуации / В. В. Фаузер // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. – 2011. – № 1. – С. 39-45.
207. Фаузер, В. В. Факторы и последствия изменений этнической структуры населения Республики Коми / В. В. Фаузер // Human Progress. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 13. – DOI 10.34709/IM.182.13
208. Фаузер, В. В. Финно-угорские народы в современном мире / В. В. Фаузер // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2011. – № 3. – С. 111-125.
209. Фаузер, В. В. Финно-угорские народы России: динамика численности и особенности расселения / В. В. Фаузер // Journal of Geography and Environmental Management. – 2025. – Vol. 76, No. 1. – DOI 10.26577/jgem20257611
210. Федоров, Г. М. Геодемографическая обстановка: теоретические и методические основы / Г. М. Федоров. – Ленинград : Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук "Издательство "Наука", 1984. – 112 с.
211. Федоров, Г. М. Концепция геодемографической обстановки / Г. М. Федоров // Избранные труды. – Калининград : Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2024. – С. 13-29.
212. Федоров, Г. М. Научные основы концепции геодемографической обстановки / Г. М. Федоров. – Ленинград : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1991. – 180 с.

213. Федоров, Г. М. Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России / Г. М. Федоров // Балтийский регион. – 2014. – № 2(20). – С. 7-28. – DOI 10.5922/2074-9848-2014-2-1.
214. Финно-угорские народы Республики Казахстан: динамика численности, размещение, миграционные процессы / Г. Л. Поносов, П. С. Дмитриев, Т. Н. Лысакова [и др.] // Финно-угорский мир. – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 158-168. – DOI 10.15507/2076-2577.013.2021.02.158-168
215. Фишман, О. М. Фомирование субэтнической группы карел Верхневолжья (история, факторы, признаки) / О. М. Фишман // Тезисы докладов XVII Всесоюзной конференции финно-угроведов. – Устинов, 1987. – С. 204–205.
216. Хамидуллин, А. Р. Субрегиональная идентичность коми-ижемцев как аспект этнодемографических процессов / А. Р. Хамидуллин // Этнография. – 2024. – № 2(24). – С. 195-213. – DOI 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-195-213
217. Хрущев, С. А. Географическое исследование устойчивости этноценозов коренных народов Севера : специальность 25.00.24 "Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география" : диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук / Хрущев Сергей Андреевич. – Санкт-Петербург, 2007. – 223 с.
218. Хрущев, С. А. Региональные особенности динамики численности и расселения коренных малочисленных народов севера России / С. А. Хрущев, К. Б. Клоков, Ю. А. Ступин // Известия Русского географического общества. – 2008. – Т. 140, № 3. – С. 45-51.
219. Чернышева, Н. В. Этнодемографические процессы у удмуртов во второй половине 1930-х – 1950-х годах / Н. В. Чернышева, А. И. Ажигулова, С. Н. Уваров // Демографическое обозрение. – 2024. – Т. 11, № 2. – С. 86-99. – DOI 10.17323/demreview.v11i2.21828
220. Чернышева, Н. В. Этнодемографические процессы у удмуртов Кировской области в советский период / Н. В. Чернышева // Финно-угорский мир. –

2024. – Т. 16, № 4. – С. 431-443. – DOI 10.15507/2076-2577.016.2024.04.431-443
221. Шульгов, Е. Н. Динамика численности мордвы в союзных республиках СССР и миграции мордовского населения / Е. Н. Шульгов // Самарский научный вестник. – 2018. – Т. 7, № 2(23). – С. 174-179.
222. Щанкина, Л. Н. Мордва на территории Иркутской области во второй половине XIX – начале XXI в.: динамика численности и история переселения / Л. Н. Щанкина // Вестник Томского государственного университета. История. – 2023. – № 84. – С. 154-163. – DOI 10.17223/19988613/84/20
223. Эккель, Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР / Б. М. Эккель // Советская этнография, 1976. – № 2. – С. 33-39.
224. Этнические миграции в горных регионах (на примере республик Северного Кавказа) / П. М. Полян, В. С. Белозеров, В. В. Чихичин, И. В. Глущенко // Эффективное развитие горных территорий России : Горный форум – 2016: материалы международной научно-практической конференции, Махачкала, 26–29 июля 2016 года. – Махачкала: ГАОУ ВПО "Дагестанский государственный институт народного хозяйства", 2016. – С. 153-163.
225. Этнический атлас Ставропольского края / В. С. Белозеров, А. Н. Панин, Р. А. Приходько [и др.] ; Научный редактор: Полян П.М. профессор. – Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. – 304 с.
226. Этноатлас Красноярского края. – Красноярск: Группа компаний «Платина», 2006. – 224 с.
227. Этносy в пространстве современной России (муниципальное измерение) / А. Г. Дружинин, О. В. Кузнецова, В. В. Потапенко, Д. А. Вольхин. – Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2025. – 120 с.
228. Alba, R. Minority proximity to whites in suburbs: an individual-level analysis of segregation / R. Alba, J. R. Logan // American Journal of Sociology. – 1993. Vol. 98, No. 6. – P. 1388–1427.

229. Alba, R. Remaking the American mainstream: assimilation and contemporary immigration / R. Alba, V. Nee. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005. – 359 p.
230. Anderson, B. Estimating russification of ethnic identity among non-Russians in the USSR / B. Anderson, B. Silver // *Demography*. – 1983. Vol. 20, № 4. – P. 461–489.
231. Balode, S. Ethnic residential patterns in the inner-city core of Riga, Latvia using scalable individualized neighborhoods / S. Balode, M. Bērziņš // *Front. Sustain. Cities*. – 2025. Vol. 7. – P. 1612980. – DOI 10.3389/frsc.2025.1612980
232. Benassi, F. Local-scale residential concentration and income inequalities of the main foreign-born population groups in the Spanish urban space. Reaffirming the model of a divided city / F. Benassi, R. Iglesias-Pascual // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2023. – Vol. 49, No. 3. – P. 673–696. – DOI 10.1080/1369183X.2022.2067137
233. Bogoyavlensky, D. Russia's Northern Indigenous Peoples: Are They Dying Out? / D. Bogoyavlensky // *Hunters & Gatherers in the Modern World*. New York – Oxford: Berghahn Books, 2000. – P. 327–340
234. Bufetova, A. N. Cultural Heterogeneity and Economic Development in Russia / A. N. Bufetova, A. A. Khrzhanovskaya, E. A. Kolomak // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2020. – Vol. 13, No. 4. – P. 453-463. – DOI 10.17516/1997-1370-0582
235. Campos, N. Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth / N. Campos, A. Saleh, V. Kuzeyev // *Journal of International Trade and Economic*. – 2011. – Vol. 20. – P. 129-152.
236. Chikhichin, V. V. The ethnic map of Stavropol krai: Space–time dynamics for the last half-century / V. V. Chikhichin, V. S. Belozarov // *Regional Research of Russia*. – 2016. – Vol. 6, No. 4. – P. 366-374. – DOI 10.1134/S2079970516040067
237. Danzer, A. M. Growing up in ethnic enclaves: language proficiency and educational attainment of immigrant children / A. M. Danzer, C. Feuerbaum,

- M. Piopiunik et al. // *J Popul Econ.* – 2022. – No. 35. – P. 1297-1344. – DOI 10.1007/s00148-022-00889-y
238. Dražanová, L. Introducing the Historical Index of Ethnic Fractionalization (HIEF) Dataset: Accounting for Longitudinal Changes in Ethnic Diversity / L. Dražanová // *Journal of Open Humanities Data.* – 2020. – Vol. 6. – No. 1.
239. Ethnic and linguistic context of identity: Finno-Ugric minorities / Eds. Riho Grünthal, Magdolna Kovács. Helsinki, 2011. – 406 p. – URL: <https://www.sgr.fi/uh/uh5.pdf>
240. Gordon, M. Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origins / M. Gordon. – New York : Oxford University Press, 1964. – 288 p.
241. Greenberg, J. H. The Measurement of Linguistic Diversity / J. H. Greenberg // *Language.* – 1956. – Vol. 32, No. 1. – P. 109-115.
242. Hall, M. Interstate migration, spatial assimilation, and the incorporation of US immigrants / M. Hall // *Population, Space and Place.* – 2009. – Vol. 15. – P. 57-77.
243. Kozlov, V. I. Ethnic processes and trends in the ethnic composition of the population in the USSR / V. I. Kozlov // *GeoJournal.* – 1980. – Vol. 1, No. 1 Suppl. – P. 23-30. – DOI 10.1007/BF00217466
244. Kozlov, V. I. Ethnic processes in the USSR / V. I. Kozlov // *Geoforum.* – 1972. – Vol. 9, No. C. – P. 47-53. – DOI 10.1016/0016-7185(72)90006-1
245. Kozlov, V. I. The classification of ethnic communities: The present position in the Soviet debate / V. I. Kozlov // *Ethnic and Racial Studies.* – 1980. – Vol. 3, No. 2. – P. 123-139. – DOI 10.1080/01419870.1980.9993295
246. Kronenberg, C. Ethnic communities and school performance among the new second generation in the United States: testing the theory of segmented assimilation / C. Kronenberg // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* – 2008. – No. 620. – P. 138–160.
247. Lallukka, S. The East Finnic Minorities in the Soviet Union: An Appraisal of the Erosive Trends / S. Lallukka. – Helsinki : Soumal. tiedeakat., 1990. – 344 p.

248. Liebler, C. A. America's Churning Races: Race and Ethnicity Response Changes between Census 2000 and the 2010 Census / C. A. Liebler, S. R. Porter, L. E. Fernandez, J. M. Noon, S. R. Ennis // *Demography*. – 2017. – No. 54(1). – P. 259-284. – DOI 10.1007/s13524-016-0544-0
249. Limonov, L. Regional cultural diversity in Russia: does it matter for regional economic performance? / L. Limonov, M. Nesena // *Area Development and Policy*. – 2016. – Vol. 1, No. 1. – P. 63-93. – DOI 10.1080/23792949.2016.1164016
250. Lindgren, K. O. Immigrant Political Representation and Local Ethnic Concentration: Evidence from a Swedish Refugee Placement Program / K. O. Lindgren, M. D. Nicholson, S. Oskarsson // *British Journal of Political Science*. – 2022. – Vol. 52, No. 3. – P. 997-1012. – DOI 10.1017/s0007123420000824
251. Manakov, A. G. Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macroregion from 1897 to 2017 / A. G. Manakov // *Regional Research of Russia*. – 2020. – Vol. 10, No. 4. – P. 574-582. – DOI 10.1134/S2079970520040176
252. Manakov, A. G. The Baltic Finnish Peoples Divided by State and Administrative Borders: Territorial Development of the Karelians, Vepsians, and Setos / A. G. Manakov, N. K. Terenina // *Baltic Region*. – 2015. – No. 1(23). – P. 96-107. – DOI 10.5922/2079-8555-2015-1-8
253. Measuring and Visualizing Patterns of Ethnic Concentration: The Role of Distortion Coefficients / C. De Bézenac, W. A. V. Clark, M. Olteanu, Ju. Randon-Furling // *Geographical Analysis*. – 2022. – Vol. 54, No. 1. – P. 173-196. DOI 10.1111/gean.12271
254. Soroko, E. How the methods of natural sciences can help in the studies of ethnically mixed families? / E. Soroko // *Journal of Physics: Conference Series* : 2, Moscow, 09–12 октября 2017 года. – Moscow, 2018. – P. 012035. – DOI 10.1088/1742-6596/955/1/012035

255. Soroko, E. Role of Ethnically Mixed Families in Formation of Ethnic Structure of Russia's Population / E. Soroko // European Population Conference. – 2010. – Vienna, Austria, 1-4 September 2010. – URL: <http://demoscope.ru/center/so/epc2010.html>
256. Streletskiy, V. Ethnic settlement shifts in Russia in 1989-2017: main trends and cultural-geographical consequences / V. Streletskiy // Practical Geography and XXI Century Challenges : International Geographical Union Thematic Conference dedicated to the Centennial of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. – Vol. Part 1. – Moscow, 2018. – P. 532.
257. Streletsky, V. N. Ethnic and cultural factors of regional development in Russia / V. N. Streletsky // Natural resource development. Population and environment in Russia: their present and future in relation to Japan : материалы II Российско-Японского семинара, Москва, 13–14 сентября 2010 года. – Москва: М-Мега, 2010. – P. 78-96.
258. Titular ethnicities of the South Caucasian countries in Russia: comprehensive analysis of migration and settlement / V. Belozеров, V. Chikhichin, I. Soloviev, A. Cherkasov // Central Asia and the Caucasus. – 2016. – Vol. 17, No. 4. – P. 58-71.
259. Vervoort, M. Ethnic Concentration in the Neighbourhood: A Constraint On Ethnic Minorities' Social Integration? Weak and Strong Social Ties Examined / M. Vervoort // Urban Studies. – 2012. – Vol. 49, No. 4. – P. 897–915. DOI 10.1177/0042098011408141
260. Wilson, T. A multistate model for projecting regional populations by Indigenous status: an application to the Northern Territory, Australia / T. Wilson // Environment and Planning. – 2009. – No. 41(1). – P. 230–249. – DOI 10.1068/a402.
261. Wilson, T. The future of Australia's Indigenous Population, 2011–61 / T. Wilson // Population Studies. – 2016. – No. 70(3). – P. 311–326. – DOI 10.1080/00324728.2016.1224372

262. Zhitin, D. V. Changes in the settlement pattern of the Russian Ethnos within the boundaries of the Russian Federation from the second half of the 20th century to the early 21st century / D. V. Zhitin // *Regional Research of Russia*. – 2013. – Vol. 3, No. 4. – P. 365-375. – DOI 10.1134/S2079970514010109

Информационные источники

263. ВПН 2002. Том 12. Таблица 5. Женщины наиболее многочисленных национальностей Российской Федерации по возрастным группам и числу рожденных детей. – URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/ТОМ_12_05.htm
264. ВПН 2010. Том 10. Таблица 8. Женщины наиболее многочисленных национальностей Российской Федерации, проживающие в частных домохозяйствах, по возрастным группам и числу рожденных детей. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
265. Всероссийская перепись населения 2002 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – URL: <https://web.archive.org/web/20240118171528/http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>
266. Всероссийская перепись населения 2010. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
267. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Таблица 44в. Распределение женщин по возрасту, состоянию в браке, числу рожденных детей и национальности. РГАЭ. Ф.1562. Оп.336. Д.7649. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_chi_79.php
268. Демоскоп Weekly. Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1>
269. Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami

270. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Госкомстат. Том IV – распределение женщин по числу рожденных детей. Таблица 5. Распределение женщин отдельных национальностей по возрасту и числу рожденных детей по союзным республикам. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_chi_89.php
271. Калабеков, И. Г. Российские реформы в цифрах и фактах. Справочное издание / И.Г. Калабеков. Москва: РУСАКИ, 2025. 1267 с. Суммарный коэффициент рождаемости в России с 1958 по 2023 гг., с. 814-815. – URL: <https://refru.ru/rr300.pdf>.
272. Калабеков, И. Г. СССР и страны мира в цифрах. Справочное издание / И.Г. Калабеков. Москва, 2025. 1134 с. Суммарный коэффициент рождаемости в СССР с 1926 по 1990 гг., с. 731. – URL: <https://su90.ru/birth.html>.
273. Population statistics of Eastern Europe & former USSR. – URL: <http://pop-stat.mashke.org/>.